

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Лорд
Дансейни

ВРЕМЯ И БОГИ
♦
ДОЧЬ КОРОЛЯ
ЭЛЬФЛАНДИИ

«ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Большие книги

Лорд Дансейни

**Время и боги. Дочь
короля Эльфландии**

«Азбука-Аттикус»

1905, 1906, 1908, 1910, 1912, 1916, 1924

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дансейни Л.

Время и боги. Дочь короля Эльфландии / Л. Дансейни —
«Азбука-Аттикус», 1905, 1906, 1908, 1910, 1912, 1916,
1924 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22331-8 279

Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, 18-й барон Дансейни, публиковавшийся как лорд Дансейни, – знаменитый автор множества романов, пьес и литературных сказок, стоявший у истоков самого жанра фэнтези. Едва ли не первым в европейской литературе он создал целый «вторичный мир» – со своей космологией, мифологией, историей и географией. Его мифология повлияла на Лавкрафта, Толкина и Борхеса, а парадоксальный юмор, постоянная игра с читательскими ожиданиями – на Нила Геймана и на всю современную ироническую фэнтези. В данной книге вашему вниманию предлагаются шесть сборников мастера – «Боги Пеганы», «Время и боги», «Меч Веллерана и другие истории», «Рассказы сновидца», «Книга чудес», «Новейшая книга чудес», – а также роман «Дочь короля Эльфландии». Здесь бог радости и сладкоголосых музыкантов может встретить бога сновидений и фантазий, здесь народу полей никогда не добраться до Каркассона, здесь 250-летний кентавр наконец отправляется на поиски невесты, а парламент деревни, расположенной недалеко от границы Волшебной страны, решает, чтобы их землю правил чародей... Часть произведений публикуется в новых переводах, остальные – в новой редакции. Издание сопровождается иллюстрациями знаменитого художника-сказочника Сидни Сайма, сделанными для первых публикаций книг Дансейни.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22331-8 279

© Дансейни Л., 1905, 1906, 1908, 1910,
1912, 1916, 1924

© Азбука-Аттикус, 1905, 1906, 1908,
1910, 1912, 1916, 1924

Содержание

Боги Пеганы	8
Предисловие	8
Боги Пеганы	9
О Скарле-барабанщике	10
О сотворении Миров	12
Об игре богов	13
Песнь богов	14
Речения Киба	15
О Сише	16
Речения Слида	17
Деяния Мунга	20
Напев Жрецов	21
Речения Лимпанг-Танга	22
О Йохарнет-Лехее	24
О Руне, боге Ходьбы, и о сотне домашних богов	25
Бунт речных божеств	29
О Дорозанде	32
Око в Пустыне	34
О том, кто не был ни богом, ни чудовищем	37
Пророк Йонаф	40
Пророк Йуг	41
Пророк Алхирет-Хотеп	42
Пророк Кабок	43
О беде, что приключилась с Йун-Иларой у моря, и о строительстве Башни Исхода Дней	44
О том, как боги погубили долину Сидифь	45
О том, как Имбон стал в Арадеке Верховным Пророком Всех богов, кроме Одного	47
О том, как Имбон повстречался с Зодраком	49
Пегана	51
Речения Имбона	54
О том, как Имбон говорил с царем о смерти	55
Об Ооде	56
Река	57
Птица судьбы и Конец	59
Время и боги	60
Предисловие	60
Часть I	61
Время и боги	61
Приход моря	62
Легенда о Заре	65
Отмщение людское	70
Когда боги спали	71
Царь, которого не было	75
Пещера Каи	76
Скорби исканий	80

Люди Йарнита	85
Во славу богов	89
Ночь и Утро	92
Скряга	93
Млидин	95
Тайна богов	98
Южный Ветер	100
Страна Времени	101
Милость Сарнидака	106
Шутка богов	109
Сны пророка	109
Часть II	111
Странствие царя	111
Меч Веллерана и другие истории	131
Посвящение	131
Меч Веллерана	132
Конец Баббулкунда	144
Родня эльфийского народа	153
Глава 1	153
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Лорд Дансейни

Время и боги. Дочь короля Эльфландии

Lord Dunsany
The Gods of Pegāna
Time and the Gods
The Sword of Welleran and Other Stories
A Dreamer's Tales
The Book of Wonder
The Last Book of Wonder
The King of Elfland's Daughter

© The Estate of Lord Dunsany, first published 1905
© The Estate of Lord Dunsany, first published 1906
© The Estate of Lord Dunsany, first published 1908
© The Estate of Lord Dunsany, first published 1910
© The Estate of Lord Dunsany, first published 1912
© The Estate of Lord Dunsany, first published 1916
© The Estate of Lord Dunsany, first published 1924
© И. В. Борисова, перевод, 2000, 2015
© В. А. Гришечкин, перевод, 2003, 2015
© Н. Г. Кротовская, перевод, 2000, 2015
© В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 1993, 2000, 2003, 2015
© С. Б. Лихачева, перевод, 1994, 1997, 1999, 2002, 2003, 2022, 2023
© А. И. Мирер (наследники), перевод, 2015
© Н. А. Цыркун, перевод, 2000, 2015
© Г. Ю. Шульга, перевод, 2000, 2003
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

* * *

Боги Пеганы

Предисловие

Есть острова в Срединном море, воды которого не стеснены никакими берегами, куда не доплывает ни один корабль.

Вот вера людей, живущих на этих островах.

В туманной мгле, предшествовавшей Началу, Судьба и Случай кидали жребий, чтобы определить, чья будет Игра; выигравший же поспешил, широко шагая сквозь туманную мглу, к МАНА-ЙУД-СУШАИ и сказал ему:

– Теперь создай для меня богов, потому что мой жребий выиграл и Игра будет моя.

Но чей жребий выиграл и кто, Судьба или Случай, сквозь туманную мглу, предшествовавшую Началу, поспешил к МАНА-ЙУД-СУШАИ, – *никому не известно.*

Боги Пеганы

Раньше, чем воцарились боги на Олимпе, и даже раньше, чем Аллах стал Аллахом, МАНА-ЙУД-СУШАИ уже окончил свои труды и предался отдыху.

И были в Пегане – Мунг, и Сиш, и Киб, и создатель всех малых богов, МАНА-ЙУД-СУШАИ. Кроме того, мы верили в Руна и Слида.

Старики говорили, что все кругом сделано малыми богами, кроме только самого МАНА-ЙУД-СУШАИ, который создал богов и поэтому отдыхал.

И никто не смел молиться МАНА-ЙУД-СУШАИ, а молился лишь богам, которых он создал.

Но в Конце МАНА-ЙУД-СУШАИ забудет про отдых и захочет создать новых богов и новые миры и уничтожит богов, созданных раньше.

И боги и миры исчезнут, останется лишь МАНА-ЙУД-СУШАИ.

О Скарле-барабанщике

Когда МАНА-ЙУД-СУШАИ создал богов и Скарла, Скарл сделал барабан и начал барабанить по нему, а барабанить он мог вечно. Затем МАНА-ЙУД-СУШАИ, утомленный своими трудами и барабанной дробью Скарла, задремал и уснул.

И, увидев, что МАНА-ЙУД-СУШАИ заснул, боги замолчали, и в Пегане воцарилась тишина, слышна была только барабанная дробь Скарла. Скарл сидел в туманной мгле у ног МАНА-ЙУД-СУШАИ, над богами Пеганы, и бил в барабан. Некоторые говорят, что Миры и Солнца – это лишь эхо барабанной дроби Скарла, а другие считают, что это сны МАНА, которые навеивает ему барабан Скарла, вроде тех, что иногда могут привидеться, если сквозь сон услышишь мелодию песни, но это лишь предположения, ведь никто никогда не слышал голоса МАНА-ЙУД-СУШАИ и никогда не видел его барабанщика.

Зима ли царит среди Миров или лето, утро ли озаряет Миры или они окутаны ночной тьмой, Скарл продолжает бить в барабан, поскольку цели богов еще не достигнуты. Иногда рука Скарла слабеет, но он все барабанит, чтобы боги могли свершать свои труды, а миры – вращаться, ведь если он хоть на мгновение перестанет, МАНА-ЙУД-СУШАИ проснется и тогда не останется ни богов, ни Миров.

Но когда наконец руки Скарла все же устанут, тишина потрясет Пегану не хуже громового раската в пещере и МАНА-ЙУД-СУШАИ прервет свой отдых.

Тогда Скарл закинет барабан за спину и направит свои стопы в пустоту, за пределы миров, потому что настанет КОНЕЦ и труд его будет завершен.

Возможно, появятся новые боги, которым Скарл сможет служить, или, возможно, он погибнет. Но для Скарла это не важно, потому что свою работу он выполнил.

СНЫ МАНА-ЙУД-СУШАИ

О сотворении Миров

Когда МАНА-ЙУД-СУШАИ создал богов, существовали только боги и все они находились в середине Времени, поскольку перед ними простиралось столько же Времени, сколько и позади них, и не было у него ни конца, ни начала.

А в Пегане не было ни жары, ни света, ни звука – ничего, кроме барабанной дробы Скарла. Кроме того, Пегана была Сединой Всего, поскольку за ней и под ней было столько же, что перед ней и над ней.

Тогда сказали боги, явив Свои знамения и разговаривая с помощью жестов, чтобы не смутить тишину Пеганы; тогда сказали боги один другому с помощью жестов:

– Давайте сотворим Миры, чтобы развлечься, пока МАНА отдыхает. Давайте сотворим Миры, и Жизнь, и Смерть, и небесную лазурь; но не станем нарушать тишину над Пеганой.

И подняли боги руки, каждый являя Свое знамение, и создали Миры и Солнца, и зажгли свет в небесных чертогах.

Тогда сказали боги:

– Давайте сотворим ту, что будет искать, но никогда не выяснит, почему боги творили.

И Они подняли руки, каждый являя Свое знамение, и создали Ослепительную, с горящим хвостом, чтобы она устремлялась на поиски от края Миров до другого края, возвращаясь обратно через сотню лет.

Когда ты видишь комету, знай, что ее возвращения тебе не дожидаться.

Тогда сказали боги, по-прежнему разговаривая жестами:

– Давайте сотворим ту, что будет сторожить и наблюдать.

И Они создали Луну, с ликом морщинистым и изрытым из-за тысячи долин и множества гор, с бледными глазами, наблюдающими за играми малых богов, стерегущими покой МАНА-ЙУД-СУШАИ; создали Луну, чтобы она сторожила, и наблюдала за всем, и молчала.

Тогда сказали боги:

– Давайте сотворим ту, что будет отдыхать. Будет неподвижна среди движения. Не станет искать, наподобие кометы, не станет кружиться, наподобие миров, а будет отдыхать, пока МАНА отдыхает.

И Они создали Неизменную Звезду и поместили ее на Севере.

Когда ты видишь на Севере Неизменную Звезду, знай, что она отдыхает, как отдыхает МАНА-ЙУД-СУШАИ, и знай, что где-то среди Миров есть покой.

Наконец боги сказали:

– Мы сотворили Миры и Солнца, и ту, что ищет, и ту, что наблюдает, давайте же теперь сотворим ту, что восхищает.

И Они создали Землю, ту, что восхищает, – каждый бог поднял руку, являя свое знамение.

И Стала Земля.

Об игре богов

Миллион лет прошло со времени первой игры богов. А МАНА-ЙУД-СУШАИ все еще отдыхал, все еще в середине Времени, и боги еще играли Мирами. Луна сторожила, а Ослепительная вновь и вновь отправлялась на поиски. Потом Кибу наскучила первая игра богов, и он в своей Пегане поднял руку, явив знамение Киба, и Земля оказалась покрыта зверями, чтобы Киб мог играть с ними.

И Киб играл со зверями, но вот другие боги стали переговариваться с помощью жестов:

– Что это Киб сделал?

И Они обратились к Кибу:

– Что это такое движется по Земле, но не кругами, подобно Мирам, и смотрит, подобно Луне, но при этом не излучает света?

Киб ответил:

– Это Жизнь.

Боги стали говорить один другому:

– Если Киб создал зверей, он со временем создаст и Людей и тем самым подвергнет опасности Тайну богов.

А Мунг позавидовал трудам Киба и послал вниз, к зверям, Смерть, но не смог известить их.

Миллион лет прошло со второй игры богов, и все еще была Средине Времен.

А Кибу наскучила вторая игра богов, и он поднял руку в Средине Всего, явив знамение Киба, и создал Людей: он создал их из зверей, и Земля оказалась покрыта Людьюми.

Тогда боги преисполнились страха из-за Тайны богов и опустили завесу между Человеком и его невежеством, а Человек не мог этого постичь. И Мунг занялся Людьюми.

Но, увидев, как Киб играет в новую игру, боги пришли и стали тоже играть в нее. И так Они будут играть, пока МАНА не проснется и не упрекнет их, сказав:

– Что это играете вы с Мирами и Солнцами, и Людьюми, и Жизнью, и Смертью?

И в тот час, когда рассмеется МАНА-ЙУД-СУШАИ, устыдятся боги Своих занятий.

Это Киб первым нарушил Тишину Пеганы, начав говорить ртом, подобно Человеку.

А остальные боги рассердились на Киба, за то, что он говорил ртом.

Так не стало больше тишины ни в Пегане, ни в Мирах.

Песнь богов

Раздался глас богов, поющих песнь богов, распеваящих:

– Мы боги, Мы игрушки МАНА-ЙУД-СУШАИ, которыми он играл и о которых позабыл.

МАНА-ЙУД-СУШАИ создал нас, а Мы создали Миры и Солнца.

И Мы играем с Мирами и Солнцами, и с Жизнью и Смертью, пока МАНА не проснется и не упрекнет нас, сказав: «Что это играете вы с Мирами и Солнцами?»

Миры и Солнца вещь важная, но смех МАНА-ЙУД-СУШАИ сокрушителен.

И когда он воспрянет ото сна в Конце и будет смеяться над нами, за то, что Мы играем Мирами и Солнцами, Мы второпях побросаем их и Миров не станет.

Речения Киба

(пославшего жизнь во все Миры)

Сказал Киб:

– Я Киб. Я не кто иной, как Киб.

Киб – это Киб. Это Киб, и никто иной. Веруйте!

Сказал Киб, что в ранние Времена – когда Время было и вправду совсем раннее – существовал лишь МАНА-ЙУД-СУШАИ. МАНА-ЙУД-СУШАИ был до возникновения богов и будет после их исчезновения.

Еще сказал Киб:

– Когда исчезнут боги, не станет ни маленьких Миров, ни больших.

Сказал Киб:

– И будет одиноко МАНА-ЙУД-СУШАИ. Это начертано, потому веруйте! Разве это не начертано? Или вы превосходите величиим Киба? Киб – это Киб.

О Сише

(которому служат Часы)

Время – это пес Сиша.

Когда Сиш скажет, Часы наперегонки бегут впереди него, а он идет своей дорогой.

Сиш никогда не возвращается и никогда не останавливается; он ни разу не явил милости к тому, что знал когда-то, даже не взглянул в ту сторону.

Прежде Сиша идет Киб, а за Сишем – Мунг.

Все вещи красивы, пока не предстанут перед ликом Сиша, а после того они сморщенные и стары.

А Сиш, не останавливаясь, идет своей дорогой.

Когда-то боги гуляли по Земле, подобно людям, и, подобно им, разговаривали ртом. Это было в Уорнат-Маваи. Теперь они уже больше не гуляют.

Уорнат-Маваи – прекрасный сад, красивее всех других садов на Земле.

Киб был благожелателен, и Мунг не поднимал руку на Уорнат-Маваи, и Сиш не натравливал на него послушные Часы.

Уорнат-Маваи лежал в долине и был обращен к югу, а на одном из склонов, поросших цветами, Сиш любил отдыхать, пока был молод.

Отсюда отправился Сиш в мир, чтобы разрушать города, науськивать Часы на все на свете, засыпать все пылью и разъедать ржавчиной.

А Время, пес Сиша, пожирал все кругом, а Сиш насылал плющ и взращивал бурьян, а пыль из руки Сиша великолепным покровом ложилась на все кругом. Только на долину, где Сиш отдыхал, когда был молод, он не позволял нападать своим Часам.

Здесь он придерживал старого своего пса, Время, а Мунг, приближаясь к этим местам, замедлял шаги.

Уорнат-Маваи все так же лежит в долине, обратясь к югу, из всех садов сад, все еще растут цветы по его склонам, как росли, когда боги были молоды, и те же бабочки все еще живы в Уорнат-Маваи. Ибо сердца богов, вовсе не склонные смягчаться, смягчаются при воспоминаниях о юности.

Уорнат-Маваи продолжает лежать в долине, но если тебе когда-нибудь удастся найти его, ты счастливей богов, потому что они уже не гуляют там.

Как-то один пророк решил, что различает в отдалении, за горами, сад необыкновенной красоты, полный цветов; но поднялся Сиш, и указал на пророка, и послал своего пса в погоню за ним, и пес с тех пор преследует его.

Время – это пес богов; но в старину было предсказано, что наступит день, когда он поднимется на своих хозяев, возжадав гибели богов, всех, кроме МАНА-ЙУД-СУШАИ, сны которого воплотились в богов – сны, приснившиеся давным-давно.

Речения Слида

(душа которого в Море)

Сказал Слип:

– Пусть люди не молятся МАНА-ЙУД-СУШАИ, ибо кто осмелится беспокоить МАНА скорбями смертных или раздражать его печалью всех жилищ на Земле?

Пусть никто не приносит жертву МАНА-ЙУД-СУШАИ. Разве жертвы и алтари добавляют славы тому, кто создал самих богов?

Молись малым богам, это боги Творения, а МАНА – это бог Сотворенного, бог Сотворенного и Отдохновения.

Молись малым богам и надейся, что они услышат тебя. Но какой милости дождешься ты от малых богов, которые создали Смерть и Боль? Хотя, возможно, они придержат ради тебя своего пса Время.

Слип – малый бог. Но Слип – это Слип – так начертано и так произнесено.

Поэтому молись Слиду и не забывай о Слиде, и, возможно, Слип не забудет послать тебе Смерть, когда она будет тебе нужнее всего.

Сказали Люди Земли:

– По Земле разносится мелодия, будто десять тысяч рек и ручьев хором поют о своих оставленных среди холмов домах.

И сказал Слип:

– Я – Владыка текущих рек, и пенящихся потоков, и стоячих вод. Я – Владыка всей воды в мире и всех сокувищ, принесенных течением рек в холмы. Но душа Слида в Море. Туда движется все, что течет на Земле, и все реки кончаются в Море.

И сказал Слип:

– Пальцы Слида играют с водопадами, на рассвете в долинах остаются следы Слида, а из озер на равнинах смотрят его глаза, но душа Слида в Море.

Слид

Чтят Слида люди в городах, нравятся ему полевые тропки, и лесные стежки, и долины меж гор, где он пляшет; но Слида не удержать ни берегами, ни границами – ибо душа Слида в Море.

Там может он раскинуться под солнцем и улыбаться богам, которые сверху улыбаются Слиду, и быть счастливее тех, кто правит Мирами, тех, чье занятие – Жизнь и Смерть.

Там может он сидеть и улыбаться, или прокрадываться между кораблями, или вздыхать около островов, рассматривая, подобно скряге, свои несметные богатства, россыпи драгоценных камней и жемчуга.

Либо, придя в восторг, Слип вытянет вверх огромные руки или тряхнет гривой спутанных волос, и начнет петь неистовые песни кораблекрушений, и всем телом ощутит собственную разрушительную мощь и власть над морем. Тогда Море, подобно безрассудно смелым легионам, перед началом сражения приветствующим вождя, соберет свои силы под всеми ветрами, и заревет, и запоеет, и загрохочет, сметая все на пути по слову Слида, душа которого в море.

Когда легко на душе у Слида, то на море тишь; а когда на море буря, на душе у Слида тревожно, ведь настроение богов изменчиво. Слип бывает во многих местах, ибо он царствует в великой Пегане. Он проходит по долинам, где течет или движется вода; но голос Слида и зов его слышится с моря. И тот, чьих ушей коснется этот зов, бросит все и пойдет, чтобы всегда быть со Слипидом, следовать всем его причудам, и будет идти, пока не достигнет моря. На зов Слида, покинув свои дома на холмах, ушли к морю сотни тысяч людей, и над их костями плачет Слипид, подобно богу, оплакивающему свой народ. Даже ручьи в не знающих моря землях, слыша отдаленный зов Слида, покидают луга и рощи, стремясь туда, где Слипид собирает свои силы, чтобы радоваться там, где радуется Слипид, чтобы петь песнь Слида, петь, даже когда в Конце все Людские Жизни соберутся у ног МАНА-ЙУД-СУШАИ.

Деяния Мунга

(Владыки всех смертей между Пеганой и Пределом)

Однажды, когда Мунг шел по Земле, от города к городу, через долины, встретился ему человек, который испугался, услышав, как Мунг сказал:

– Я Мунг.

И сказал Мунг:

– Разве сорок миллионов лет перед твоим появлением здесь были тебе невыносимы?

И сказал Мунг:

– И следующие сорок миллионов лет будут ничуть не лучше!

Затем Мунг явил ему свое знамение, и Жизнь Человека, освободясь, покинула его члены.

Мунг – в том месте, куда вонзится стрела, и в домах, и в городах Человека. Мунг бывает в любом месте и в любое время. Но больше всего он любит бродить в темноте и в тишине, в речных туманах, когда стихает ветер, незадолго перед тем, как ночь встречается с рассветом на пути между Пеганой и Мирами.

Время от времени Мунг посещает хижину бедняка или склоняется в низком поклоне перед королем. И тогда Жизни бедняка и короля отправляются в путь среди Миров.

И сказал Мунг:

– Множество поворотов у пути, который Киб дал человеку пройти по Земле. За одним из поворотов поджидает Мунг.

Однажды шел человек по пути, что дал ему пройти Киб, и вдруг встретил Мунга. И сказал Мунг:

– Я Мунг!

А человек воскликнул:

– Увы, зачем пошел я по этому пути, ведь если бы я пошел по другому, я бы не встретился с Мунгом.

И ответил Мунг:

– Если бы ты мог пойти по другому пути, тогда все Устройство Вещей было бы иным и другими были бы боги. Когда МАНА-ЙУД-СУШАИ оставит отдых и сотворит новых богов, Они, возможно, пошлют тебя снова в Миров, вот тогда ты сможешь выбрать другой путь и не встретишься с Мунгом.

Затем Мунг явил свое знамение. И Жизнь человека рассталась со своими вчерашними сожалениями, и со старыми горестями, и с оставленными вещами – и отправилась, а куда, то ведомо Мунгу.

А Мунг пошел дальше, верша свои труды, разъединя Жизнь и плоть, и встретил человека, удрученного горем. И сказал Мунг:

– Когда мое знамение заставит Жизнь покинуть тебя, то вместе с нею исчезнет и твое горе.

Но человек воскликнул:

– О Мунг! Повремени немного и не являй мне своего знаменья сейчас, ибо у меня есть семья на Земле и ее горе останется при ней, хотя мое исчезнет от знаменья Мунга.

Ответил на это Мунг:

– Для богов «сейчас» – это Всегда. И не успеет Сиш прогнать множество лет, как горе твоей семьи уйдет вслед за тобой.

Тут глаза человека увидели знамение Мунга, и больше они уже ничего не видели.

Напев Жрецов

Се! слышен напев жрецов:

То служители Мунга поют.

Се! слышен напев жрецов.

К Мунгу весь день напролет взывают его жрецы, но Мунг остается нем. Так много ли толку и проку в молитвах простого люда?

Несите дары жрецам – будьте щедры к служителям Мунга!

Пусть к Мунгу взывают они – громче, нежели прежде.

Быть может, услышит Мунг.

И более никогда Тень Мунга не зачеркнет чаяний человеческих.

И более никогда Поступь Мунга не омрачит снов и грез человеческих.

И более никогда жизнь не расстанется с телом по велению Мунга.

Несите дары жрецам – будьте щедры к служителям Мунга!

Се! слышен напев жрецов:

То служители Мунга поют.

Се! слышен напев жрецов.

Речения Лимпанг-Танга

(бога радости и сладкоголосых музыкантов)

И сказал Лимпанг-Танг:

– Удивительны пути богов. Цветок вырастает и увядает.

Быть может, это очень мудро со стороны богов. Ребенок становится взрослым и через некоторое время умирает. Быть может, это тоже очень мудро.

Но боги играют по удивительным правилам.

Мне нравится приносить в мир шутки и немного радости. И пока Смерть кажется тебе далекой, как пурпурная гряда холмов, а печаль – немислимой, как дожди безоблачным летним днем, молись Лимпанг-Тангу. Но когда ты состаришься, когда станешь умирать, не молись Лимпанг-Тангу, ведь ты тогда будешь частью правил, которых он не понимает.

Выйди на улицу звездной ночью, и с тобой станцует Лимпанг-Танг, который танцует с той поры, когда все боги были молоды; Лимпанг-Танг – бог радости и сладкоголосых музыкантов. Или принеси ему в жертву шутку, но не молись ему, пребывая в печали. Ведь Лимпанг-Танг говорит о печали: «Быть может, это очень мудро со стороны богов», но самому ему этого не понять.

И сказал Лимпанг-Танг:

– Я меньше богов, и потому молись малым богам, а не Лимпанг-Тангу.

Однако между Пеганой и Землей трепещут десять миллионов молитв и бьют крылами в лицо Смерти, но никогда ни из-за одной из них не остановилась рука Разящей и не замедлился шаг Неумолимой.

Молись! И быть может, твоя молитва исполнится, хотя десять миллионов остались без ответа.

Лимпанг-Танг меньше богов, и ему этого не понять.

И сказал Лимпанг-Танг:

– Чтобы людям в великих Мирах не было скучно глядеть в бесконечное небо, я рисую картины на небосводе. И я буду рисовать их дважды в день до скончания дней. Один раз – когда день восстает из чертогов зари – я рисую картины по Лазури, а когда день упадает в ночь – я снова разрисовываю Лазурь, чтобы люди не печалились.

– Это немного, – сказал Лимпанг-Танг, – немного даже для бога, несущего в Миры радость.

Лимпанг-Танг поклялся, что картины, какие он рисует, никогда, до скончания дней, не повторятся, поклялся клятвой богов Пеганы. Боги приносят эту клятву, положив руки на плечи друг другу, Они клянутся светом, сияющим в их глазах, и эта клятва нерушима.

Лимпанг-Танг переманивает мелодию у ручья и утаскивает лесные напевы; для него плачет ветер на пустошах и океан поет погребальные песни.

Лимпанг-Танг слышит музыку в шелесте травы и в голосах людей – плачут ли они или кричат от радости.

На гористых землях далеко от моря, где не ступает ничья нога, он соорудил органные трубы из горных вершин, и когда ветры, его слуги, прилетают с разных концов земли, он сочиняет мелодию Лимпанг-Танга. И песня, возникшая ночью, подобно реке набирает силу и становится слышна то там, то здесь, и когда люди земли слышат ее, то каждый, у кого есть голос, запевает ее в душе своей.

А иногда, в сумерках, невидимый для людей, Лимпанг-Танг неслышными шагами отправляется в далекий край и там, в тех городах, где слышатся песни, встает позади музыкантов и словно дирижирует над их головами: они начинают играть и петь еще усерднее, мелодия

звучит сильнее, радость и музыка наполняют город, но никто не видит Лимпанг-Танга, стоящего позади музыкантов.

Но в рассветном тумане, затемно, когда музыканты спят, а радость и музыка на время стихают, Лимпанг-Танг возвращается назад, в свою гористую страну.

О Йохарнет-Лехее

(боге сновидений и фантазий)

Йохарнет-Лехей – бог сновидений и фантазий. Всю ночь он посылает из Пеганы сновидения, чтобы порадовать людей Земли.

Он посылает сновидения и бедняку, и королю. И так спешит послать сны каждому, пока не кончилась ночь, что путает, какой сон бедняку, а какой королю.

Тем, кого не посетит Йохарнет-Лехей со сновидениями, приходится целую ночь слушать издевательский смех богов Пеганы.

Йохарнет-Лехей всю ночь напролет хранит спокойствие городов, хранит до самого рассвета, когда ему пора уходить, когда вновь настает время для игры богов с людьми.

Лживы ли сны и фантазии Йохарнет-Лехея, а То, что случается Днем, истинно, или То, что бывает Днем, – обман, а сны и фантазии Йохарнет-Лехея – чистая правда, не знает никто, кроме МАНА-ЙУД-СУШАИ, *который молчит*.

О Руне, боге Ходьбы, и о сотне домашних богов

Сказал Рун:

– Есть боги движения и боги покоя, а я – бог Ходьбы.

Это благодаря Руну миры не стоят на месте, ведь луны, и миры, и комета пришли в движение от энергии Руна, призывавшего их: «Вперед! Вперед!»

Рун увидел Миры в самом Начале, прежде чем загорелся свет над Пеганой, и танцевал перед ними в Пустоте, – с тех пор они не стоят на месте. Это Рун шлет все ручьи к Морю и все реки направляет к душе Слида.

Это Рун являет знамение Руна перед водами, и – смотрите! – они уже покинули родные холмы; это Рун шепчет на ухо Северному Ветру, что тот не должен стоять на месте.

Если шаги Руна однажды вечером послышатся у стен чьего-либо дома, хозяину дома не знать больше покоя. Перед ним протянется путь через многие земли, лягут долгие мили, а отдых будет ждать его лишь в могиле – и все по слову Руна.

Никаким Горам не удержать Руна, да и моря не препятствие для него.

Куда бы ни пожелал Рун – туда и отправятся его люди, отправятся миры со своими ручьями и ветрами.

Как-то вечером я услышал шепот Руна:

– На Юге есть острова, где воздух благоухает пряностями.

Голос Руна добавил:

– Иди.

И сказал Рун:

– Есть сотня домашних богов, маленьких божков, что сидят перед очагом и присматривают за огнем. Но Рун только один.

Рун шепчет, шепчет, когда никто не слышит, когда солнце стоит низко:

– Чем занят МАНА-ЙУД-СУШАИ?

Рун не из тех богов, которым ты стал бы поклоняться, не из тех, кто будет благосклонен к твоему дому.

В жертву Руну принеси тяжелый труд, принеси свою быстроту, фимиамом же станет поднимающийся дым лагерного костра на Юге, а песнопениями – звуки шагов. Храмы Руна стоят позади самых дальних холмов в его землях, что дальше Востока.

«Йаринарет, Йаринарет, Йаринарет, что означает Дальше!» – эти слова золотыми буквами высечены на арке главного портала храма Руна, обращенного фасадом к Морю, к Востоку. На храме высится статуя Руна, великана-трубача, и труба его указывает на Восток, за Моря.

Кто услышит вечером голос Руна, тот сразу же оставит домашних божков, сидящих у очага. Вот боги домашнего очага: Питсу, что гладит кошку; Хобиф, что успокаивает пса; Хабания, повелитель рдеющих углей; маленький Зумбибу, властелин пыли; и старик Грибаун, который сидит в самом огне и превращает древесину в золу, – все это домашние боги, они живут не в Пегане, а ростом они меньше Руна.

Еще есть Кайлулуганг, которому послушен дым, поднимающийся к небу. Он направляет дым очага прямо в небеса и радуется, когда дым достигает Пеганы, а боги Пеганы, беседуя друг с другом, замечают:

– Вон Кайлулуганг трудится вовсю на земле Кайлулуганга.

Все это небольшие боги, ростом меньше человека, прекрасные домашние боги; и люди часто молились Кайлулугангу:

– Ты, чей дым достигает Пеганы, отошли с ним наши молитвы, чтобы боги слышали их.

И Кайлулуганг, довольный, что его просят, вытягивается вверх, серый и длинный, закинув руки за голову, и посылает слугу своего, дым, до самой Пеганы, чтобы боги Пеганы знали, что люди молятся им.

А Джейбим – Повелитель сломанных вещей – сидит позади дома и оплакивает то, что выбросили. И он будет сидеть, горя о сломанных вещах, до скончания миров или пока не придет кто-нибудь и не починит сломанное. Иногда он оказывается на берегу реки, проливая слезы о потерянных, уносимых рекою вещах.

Джейбим добрый бог, сердце его скорбит о любой потере.

Хиш

Существует еще Трибуги, Властелин Сумерек, дети которого – тени. Он сидит в уголке, подальше от Хабании, и ни с кем не разговаривает. Но когда Хабания уляжется спать, а старик Грибаун моргнет раз сто, так что уж и не разобрать, где дерево, а где зола, тогда Трибуги разрешает своим детям побегать по комнате и поплясать на стенах, но только не нарушая тишины.

Но когда свет вновь восходит над Мирами, а заря, танцуя, спускается из Пеганы, Трибуги возвращается в свой угол, собрав вокруг себя детей, будто они никогда не плясали по комнате. А рабы Хабании и старика Грибауна, спящих в очаге, приходят, чтобы разбудить их, и Питсу принимается гладить кошку, а Хобиф успокаивает пса. Кайлулуганг же протягивает руки вверх, к Пегане, а Трибуги сидит тихо, и дети его спят.

* * *

Когда наступает темень, когда приходит время Трибуги, из леса прокрадывается Хиш, Властелин Тишины, дети которого, летучие мыши, нарушая приказы отца, кричат, хотя голос их всегда негромок. А Хиш утихомиривает мышонка, утишает все шепоты ночи, заставляет смолкнуть все шумы. Только сверчок восстает против Хиша. Но Хиш наложил на него заклятие: как только сверчок пропоет свою песню в тысячный раз, голос его становится неслышимым, сливается с тишиной.

Заглушив все звуки, Хиш кланяется низко, до земли; тогда в дом беззвучными шагами входит Йохарнет-Лехей.

Но как только Хиш уйдет из леса, там появляется Вухун, Повелитель Ночных Шорохов, который, проснувшись в своем логове, вылезает и крадется по лесу, проверяя, правда ли, что Хиш ушел.

И вот на какой-нибудь поляне Вухун издает крик, он кричит во весь голос, и ночь кругом слышит, что вот он, Вухун, царит повсюду в лесу. Тогда волк, и лиса, и сова, большие и малые звери тоже издают крики, вторя Вухуну. И слышатся их голоса и шорох листьев.

Бунт речных божеств

В незапамятных времен по равнине текли три широкие реки; матерями их были три седые вершины, а отцом – ураган. Назывались они Эймес, Зейнес и Сегастрион. Воды Эймеса приносили радость мычащим стадам; Зейнес подставлял шею под ярмо, которым обуздал его человек, и нес на себе спиленные деревья от самого леса далеко за горы; а Сегастрион пел старые песни мальчикам-пастушкам: песни о своем детстве в уединенном ущелье, о том, как однажды он сбежал по склону горы и отправился вдаль по равнине посмотреть на мир и как он наконец добрался до моря. Это были равнинные реки, и равнина радовалась им. Но старики рассказывают, что их отцы слышали от своих предков, будто однажды властители равнинных рек взбунтовались против закона Миров, и вышли из берегов, слились вместе, и хлынули в города, и утопили множество людей, говоря при этом:

– Мы теперь играем в игру богов и топим людей ради своего удовольствия, мы выше богов Пеганы.

Вся равнина была залита до самых холмов.

А Эймес, Зейнес и Сегастрион уселись на горах и вытянули руки над своими реками, и реки восстали по их приказу.

Но людские молитвы, возносясь, достигли Пеганы, достигли слуха богов:

– Три речных божества топят нас ради Своего удовольствия, говорят, что они выше богов Пеганы, и играют в Собственную игру с людьми.

Боги Пеганы разгневались, но не знали, как покарать властителей трех рек, потому что те тоже были бессмертными, хотя и малыми, богами.

А речные боги простирали над водами руки, широко расставив пальцы, и вода поднималась все выше, и шум потоков раздавался все громче:

– Разве мы не Эймес, Зейнес и Сегастрион?

Тогда Мунг отправился в пустыни Африки и пришел к вечно мучимому жаждой Амбулу, что сидел на черных скалах, крепко вцепившись в человеческие кости и дыша жаром.

Мунг встал перед ним, глядя, как поднимаются и опускаются под спекшейся кожей бока; даже когда Амбул втягивал в себя воздух, его горячее дыхание жгло валявшиеся по пустыне кости и сухие палки.

И сказал Мунг:

– О друг Мунга! Пойди и улыбнись в лицо Эймесу, Зейнесу и Сегастриону, чтобы они поняли, разумно ли бунтовать против богов Пеганы.

Амбул ответил:

– Я зверь Мунга, я повинуюсь.

И Амбул пришел и уселся на холме по другую сторону разлившихся вод и оттуда ухмылялся, глядя на восставших речных богов.

А когда Эймес, Зейнес и Сегастрион простерли руки над своими реками, то увидели над зеркалом вод ухмылку Амбула. Ухмылка эта была подобна смерти в ужасных и жарких краях, боги отдернули руки и больше не простирали их над реками, и вода стала понижаться.

Так Амбул просидел, ухмыляясь, тридцать дней, и реки вернулись в прежние русла, а властители их ускользнули в свои жилища. Но Амбул все ухмылялся.

Тогда Эймес нашел себе убежище в большом пруду под скалой, а Зейнес заполз в лес, а Сегастрион, тяжело дыша, растекся по песку – но Амбул все сидел и ухмылялся.

И Эймес оскудел и был позабыт, и люди, жившие на равнине, говаривали: «Здесь когда-то протекал Эймес»; а Зейнесу едва хватило сил вывести свою реку к морю. Сегастрион же, тяжело дыша, лежал на песке и, когда прохожий перешагнул через него, произнес:

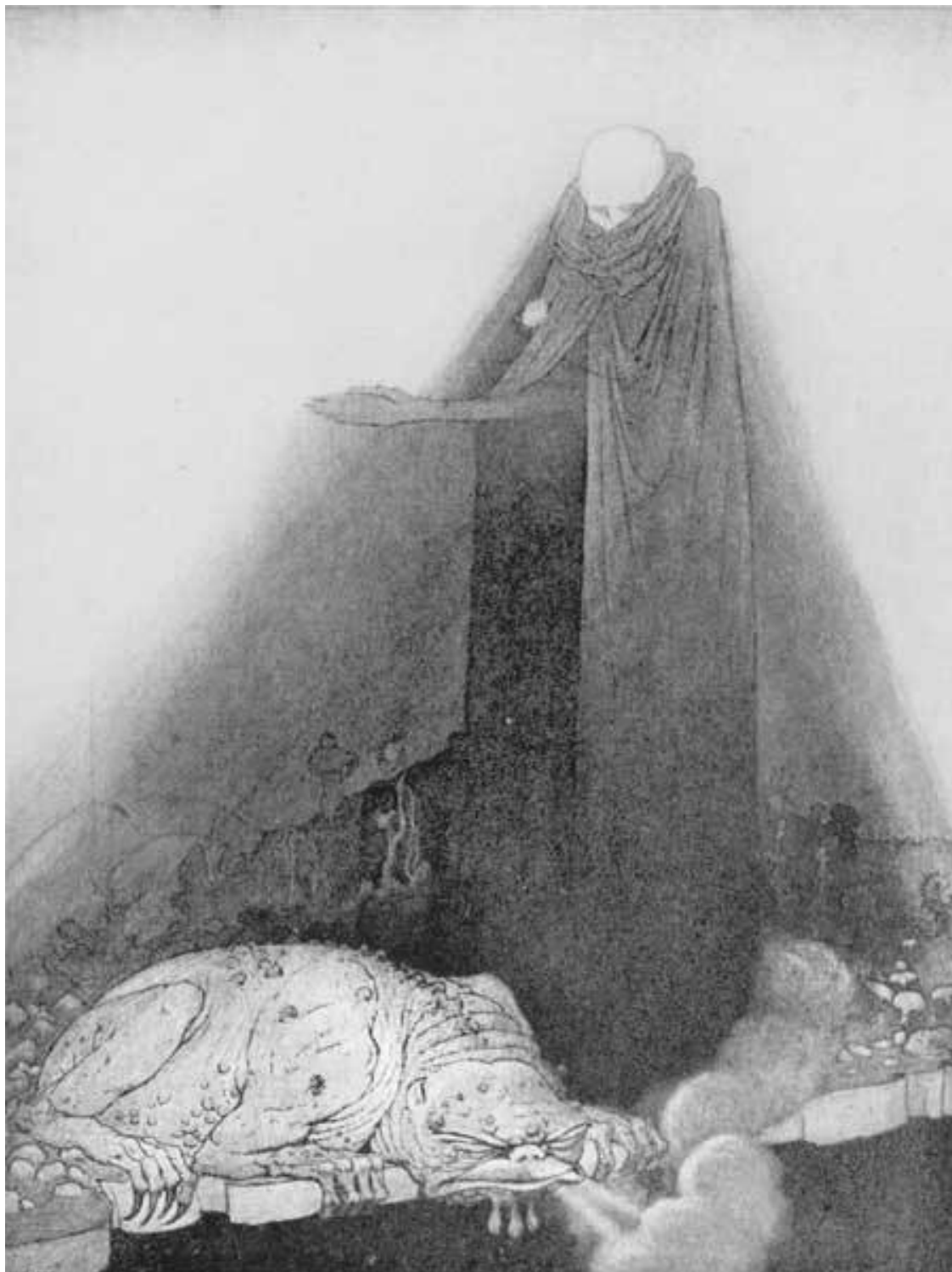
– Нога человека прошла по моей шее, а я-то считал себя выше богов Пеганы.

Тогда сказали боги Пеганы:

– Достаточно. Мы – боги Пеганы, и нет нам равных.

И Мунг отослал Амбула обратно в Африку, вновь дышать жаром на скалы, иссушать пустыню, выжигать клеймо Африки в памяти тех, кто сумел унести оттуда ноги.

А Эймес, Зейнес и Сегастрион вновь запели свои песни и потекли по привычным руслам, играя в Жизнь и Смерть с рыбами и лягушками, но никогда больше не пытались играть с человеком, как боги Пеганы.

Мунг и зверь Мунга

О Дорозанде

(чьи глаза видят Конец)

Дорозанд сидит высоко над людскими жизнями и смотрит, какими они будут.

Дорозанд – это бог Судьбы. На кого Дорозанд устремит взгляд, тот двинется прямо к неминуемому концу; станет стрелой лука Дорозанда, пущенной в мишень, ему самому невидимую, – в цель Дорозанда. За пределы человеческой мысли, за пределы взгляда богов смотрят глаза Дорозанда.

Он отобрал себе рабов. Бог Судьбы посылает их куда ему нужно, и они спешат, не зная зачем и куда, под ударами его бича или на его призывный крик.

Существует некая цель, которую Дорозанд должен достичь, поэтому он заставляет людей во всех Мирах действовать, не останавливаясь и не отдыхая. А боги Пеганы переговариваются между собой, гадая:

– Чего же хочет достичь Дорозанд?

Предначертано и предсказано, что не только людские судьбы предоставлены попечению Дорозанда, но и что боги Пеганы не могут ослушаться его воли.

Все боги Пеганы боятся Дорозанда, ибо по глазам его видят, что он смотрит дальше богов.

Смысл и жизнь Миров – это Жизнь в Мирах, а Жизнь – средство для достижения цели Дорозанда.

Поэтому Миры движутся, и реки текут в море, и Жизнь возникла и распространилась по всем Мирам, и боги Пеганы совершают свои труды – и все ради Дорозанда. Но когда Дорозанд достигнет цели, Жизнь в Мирах станет ненужной и не будет больше игры для малых богов. Тогда Киб потихоньку, на цыпочках, пройдет по Пегане к тому месту, где отдыхает МАНА-ЙУД-СУШАИ, и, почтительно коснувшись его руки, руки, создавшей богов, скажет:

– МАНА-ЙУД-СУШАИ, твой отдых был долгим.

А МАНА-ЙУД-СУШАИ ответит:

– Не таким уж долгим, ведь я отдыхал всего пятьдесят божественных вечностей, а за каждую из них в Мирах, которые вы сотворили, проходит едва ли больше десяти миллионов смертных лет.

Тут испугаются боги, поняв, что МАНА знает, как, пока он отдыхал, они создали Миры. И скажут:

– Нет, все Миры появились сами.

Тогда МАНА-ЙУД-СУШАИ легко, будто отгоняя что-то надоевшее, взмахнет рукой – рукой, некогда создавшей богов, – и богов не станет.

* * *

Когда на севере зажгутся три луны над Неизменной Звездой, три луны, что не прибывают и не убывают, а лишь не сводят глаз с Севера.

И комета прекратит свои поиски и остановится, перестанет летать среди Миров, успокоится, словно тот, кто уже все нашел, но затем оставит отдых, потому что наступит КОНЕЦ, конец всему, что осталось от старинных времен, даже МАНА-ЙУД-СУШАИ.

Тогда Время не будет больше Временем; и может случиться, что прежние, ушедшие дни вернутся из-за Предела. А мы, те, кто оплакивает минувшие дни, вновь увидим их, подобно путнику, возвратившемуся из долгих странствий домой и очутившемуся среди милых, памятных вещей.

Ведь про МАНА, который так долго отдыхал, никто не знает, жесток он или милостив. Может оказаться, что он милостив, и тогда все так и произойдет.

Око в Пустыне

За Бодраганом, городом, где кончается караванный путь, лежат семь пустынь. Дальше ничего нет. В первой пустыне видны следы великих путешественников, ведущие от Бодрагана в пустыню, и совсем немного следов, ведущих обратно. А в другой пустыне есть только следы туда, а обратных нет.

В третьей пустыне нога человека не ступала. Четвертая пустыня песчаная, пятая пыльная, шестая – каменная, а седьмая – Пустыня Пустынь.

Посреди последней пустыни, лежащей за Бодраганом, посреди Пустыни Пустынь, стоит изваяние, которое в старинные времена было вырублено из горы, и зовется оно Рейнорад. Это Око в Пустыне.

У подножия Рейнорада вырезаны таинственными буквами, которые по ширине превосходят русла рек, такие слова:

Богу, который знает.

Поскольку за второй пустыней человеческих следов нет и поскольку во всех семи лежащих за Бодраганом пустынях нет воды, туда не мог добраться человек, чтобы вырезать изваяние из горы, значит Рейнорад создан руками богов. В Бодрагане, где кончается караванный путь и отдыхают погонщики верблюдов, рассказывают, что однажды боги, стуча целую ночь молотками где-то далеко в пустынях, вырезали Рейнорада из горы. Более того, утверждают, что Рейнорад изваян как изображение бога Худразея, открывшего тайну МАНА-ЙУД-СУШАИ и узнавшего, для чего созданы боги.

Говорят, Худразей держится отдельно от всех в Пегане и ни с кем не разговаривает, поскольку знает то, что скрыто от богов.

Поэтому боги создали его изваяние в пустынном краю, изваяние того, кто думает и молчит, – Око в Пустыне.

Рейнорад

Говорят, Худразей услышал, как МАНА-ЙУД-СУШАИ бормотал себе под нос, и уловил смысл, и узнал; говорят, что он был богом радости и веселья, но с того момента, как стал знать, утратил веселье; таково же и его изображение, глядящее на пустыню, где нет ни одного человеческого следа.

И погонщики верблюдов, что сидят и слушают рассказы стариков на базаре в Бодрагане по вечерам, пока отдыхают верблюды, говорят так:

– Раз Худразей столь мудр и при этом так печален, давайте выпьем вина, а мудрость пусть убирается прочь, в пустыни, что лежат за Бодраганом.

Поэтому в городе, где кончается караванный путь, царит веселье и всю ночь слышится смех.

Все это рассказывают погонщики верблюдов, вернувшись с караванами из Бодрагана; но кто поверит рассказам погонщиков верблюдов, услышанным от стариков в далеком городе?

О том, кто не был ни богом, ни чудовищем

Видя, что в городах нет мудрости, а в мудрости нет счастья, Йадин, пророк, которому богами было предназначено посвятить жизнь поискам мудрости, отправился с караванами в Бодраган. Как-то вечером, когда верблюды отдыхали, когда жаркий дневной ветер отступал вглубь пустыни, на прощание вздыхая в пальмах и оставляя караваны в покое, Йадин послал с ветром вопрос Худразею, чтобы ветер отнес его в пустыню.

И слова понеслись вместе с ветром:

– Почему продолжают боги существовать и играть в свою игру с людьми? Почему Скарл не перестает барабанить, а МАНА все отдыхает?

А семь пустынь откликнулись эхом:

– Кто знает? Кто знает?

Но за семью пустынями, там, где высится в сумерках огромный Рейнорад, его вопрос был услышан, и туда, где раздался вопрос пророка, прилетели три фламинго, при каждом взмахе крыльев вскрикивавшие:

– Спешите на Юг! Спешите на Юг!

Когда они очутились рядом с пророком, он ощутил исходившую от них свободу и прохладу в жаркой, ослепляющей пустыне и протянул к ним руки. И почувствовал, как чудесно лететь вслед за белыми большими крылами в прохладе над жаркой пустыней. Йадин слышал их голоса над собою: «Спешите на Юг! Спешите на Юг!» – а пустыни внизу откликались: «Кто знает? Кто знает?»

Иногда земля тянулась к ним горными вершинами, иногда уходила вниз глубокими ущельями, реки пели, когда они пролетали над их синевой, слабо доносилась мелодия ветра из заброшенных садов, а вдалеке море торжественно оплакивало старые забытые острова. И казалось, в целом мире все движется только к Югу.

Казалось, сам Юг призывал к себе всех, и все шли.

Но когда пророк увидел, что они пролетели над краем Земли и что далеко на Севере осталась Луна, он догадался, что следует не за земными птицами, а за некими удивительными вестниками Худразея, чье жилище находится в одной из долин Пеганы, у подножия гор, на которых восседают боги.

Они продолжали лететь на Юг мимо всех миров, оставляя их за собою, пока впереди не оказались лишь Араксес, Задрес и Хираглион. Отсюда огромная Ингази казалась лишь светлой точкой, а Ио и Миндо больше не были видны.

Они продолжали лететь на Юг, пока он не остался внизу, а они не оказались у Предела Миров.

Здесь не было ни Юга, ни Востока, ни Запада, только Север и За Пределами: к Северу лежали Миры, а За Пределами начиналось Безмолвие, а сам Предел представлял собой массу скал, которую боги не использовали, когда создавали Миры. На ней сидел Трогул – не бог и не чудовище. Трогул не выл и не дышал, он только переворачивал страницы огромной книги, черные и белые, черные и белые, переворачивал и будет переворачивать дальше, пока не дойдет до КОНЦА.

Все то, что должно случиться, записано в этой книге, как и все то, что уже случилось.

Когда Трогул переворачивает черную страницу – наступает ночь, когда белую – приходит день.

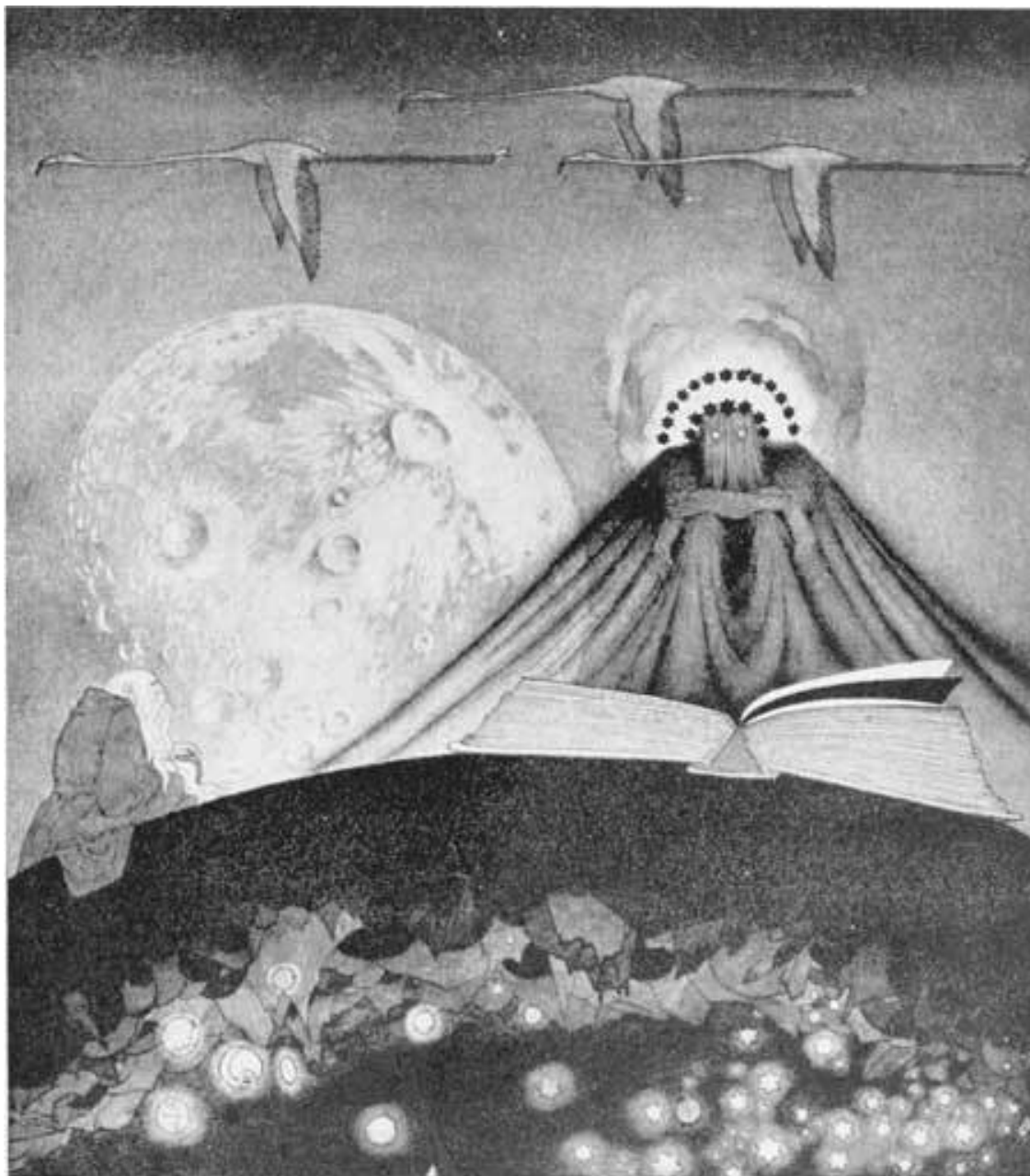
Там написано все про тебя и меня, вплоть до той страницы, на которой наши имена уже больше не появляются.

Пока пророк наблюдал, Трогул перевернул страницу – черную, – и ночь прошла, и над Мирами засиял день.

В разных странах Трогула называют разными именами, он сидит позади богов, а книга его – Устройство Вещей.

Когда Йадин увидел, что прежние, памятные ему дни оказались в той части, которую Трогул уже пролистал, что тысячу страниц назад на одной из страниц было написано имя, которое с тех пор не появлялось, он обратился с мольбой к Трогулу (который только переворачивает страницы и не отвечает ни на какие мольбы). Он взмолился, глядя прямо Трогулу в лицо:

– Только перелистай назад страницы, пока на них не окажется написанным имя, которое больше не появляется, – и страшно далеко, в мире, именуемом Землей, люди будут восславлять имя Трогула. Ведь место, именуемое Землей, действительно существует, и люди там будут молиться Трогулу.

Не бог и не чудовище

Тогда произнес Трогул, переворачивающий страницы и оставляющий без ответа мольбы, и его голос был похож на шорохи ночью в пустыне, когда не слышно эхо:

– Если бы даже вихрь с Юга вцепился когтями в уже перевернутую страницу, то и он не был бы в силах перевернуть ее назад.

Затем, ибо так было написано в книге, Йадин снова очутился в пустыне. Он лежал на песке, а один из погонщиков дал ему воды и затем отвез его на верблюде в Бодраган.

Некоторые считают, что Йадину все это привиделось, когда он уснул, измученный жаждой и истомленный переходом по пустыне. Но старики в Бодрагане говорят, что где-то и в самом деле сидит Трогул, не бог и не чудовище, и переворачивает страницы книги, черные и белые, черные и белые, пока не дойдет до слов МЕИ ДУН ИЗАН, что означает «Конец Всему», и тогда не станет ни книги, ни богов, ни миров.

Пророк Йонаф

Йонаф был первым из пророков, говоривших пред народом.

Вот слова Йонафа, первого из пророков:

В Пегане обитают боги.

Ночью спал я. И во сне явилась мне Пегана. И была она полна богов.

Только МАНА-ЙУД-СУШАИ я не видел. И в этот час – час сна – обрел я знание. Вот конец и начало моего знания и все мое знание как оно есть: Человек Ничего Не Знает.

Ищи в ночи границу мрака или ищи, где рождается радуга, когда повисает она над холмами, только не тщишься объяснить дела богов.

Боги сделали Вещи, Которые Будут, более яркими, оттого они соблазняют людей сильнее, чем Вещи, Которые Есть.

А для самих богов Вещи, Которые Будут, и Вещи, Которые Есть, – одно, и в Пегане все неизменно.

Боги хотя и не милостивы, однако и не жестоки. Они уничтожают Дни Минувшие во славу Дней Грядущих.

Должно человеку с терпением сносить тяготы Дней Нынешних, а в утешение боги даровали ему незнание.

Не ищи знания. Оно ослабит тебя, и когда под конец ты окажешься там же, откуда начал свой путь, силы твои будут на исходе.

Не ищи знания. Даже я, Йонаф, старейший из пророков, согнулся под бременем мудрости и изнемог от поисков, а знаю лишь то, что человек ничего не знает.

Некогда стремился я познать все на свете, теперь же я знаю лишь одно, и скоро годы унесут меня прочь. Когда Йонаф перестанет быть Йонафом, множество людей пойдет моим путем, который ведет лишь к новым поискам. Не вступай же на этот путь. Не ищи знания.

Таковы Слова Йонафа.

Пророк Йуг

Когда Годы унесли Йонафа, умер Йонаф, и не стало пророка у людей.

Но люди по-прежнему искали знаний. И сказали они Йугу:

– Будь нашим пророком, познай все на свете и объясни нам причину Всего.

И Йуг ответил:

– Мне известно все.

И люди были довольны. И Йуг сказал о Начале, что оно в саду у Йуга, а о Конце – что он в пределах его зрения. И люди забыли Йонафа.

Однажды Йуг увидел за холмами Мунга, тот явил свое знамение. И Йуг перестал быть Йугом.

Пророк Алхирет-Хотеп

После того как Йуг перестал быть Йугом, народ сказал Алхирет-Хотепу:

– Будь нашим пророком, столь же мудрым, как Йуг.

И Алхирет-Хотеп ответил:

– Я столь же мудр, как Йуг.

И народ остался весьма доволен. И сказал Алхирет-Хотеп о Жизни и Смерти: «Это дела Алхирет-Хотепа». И люди принесли ему дары.

Однажды Алхирет-Хотеп записал в книге: «Алхирет-Хотеп знает Все, ибо он говорил с Мунгом». Тогда Мунг выступил вперед, явил свое знамение и сказал:

– Так ты Все знаешь, Алхирет-Хотеп?

И Алхирет-Хотеп очутился среди Вещей, Которые Были.

Пророк Кабок

После того как Алхирет-Хотеп очутился среди Вещей, Которые Были, люди по-прежнему искали знания, и сказали они Кабоку:

– Будь столь же мудрым, как Алхирет-Хотеп.

И сделался Кабок мудрым в своих глазах и в глазах народа. И объявил Кабок:

– Мунг являет свое знамение или воздерживается от него по совету Кабока.

И сказал он одному человеку:

– Ты согрешил против Кабока, и скоро Мунг явит тебе свое знамение.

И другому:

– Ты принес дары Кабоку, и Мунг повременит со своим знамением.

Однажды ночью Кабок, разжиревший на дарах, услышал поступь Мунга, который ходил по саду Кабока вокруг его дома.

И поскольку ночь была тиха, Кабок встревожился, что Мунг бродит по саду, не спрося у него совета.

И Кабок, знавший Все, преисполнился страха, ибо шаги звучали очень громко, а ночь была тиха, и он не знал, что у Мунга за спиной, – этого никто не видел.

Когда настало утро и на Миры излился свет, Мунг перестал шагать по саду, и Кабок, забыв о своих страхах, сказал:

– Быть может, табун лошадей забрел в мой сад.

И возвратился Кабок к своим трудам. А полагалось ему Все знать, возвещать обо Всем народу и возжигать огонь Мунгу. Но в следующую ночь Мунг снова бродил по саду Кабока, он приблизился к его дому и встал у окна, как тень, и понял тогда Кабок, что это точно Мунг.

И от великого страха сжалось горло у Кабока, поэтому, когда он выкрикнул: «Ты – Мунг!» – голос его звучал хрипло.

А Мунг наклонил слегка голову и снова принялся разгуливать по саду Кабока вокруг его дома.

И Кабок лежал и слушал со страхом в сердце. Когда же настало второе утро и на Миры излился свет, Мунг перестал бродить по саду Кабока, и очень скоро в сердце Кабока проснулась надежда, но он со страхом ожидал третьей ночи.

И вот настала третья ночь, и летучая мышь вернулась в свой дом, и ветер замер, и ночь была тиха. Кабок же лежал и слушал, и крылья ночи двигались для него очень медленно. Но прежде, чем ночь и утро встретились на Пути меж Пеганой и Мирами, в саду Кабока раздались шаги Мунга, который направлялся к дверям Кабока.

И кинулся Кабок вон из дома, как преследуемый зверь, и предстал перед Мунгом.

И Мунг явил ему свое знамение, указав путь к Концу.

И страхи больше не терзали Кабока, ибо они вместе с ним оказались среди Вещей, Которые Были.

О беде, что приключилась с Йун-Иларой у моря, и о строительстве Башни Исхода Дней

Когда Кабок почил вместе со своими страхами, народ стал искать пророка, который не боялся бы Мунга, поднимающего руку на пророков.

И наконец нашли Йун-Илару, который пас овец и не боялся Мунга, и привели его в город, чтобы он сделался пророком.

И выстроил Йун-Илара башню у моря, которая смотрела на закат Солнца. И нарек ее Башней Исхода Дней.

И на исходе каждого дня взбирался Йун-Илара на вершину башни, глядел на закат Солнца и громко хулил Мунга:

– О Мунг, поднимающий руку на Солнце, люди тебя ненавидят, но поклоняются тебе из страха; вот здесь стоит и говорит Йун-Илара, не знающий боязни. Душегуб, вдохновитель убийств и черных дел, безжалостный и мерзкий, яви мне знамение Мунга, но знай: покуда тишина не сойдет на мои уста, я буду выкрикивать оскорбления тебе в лицо.

И люди внизу глядели и удивлялись на Йун-Илару, не боящегося Мунга, и приносили ему дары; лишь с наступлением ночи они смиренно молились Мунгу в своих домах.

Но Мунг сказал:

– Разве может человек оскорбить бога?

И Мунг заходил в людские жилища и собирал свою жатву.

Шли дни, Йун-Илара в своей башне у моря по-прежнему выкрикивал поношения Мунгу, но Мунг не приходил к нему.

А Сиш, гуляя по Мирам, кликнул своего пса-Время, истребил отслужившие свое Часы и, вызвав из пустыни за Мирами полчища новых Часов, послал их сражаться со всем, что есть на свете. И Сиш убелил Йун-Иларе волосы, покрыл его лицо морщинами и обвинил плющом его башню, а Мунг все не шел.

И хотя поначалу Сиш был не слишком суров, Йун-Илара перестал выкрикивать с башни поношения Мунгу, и наконец настал день, когда дар Киба тяжким бременем лег на плечи Йун-Иларе.

Тогда с Башни Исхода Дней возопил Йун-Илара:

– О Мунг! О прекраснейший из богов! Нет тебя желаннее! Твой дар, дар Смерти, вновь соединяет нас с Землей, несет покой и забвение. Киб дарит лишь заботы и труды; Сиш вместе с каждым из часов, что сражаются с Миром, посылает сожаление. Йохарнет-Лехей больше не приходит ко мне по ночам. И мало мне радости от Лимпанг-Танга. Когда от человека отвернутся боги, с ним остается только Мунг.

Но Мунг сказал:

– Разве может человек оскорбить бога?

И весь день и всю ночь громко вопил Йун-Илара:

– Ах, как бы мне хотелось дожидаться траурного дня, красивых венков, и слез, и темной влажной земли. Ах, как приятно покоиться там, где шелестит над головой трава, где корни деревьев оплетают мир, где нет пронизывающего ветра, где в темноте теплый дождь сочится сквозь землю, а не хлещет с небес, где кости легко рассыпаются в прах.

Так молился Йун-Илара, который по молодости лет в своем безумии поносил Мунга.

У рухнувшей башни, которую когда-то выстроил Йун-Илара, и сейчас лежит горстка костей, а ветер разносит громкие мольбы о милости, если таковая есть на свете.

О том, как боги погубили долину Сидифь

В долине Сидифь стоял стон. Ибо три года там свирепствовала чума, не прекращалась война, а в последний из трех лет случился голод. Люди в долине Сидифь умирали днем и ночью, и днем и ночью в храме Всех богов, кроме Одного (ибо никто не смеет молиться МАНА-ЙУД-СУШАИ), усердно возносили молитвы жрецы.

Они говорили:

– Бывает, человек, хотя он и слышит жужжание насекомых, не сразу его замечает. Так и боги пока не слышат наших молитв, но если молитвы будут непрерывно нарушать тишину, то, может статься, кто-то из богов, гуляя по лугам Пеганы, набредет на одну из наших молитв, что бьется в траве, словно бабочка с помятыми крыльями. И если боги будут к нам милостивы, они облегчат нашу участь, а если нет, сотрут нас с лица земли, ибо нрав их изменчив, и тогда в долине Сидифь не будет больше скорбей: ни чумы, ни смерти, ни войны.

Но на четвертый год чумы и на второй год голода – а надо сказать, что война там ни на миг не прекращалась, – все жители долины Сидифь собрались у дверей храма Всех богов, кроме Одного, куда имеют право входить одни жрецы, – лишь для того, чтобы оставить дары и удалиться.

И жители долины спросили:

– О Верховный Пророк Всех богов, кроме Одного, Жрец Киба, Жрец Сиша и Жрец Мунга, Тот, кому ведомы тайны Дорозанда, Получатель людских даров и Господин Молитвы, что ты делаешь в храме Всех богов, кроме Одного?

И Арб-Рин-Хадит, Верховный Пророк, ответил:

– Я молюсь за весь Народ.

Но народ сказал:

– О Верховный Пророк Всех богов, кроме Одного, Жрец Киба, Жрец Сиша и Жрец Мунга, Тот, кому ведомы тайны Дорозанда, Получатель людских даров, Господин Молитвы, уже четыре года возносишь ты молитвы вместе со всеми твоими служителями, мы же приносим дары и умираем. Но так как боги не услышали тебя за все четыре страшных года, ты должен пойти и донести до них мольбу народа долины, когда они пошлют гром на гору Агринон, иначе в рассветный час не будет даров у дверей твоего храма, даров, которыми кормишься ты со своими служителями. Предстань пред их лицом и скажи: «О Все боги, кроме Одного, Властители Миров, Повелители затмения, изгоните чуму из долины Сидифь, ибо вы слишком долго играли с ее народом, и он готов отречься от богов».

Тогда в великом страхе отвечал Верховный Пророк:

– А что, если боги разгневаются и погубят Сидифь?

Но люди сказали:

– Мы все равно погибнем от чумы, голода и войны.

Той ночью гром гремел над Агриноном, что высится над всеми другими горами в Сидифи. И люди вывели Арб-Рин-Хадита из храма и послали его к Агринону со словами: «Сегодня на гору явятся Все боги, кроме Одного».

И Арб-Рин-Хадит, трепеща от страха, отправился к богам.

На следующее утро вернулся Арб-Рин-Хадит в долину, бледный от страха, и так сказал народу:

– Лица богов из железа, а уста тесно сомкнуты. Не будет вам пощады от богов.

Тогда сказал народ:

– Иди к МАНА-ЙУД-СУШАИ, которому нельзя молиться. Ищи его перед рассветом на вершине Агринона. Там в этот час царит покой, и там же, верно, отдыхает МАНА-ЙУД-СУШАИ. Отправляйся к нему и скажи: «Ты создал злых богов, они погубят Сидифь». Быть

может, он забыл о своих богах или не слышал о Сидифи. Тебя не поразил Божественный гром, не поразит и покой МАНА-ЙУД-СУШАИ.

Перед рассветом, когда небо и озера ясны и мир покоен, а Агринон еще покойнее, Арб-Рин-Хадит поплелся в страхе к склонам Агринона, ибо народ понуждал его.

Весь день люди наблюдали за тем, как он взбирается по уступам. Ночью он отдыхал у вершины. Наутро тот, кто поднялся рано, видел его в тишине – крохотная фигурка на фоне неба протягивает руки к МАНА-ЙУД-СУШАИ. Затем он внезапно исчез, и больше его никто не видел – того, кто посмел потревожить покой МАНА-ЙУД-СУШАИ.

* * *

Рассказывают, что на Сидифь напало могучее и жестокое племя, истребившее всех жителей долины, где некогда стоял храм Всех богов, кроме Одного, в котором не было верховного жреца.

О том, как Имбон стал в Арадеке Верховным Пророком Всех богов, кроме Одного

Имбону предстояло стать в Арадеке Верховным Пророком Всех богов, кроме Одного.

И в Арадек, в храм Всех богов, кроме Одного, явились все Верховные Пророки Земли из Ардры, Рудры и дальних земель.

И поведали они Имбону, что Тайна Вещей начертана на своде Чертога Ночи, но неразборчиво и на неведомом языке.

Среди ночи, меж заходом и восходом солнца, привели они Имбона в Чертог Ночи и спросили нараспев:

– Имбон, Имбон, Имбон, взгляни на купол, где начертана Тайна Вещей, но неразборчиво и на неведомом языке.

И поглядел Имбон вверх, но темнота в Чертоге Ночи была так глубока, что он не видел даже Верховных Пророков, пришедших из Ардры, Рудры и дальних земель, и вообще не видел ничего.

И когда спросили Верховные Пророки:

– Имбон, что ты видишь?

Имбон ответил:

– Ничего.

Тогда спросили Верховные Пророки:

– Имбон, что ты знаешь?

И Имбон ответил:

– Ничего.

Тогда сказал Старейшина Верховных Пророков, главный из пророков Всех богов, кроме Одного:

– О Имбон! Все мы глядели на купол Чертога Ночи, пытаюсь разгадать Тайну Вещей, и всегда было темно, а Тайна была начертана неразборчиво и на неведомом языке. Теперь ты знаешь то, что знают все Верховные Пророки.

И Имбон повторил:

– Теперь знаю.

И стал Имбон в Арадеке Верховным Пророком Всех богов, кроме Одного, и молился за всех людей, которые не знали, что в Чертоге Ночи темно, а Тайна начертана неразборчиво и на неведомом языке.

Вот слова Имбона, которые он записал в книгу, чтобы все люди могли узнать о том, что с ним было:

«В двадцатую ночь девятисотой луны, когда долину окутал мрак, я, как всегда, свершал тайные обряды в честь каждого из храмовых богов, чтоб ни один из них не прогневался ночью и не покарал нас, пока мы спим.

И вслед за тем, как прозвучало последнее из тайных слов, меня объял сон, ибо я изнемог. И вот, пока я крепко спал, а голова моя покоилась на алтаре Дорозанда, в храм вошел Дорозанд в облике человека, коснулся моего плеча, и я пробудился.

Когда я увидел, что глаза его горят голубым огнем, освещая весь храм, я понял, что он бог, хотя и в человеческом обличье.

И Дорозанд сказал:

– Пророк Дорозанда, расскажи об этом людям.

И указал мне путь Сиша, уходящий далеко в грядущие века. Затем он повелел мне встать и следовать за ним, но говорил со мной не с помощью слов, а приказывал глазами. И на двадцатую ночь девятисотой луны отправился я вместе с Дорозандом по пути Сиша в грядущие

века. И по обе стороны пути люди непрестанно убивали друг друга. И урон от этих убийств был больше, нежели от чумы или других бедствий, посылаемых богами.

И города поднимались и обращались в прах, и всюду пустыня возвращалась на прежнее место и скрывала селения, потревожившие ее покой.

И люди по-прежнему убивали людей. И наконец оказался я там, где люди более не налагали ярма на животных, а сделали себе зверей из железа. И после этого люди стали убивать людей туманом. И так как убийство превзошло всякую меру, на Земле настал мир, принесенный рукою убийцы, и люди больше не убивали друг друга. И множились города, и захватили пустыню, и потревожили ее покой.

И вдруг я почувствовал, что близок КОНЕЦ, ибо Пегана пришла в движение, словно проснулся Некто, устав от отдыха. И видел я, как пес-Время изготовился к прыжку, глядя богам на горло, переводя взгляд с одного горла на другое, а барабанная дробь Скарла звучала чуть слышно.

И если богам ведом страх, то страх исказил лик Дорозанда, и Дорозанд сжал мне руку и повел назад по дороге Времени, чтобы я не увидал КОНЦА.

И видел я, как города вновь встают из праха и вновь обращаются в пустыню, из которой поднялись. И я опять спал в храме Всех богов, кроме Одного, а голова моя покоилась на алтаре Дорозанда.

* * *

И в храме снова стало светло, но не от глаз Дорозанда, а просто с востока пришел голубой рассвет и озарил своды. Тогда, восстав ото сна, свершил я утренние обряды и таинства Всех богов, кроме Одного, чтобы ни один из богов не прогневался и не забрал от нас Солнце.

И оттого, что я не видел КОНЦА, хотя и был весьма близко, я понял, что не должно человеку видеть гибель богов или знать о ней. Это боги скрыли от наших глаз».

О том, как Имбон повстречался с Зодраком

Пророк богов лежал у реки и глядел на бегущий поток. И, лежа на берегу, размышлял об Устройстве Вселенной и о деяниях богов. И подумалось пророку, что Устройство Вселенной было верным и боги были милостивы, однако в Мирах царил скорбь. И еще подумалось ему, что Киб щедро раздает свои дары, и Мунг несет покой всем страждущим, и Сиш не слишком сурово распоряжается Часами – боги были благосклонны, однако в Мирах царил скорбь.

Тогда сказал пророк богов, глядя на бегущий поток:

– Верно, существует еще какой-нибудь бог, о котором в книгах ничего не сказано.

И тут пророк заметил на берегу реки старца, который горестно восклицал:

– Увы мне, увy!

Годы оставили след на его лице, но телом он был еще крепок. Вот слова пророка, записанные им в книге.

«Спросил я:

– Кто ты, который горестно восклицает на берегу реки?

И он ответил:

– Я – глупец.

Я возразил:

– На лбу у тебя печать мудрости, той, что хранится в книгах.

И он сказал:

– Я Зодрак. Тысячи лет назад я пас овец на холме у моря. Нрав богов изменчив. Тысячи лет назад они были веселы. Боги сказали: „Давайте позовем к Нам наверх человека, чтобы смеяться над ним в Пегане“.

Они забрали меня от овец, что паслись на холме у моря. Подняли выше грома. Поставили меня, простого пастуха, пред собой и смеялись. Но не так, как смеются люди, а со строгими глазами. И глаза Их, глядевшие на меня, видели не только меня, но Начало и КОНЕЦ и все Миры вокруг. Потом сказали боги, говоря со мной так, как говорят они меж собой: „Иди, возвращайся назад к своим овцам“.

Но я, глупец, когда-то слышал на Земле, что человек, увидев богов в Пегане, сам может стать как бог, если этого захочет, – тому, кто глядел Им в глаза, боги не могут отказать.

И я, глупец, сказал: „Я глядел в глаза богам и требую того, что человек вправе требовать от богов в Пегане“. И боги повернули головы к Худразею, и Худразей сказал: „Это закон богов“.

Но мне, простому пастуху, откуда было знать?

Я сказал: „Я сделаю людей богатыми“. А боги спросили: „Что такое богатство?“

Я сказал: „Я пошлю им любовь“. А боги спросили: „Что такое любовь?“

И я послал золото в Миры, но, увy, вместе с ним послал нищету и раздоры. И я послал любовь в Миры, а вместе с нею горе.

К тому же я по оплошности смешал любовь и золото, и теперь их нельзя разделить, ибо содеянное богами неизменно.

Затем я сказал: „Я дам людям мудрость, чтобы они были довольны“. И получившие мудрость поняли, что ничего не знают, и опечалились.

Так я, желая сделать людей счастливыми, сделал их несчастными и извратил замысел богов.

Отныне моя рука всегда на рукоятке их плуга. Но мне, простому пастуху, откуда было знать? Вот я пришел к тебе, отдыхающему у реки, чтобы просить о прощении, ибо нуждаюсь в прощении человека.

Тогда я воскликнул:

– О Господин семи небес, Повелитель бурь, разве может человек простить бога?

Он мне ответил:

– Люди не грешили против богов, но боги согрешили против людей, когда я пришел к ним на совет.

И я, пророк, спросил:

– О Господин семи небес, играющий с молнией, ты пребываешь среди богов, зачем тебе прощение человека?

И он ответил:

– Это правда, я пребываю среди богов, и Они говорят со мной, как говорят с другими богами, однако губы Их все время смеются, а в глазах я читаю: „Ты был человеком“.

Тогда я сказал:

– О Господин семи небес, под ногами которого Миры, как зыбучий песок, по просьбе твоей я, человек, тебя прощаю.

И он ответил:

– Я был простым пастухом. Откуда мне было знать?

И исчез».

Пегана

Пророк воззвал к богам:

– О Все боги, кроме Одного! – (Ибо никто не смеет молиться МАНА-ЙУД-СУШАИ.) – Куда уходит жизнь из тела, когда Мунг являет человеку свое знамение? Люди, с которыми вы играете, хотят это знать.

Но боги отвечали сквозь туман:

– Боги не откроют своей тайны. А вдруг ты поведаешь о ней животным, животные тебя поймут, и выйдет так, что люди, боги и животные будут знать одно и то же и сравняются меж собой.

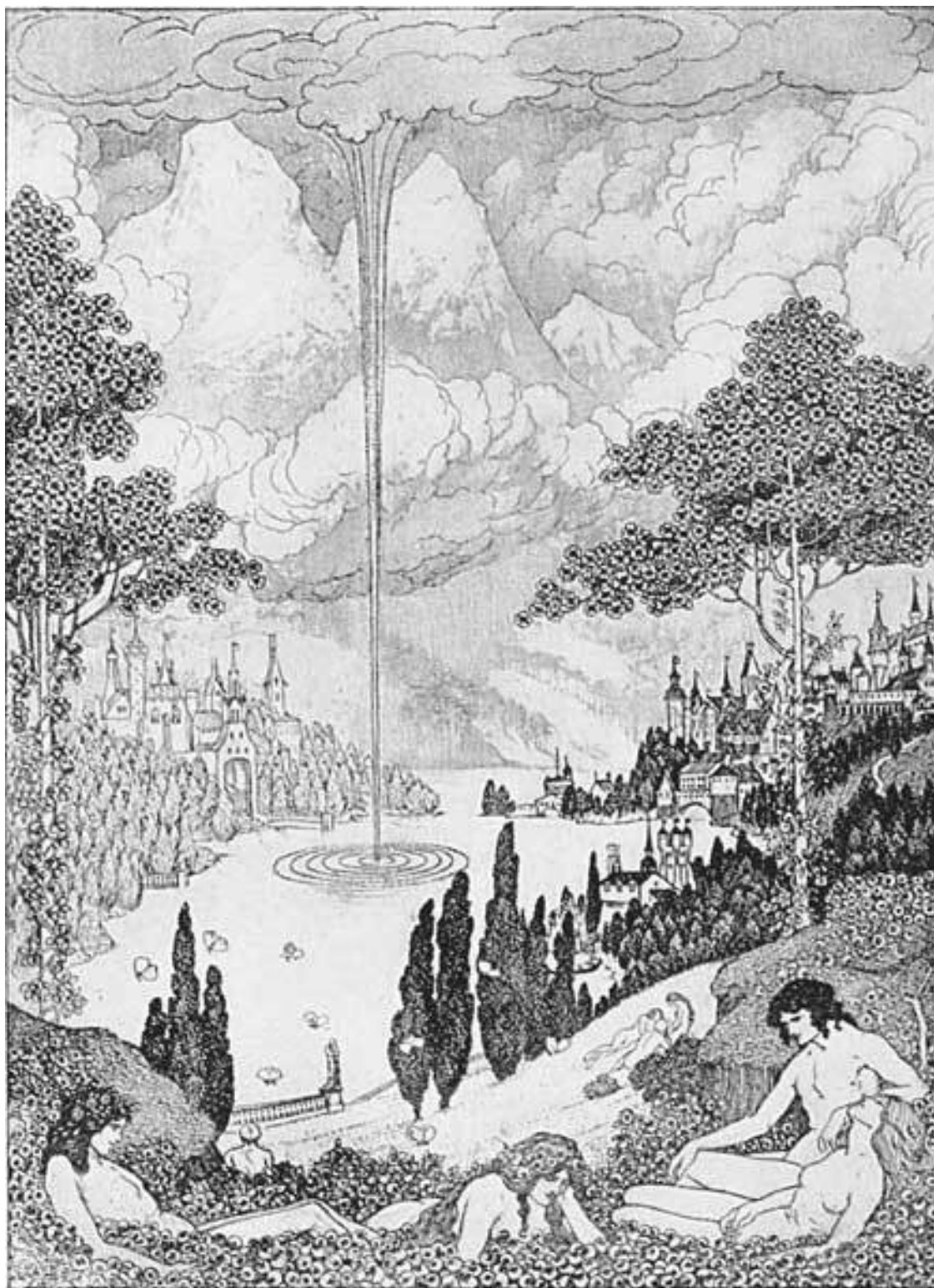
В ту же ночь явился в Арадек Йохарнет-Лехей и сказал Имбону:

– Зачем тебе знать тайну богов? Боги не могут ее открыть. Когда стихает ветер, где он? И когда нет тебя среди живых, где ты? Ветру ли заботиться о затишье, тебе ли – о смерти? Жизнь твоя длинна, а Вечность коротка. Так коротка, что, когда ты умрешь и минует Вечность, ты снова будешь жить и скажешь: «Я лишь на миг закрыл глаза». Вечность позади тебя и Вечность впереди. Разве ты сокрушаешься о веках, что прошли без тебя? Зачем тебе страшиться будущих веков?

И подумал пророк: «Как мне сказать людям, что боги не желают говорить со мной и я, их пророк, ничего не знаю? Тогда я перестану быть пророком, и люди станут приносить дары другому, а не мне».

И сказал пророк людям:

– Боги, говоря со мной, сказали: «О Имбон, Наш пророк, люди не напрасно надеялись на тебя. Твоя мудрость постигла тайну богов: человек после смерти отправляется в Пегану и пребывает там с богами, и наслаждается, не ведая трудов. Пегана же – страна, где белеют вершины гор и на каждой восседает бог, а люди лежат внизу на склонах и отдыхают под сенью того бога, которого особо чтили в Мирах. И воздух там наполнен ароматом садов, что цвели в Мирах, и слух твой ласкает старая полузабытая мелодия. И солнце там никогда не меркнет, и прозрачные потоки струятся с гор под голубыми небесами. И нет там ни дождей, ни сожалений. И розы, достигшие расцвета, роняют лепестки к твоим ногам, и только изредка с забытой Земли доносятся тихие голоса, что слышал ты в садах твоей юности. И если вздохнешь ты о Земле, услышав незабытые голоса, то боги пошлют тебе в Пегану крылатых вестников, сказав им: „Один из людей не забыл о Земле“. И вестники возьмут тебя за руку и примутся шептать тебе на ухо, пока не забудешь ты земные голоса. И станет для тебя Пегана еще прекраснее.

Пегана

И посреди лугов Пеганы вырастет розовый куст, что обвивал крыльцо родного дома, и зазвучат напевы, которым внимал ты давным-давно.

Более того, с лугов, покрывающих склоны Пеганы, слушая мелодию, что волнует души богов, ты увидишь далеко внизу под собой огромную горестную Землю и порадуешься, что уже ее покинул.

И с трех великих вершин, что высятся над всеми и зовутся Гримбол, Зеебол и Трехагобол, подуют, неся богам Пеганы свежесть, утренний ветер и ветры вечерний и полуденный, рожденные крылами бабочек, что сгинули в Мирах.

А из Срединного моря по слову богов взвьется серебристый фонтан, повиснет над вершинами Пеганы сверкающим туманом и сокроет место, где отдыхает МАНА-ЙУД-СУШАИ.

Там, у подножия Внутренних гор, лежит большое голубое озеро. Воды его тихи, а берега пустынные.

Тот, кто заглянет в его воды, увидит свою жизнь в Мирах и все дела, которые он совершил.

Но никто не приближается к его берегам и никто не глядит в его воды, ибо все страдали на Земле и все грешили.

В Пегане всегда светло. Когда одержит ночь победу над солнцем и успокоит Миры и белоснежные вершины гор станут серыми, тогда, подобно солнцу над морем, засияют голубые глаза богов, сидящих на вершинах.

И когда настанет Последний Срок – быть может, это будет летом, – боги скажут богам:

– Каков лик МАНА-ЙУД-СУШАИ? И что такое КОНЕЦ?

И тогда МАНА-ЙУД-СУШАИ отгонит рукой туман, что скрывает место его отдыха, и возгласит:

– *Вот лик МАНА-ЙУД-СУШАИ, и вот КОНЕЦ».*

И сказали пророку люди:

– Разве черные холмы в покинутом краю не сомкнутся вокруг долины, где будут плавиться и клокотать камни, а обломки скал с шипением всплывать и уходить на дно? И разве наши враги не будут кипеть там вечно?

И ответил пророк:

– В Пегане у подножия гор, на которых восседают боги, высечена надпись: «Враги твои прощены».

Речения Имбона

Пророк богов сказал:

– Там, у дороги, сидит лжепророк и каждому, кто хочет знать о тайных днях, говорит: «Скоро царь проедет здесь на колеснице и будет беседовать с тобой». И люди приносят дары лжепророку и слушают его охотнее, чем Пророка богов.

Тогда сказал Имбон:

– Что известно Пророку богов? Мне известно, что люди ничего не знают о богах и очень мало – о людях. Могу ли я, их пророк, сказать им об этом?

Ведь люди избирают себе пророков, чтобы те говорили об их надеждах и о том, что надежды эти сбудутся.

Лжепророк сказал: «Скоро царь будет беседовать с тобой».

Почему бы мне не сказать: «Скоро боги будут беседовать с тобой в Пегане»?

Тогда люди будут счастливы, и поверившие словам Пророка будут знать, что их надежды сбудутся.

Но что знает о богах Пророк, к которому никто не придет и не скажет: «Твои надежды сбудутся»? Перед его глазами никто не делает тайных знаков, чтобы отогнать страх смерти, не для него звучат песнопения служителей храма.

Пророк богов купил себе мудрость ценою счастья и отдал свои надежды людям.

Еще сказал Имбон:

– Если ночью тебя охватит гнев, погляди на звезды: они тихи. Тому, кто мал, подобает ли браниться, когда великие молчат? Или, если гнев охватит тебя днем, взгляни на далекие холмы: их лик украшен спокойствием. Подобает ли тебе гневаться, когда они невозмутимы?

Не ропщи на людей, ибо они, как и ты, движимы Дорозандом. Разве волы, на которых одно ярмо, подгоняют друг друга?

Не ропщи на Дорозанда, ибо тогда ты сражаешься голыми руками с железным утесом.

Все, что делается, делается потому, что так должно быть. Поэтому не ропщи на неизбежное.

И еще сказал Имбон:

– Солнце восходит, чтобы осиять славой все, что видит под собою, и превращает простую росу в драгоценные камни. И убирает ими холмы.

Так же и человек. Он рождается, и в садах его юности пребывает слава. И Солнце, и человек проходят свой путь, чтобы исполнить предначертанное Дорозандом.

Закатится Солнце, и звезды тихо загорятся на небосклоне.

Умрет человек, и родственники тихо плачут на его могиле.

Наступит ли снова рассвет его жизни? Увидит ли он вновь сады своей юности? Или же все завершится закатом?

О том, как Имбон говорил с царем о смерти

Когда в Арадеке свирепствовала чума, царь, выглянув в окно, увидел, что люди умирают. И, увидав Смерть, испугался, что однажды даже ему придется умереть. Тогда царь приказал своим стражам привести во дворец мудрейшего из пророков Арадека.

И вестники явились в храм Всех богов, кроме Одного, и громко возгласили, предварительно потребовав тишины:

– Разахан, царь Арадека, Наследный князь Илдана и Илдона, Завоеватель Патии, Эзека и Азхана, Повелитель Холмов, приветствует Верховного Пророка Всех богов, кроме Одного!

А затем привели Верховного Пророка к царю. И сказал царь пророку:

– О Пророк Всех богов, кроме Одного, неужели и я когда-нибудь умру?

И пророк ответил:

– О царь! Твой народ не сможет вечно наслаждаться твоим правлением. Придет и твой черед умереть.

И царь ответил:

– Возможно, ты и прав, но вот ты умрешь наверняка. Возможно, я когда-нибудь умру, но пока я жив, жизнь подданных в моих руках.

И стражи увели пророка.

С тех пор пророки Арадека не говорят с царями о смерти.

Об Ооде

Говорят, если ты отправишься к Сундари по равнинам и поднимешься на вершину прежде, чем тебя накроет лавина, подстерегающая путника на склонах, перед тобой откроется горная гряда. И когда ты взберешься на эти горы и перейдешь лежащие меж ними долины (которых будет семь по числу вершин), ты наконец окажешься в стране забытых холмов, где посреди долин и снегов стоит «Великий храм Одного бога».

Внутри храма дремлет пророк и с ним все служители.

Они – жрецы МАНА-ЙУД-СУШАИ. В храме запрещено свершать труды и молиться. В его стенах день неотличим от ночи. Жрецы там предаются отдыху, как предается МАНА. И пророк его зовется Оод.

Оод – величайший из пророков Земли. Говорят, если он начнет молиться нараспев вместе со всеми служителями храма и станет призывать МАНА-ЙУД-СУШАИ, то МАНА-ЙУД-СУШАИ очнется от сна – ведь он обязательно услышит молитву своего пророка, – и тогда не станет больше Миров.

Есть еще один путь в страну забытых холмов. Это прямая ровная дорога в самом сердце гор. Но по неким тайным причинам лучше добираться в обитель Оода через вершины и снега – пускай ты и погибнешь в пути, – чем пробовать попасть туда по ровной прямой дороге.

Река

В Пегане берет начало река, но не река воды и даже не река огня: по небесам и Мирам струится к Пределу Миров Река Безмолвия. Миры полны звуками и шумами, полны эхом голосов и песен, только на Реке царит молчание, ибо там все звуки умирают.

Река рождается из барабанной дроби Скарла, течет меж берегов из грома, а за Мирами, за самой далекой звездой, впадает в Океан Безмолвия.

Я лежал в пустыне, вдали от городов и звуков, и надо мной по небу текла Река Безмолвия, а на краю пустыни ночь сражалась с Солнцем.

Когда же ночь одержала победу, на Реке показался корабль Йохарнет-Лехея, корабль Сновидений, плывущий в сумерках.

Шпангоуты корабля сделаны из старых снов, высокие прямые мачты – из фантазий поэтов, а снасти – из людских надежд.

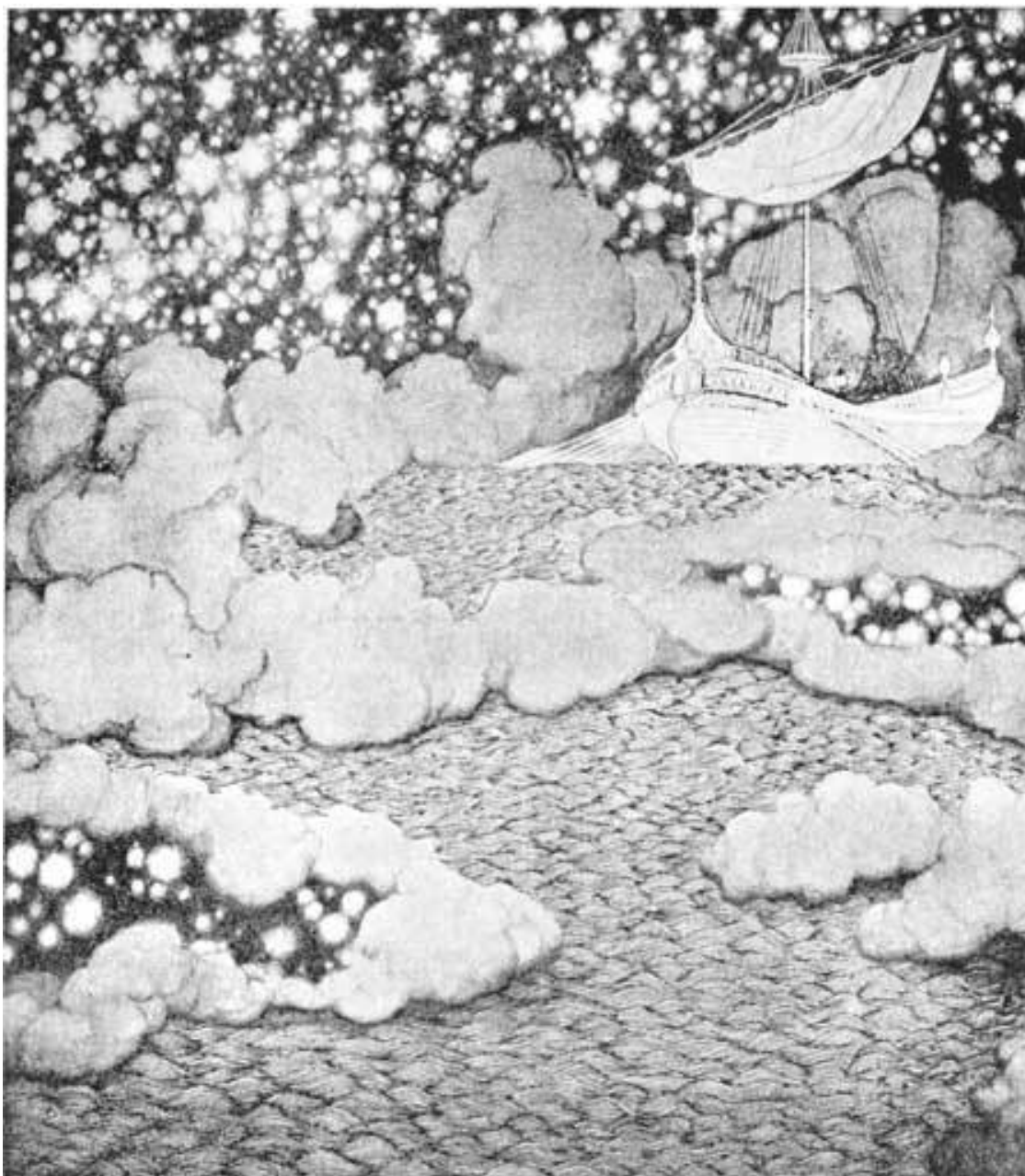
Гребцы на палубе – те, что умерли, и те, что еще не родились, принцы из забытых сказок и существа, рожденные фантазией, – беззвучно поднимали и опускали весла.

Ветры приносят в Пегану людские надежды и мечты, которым не нашлось места в Мирах, а бог Йохарнет-Лехей вплетает их в сны и вновь отправляет на Землю.

Каждую ночь Йохарнет-Лехей садится на корабль Сновидений, чтобы вернуть людям былые надежды и забытые мечты.

Прежде чем новый день вступит в свои права и легионы зари примутся метать в лицо ночи огненные копья, Йохарнет-Лехей покидает спящие Миры и уплывает по Реке Безмолвия в Пегану и дальше, в Океан Безмолвия, лежащий за Мирами.

И зовется та Река Имраной – Рекой Безмолвия. Те, кто устал от шума городов, пробираются ночью на корабль Йохарнет-Лехея, ложатся на палубу и плывут по Реке, окруженные былыми снами и мечтаниями, пока Мунг не явит им свое знамение, ибо такова их судьба. И, лежа на палубе среди незабытых фантазий и неспетых песен, они перед рассветом достигают Имраны, где не слышно ни шума городов, ни раскатов грома, ни полуночного воя Боли, терзающей людские тела, где никому нет дела до печалей Мира.

Корабль Йохарнет-Лехея

У врат Пеганы, там, где Река струится меж двумя созвездиями-близнецами Йумом и Готумом – Йум стоит на страже справа, а Готум слева, – сидит Сирами, властелин Забвения. Когда корабль проплывает мимо, Сирами глядит сапфировыми глазами на лица и мимо лиц тех, кто устал от городов, глядит, как глядят перед собою те, кто ничего не помнит, и плавно взмахивает руками, и люди на палубе забывают все – кроме того, что забыть невозможно, даже за Пределом Миров.

Говорят, когда Скарл перестанет бить в барабан и МАНА-ЙУД-СУШАИ очнется от сна, боги Пеганы поймут, что настал КОНЕЦ, и, не теряя достоинства, взойдут на золотые галеоны и поплывут вниз по Имране, к Океану Безмолвия, где нет ничего, даже звуков. А далеко, на берегу Реки, будет лаять их старый пес-Время, восставший на своих хозяев. А МАНА-ЙУД-СУШАИ придумает другие миры и других богов.

Птица судьбы и Конец

В последний срок Миры сотрясутся от раскатов грома, задумавшего избежать участи богов, а отощавший с годами пес-Время станет алчно скалиться на своих хозяев.

И тогда из сокрытой в горах долины взвоется в небо птица судьбы, Мозаан, чей голос подобен трубе, и станет громко бить крыльями, возвещая трубным голосом КОНЕЦ.

Тогда при всеобщем смятении, под яростный лай пса, боги явят в последний раз свое знамение и гордо прошествуют к золотым галеонам, чтобы уплыть по Реке Безмолвия и никогда не вернуться.

И выйдет Река из берегов, и Океан Безмолвия затопит все Миры и Небеса. А МАНА-ЙУД-СУШАИ будет восседать в Средине Всего, погруженный в раздумья. И когда Миры и города, служившие пищей Времени, исчезнут, пес-Время сдохнет от голода.

Но некоторые утверждают – и в этом состоит ересь Сайготов, – что когда боги взойдут на золотые галеоны, то Мунг останется в Пегане и, опершись спиной о вершину Трехагобола, поднимет разящий меч, который зовется Смертью, и напоследок сразится с псом-Временем, а пустые ножны Сон будут болтаться у него за спиной.

Когда покинут боги Пегану, то у подножия Трехагобола Мунг вступит в бой со Временем.

Сайготы говорят, что два дня и две ночи пес будет злобно рычать в лицо Мунгу, два дня и две ночи будут биться они во мгле. Ведь после того, как золотые галеоны уплывут, солнце, луна и звезды утонут в небе вместе с остальными, ибо боги, создавшие их, перестанут быть богами.

В отчаянном прыжке пес вцепится в горло Мунгу, а тот, в последний раз явив свое знамение, вгонит меч меж лопаток пса, и кровь Времени разьест Смерть.

И МАНА-ЙУД СУШАИ останется один, и не будет вокруг ничего; ни Времени, ни Смерти, ни пения часов, ни шелеста прошедших жизней.

Но далеко от Пеганы будут плыть золотые галеоны, унося на себе богов, лица которых останутся бесстрастными. Ибо боги – это боги, и они знают, что настал КОНЕЦ.

Конец

Время и боги

Предисловие

Это рассказы о том, что происходило с богами и людьми Йарнита, Аверона, Зарканду и других стран, привидевшихся мне.

Часть I

Время и боги

Однажды, когда боги были молоды – только Их смуглый слуга Время не имел возраста, – Они уснули на земле неподалеку от широкой реки. Боги спали в долине, которую избрали Себе для отдыха, и Им снились мраморные сны. Храмы и башни Их снов поднимались и гордо вставали между рекою и небом, сияя белизной навстречу утру. Посреди города тысяча сверкающих мраморных ступеней вела к крепости, вздымавшей четыре угловые башни до самого неба, а в центре ее высился огромный храм, такой, каким увидели его боги. Вокруг, уступ за уступом, шли мраморные террасы, их стерегли львы, высеченные из оникса. Струи воды в фонтанах, взметнувшись высоко вверх, падали со звуком, напоминавшим звон колоколов в невидимой за холмами земле пастухов. Боги проснулись – перед Ними стоял Сардатрион. Не всем позволяли боги разгуливать по улицам Сардатриона, не всякий мог любоваться его фонтанами. Только тому, с кем во время одиноких ночных прогулок говорят боги, склоняясь с расцвеченного звездами неба, тому, кто слышит Их божественные голоса над полоской зари или видит над морем Их лики, только тому дано было увидеть Сардатрион, приблизиться к его башням, воздвигшимся в свежем ночном воздухе из сновидений богов. Ибо пустыня простиралась вокруг долины, и не каждый мог добраться туда, лишь избранные богов, внезапно ощутив в душе неукротимое стремление и повинувшись ему, преодолевали горы, отделявшие пустыню от мира, и, ведомые богами, пересекали ее, и добирались до долины, сокрытой в сердце пустыни, и их глазам представал Сардатрион.

Пустыня вокруг долины поросла колючим кустарником, и все шипы его были обращены в сторону Сардатриона. Множество тех, кого боги дарили своей любовью, входили в мраморный город, но никто не возвращался назад, ибо ни один город не мог стать домом тех, чья нога ступала по мраморным мостовым Сардатриона, в котором не стыдились появляться боги в человеческом образе, прикрывая лицо полою одеяния. Поэтому ни одному городу не доводилось слышать песен, что пели за стенами мраморной крепости те, кто внимал божественным голосам. Никто в мире не мог и представить себе музыки фонтанов, когда их струи, взлетев к небу, падали в озеро, где боги в человеческом образе порою омывали чело. Никто не подозревал о поэтах этого города, с которыми вели беседы боги.

Город стоял уединенно. О нем не ходило легенд – один я видел его в сновидениях и не знал, истинны ли они.

* * *

В незапамятные времена, спустя годы после создания Сардатриона, боги правили мирами. Теперь Они больше не прогуливались вечерами по Мраморному Городу, слушая плеск фонтанов или пение людей, полюбившихся им, поскольку подошло время и труды богов должны были быть совершены.

Но часто, в мгновения, свободные от божественных своих деяний, выслушав людские молитвы, наслав Кары и явив Милосердие, боги предавались воспоминаниям, беседуя друг с другом о прошедших годах:

– Помнишь ли ты Сардатрион?

И в ответ слышалось:

– Еще бы! И Сардатрион, и его подернутые туманом мраморные террасы, по которым теперь не ступает наша нога.

Затем боги возвращались к Своим трудам, отвечая на людские молитвы или карая людей и всегда посылая Своего смуглого слугу, Время, исцелить или сокрушить человека. И Время нисходило в миры, повинаясь велениям богов, но бросая на Них косые взгляды, а боги продолжали утруждать Время, потому что ему были известны миры и потому что Они были богами.

Однажды, в незапамятные времена, когда Время, смуглый слуга богов, тайно спустился туда, где были миры, чтобы незамедлительно покарать город, в котором мало чтили богов, сами боги стали говорить между Собою:

– Нет сомнений, что мы господа Времени и, кроме того, боги вверенных нам миров. Достаточно взглянуть, как наш Сардатрион вознесся над другими городами. Другие города встают и рушатся, один Сардатрион пребывает неизменным. Реки исчезают в море, а ручьи пропадают меж холмов, но фонтаны продолжают взлетать вверх в городе, который привиделся нам. Сардатрион существовал, когда мы были молоды, и до сих пор его улицы – свидетельство тому, что мы боги.

Вдруг перед ними выросла фигура Времени. Пальцы его были обагрены кровью, кровь струилась и по праздному мечу, покоившемуся в правой руке. Раздался голос Времени:

– Сардатрион погиб! Он разрушен мною!

И боги воскликнули:

– Сардатрион? Сардатрион, наш мраморный город? Это ты разрушил его? Ты, наш раб?

И старший из богов спросил:

– Неужели Сардатрион погиб?

И Время, их смуглый слуга, искоса взглянул в его лицо и шагнул к нему, сжимая окровавленными пальцами рукоять своего верного меча.

Тут боги ощутили неведомый Им доселе страх – страх, что тот, кто превратил в руины Их город, когда-нибудь низвергнет Их самих. И раздались неслыханные дотоле стенания и плач: боги оплакивали город Своих снов.

– Слезами не вернуть Сардатрион.

– Но боги, бесстрастно наблюдавшие горести десяти тысяч миров, – твои боги оплакивают тебя.

– Слезами не вернуть Сардатрион.

– Не верь, Сардатрион, что твои боги наслали на тебя погибель; тот, кто уничтожил тебя, низринет и твоих богов.

– Как часто в давние времена, когда Ночь внезапно сменяла игравший на просторе День, мы любовались твоими шпилями, мерцавшими в сумерках, Сардатрион, Сардатрион, город, приснившийся богам, и твоими высеченными из оникса львами, едва различимыми в темноте.

– Как часто мы посылали наше дитя, Рассвет, играть на верхушках твоих фонтанов, как часто Заря, прелестнейшая из наших богинь, подолгу блуждала по твоим балконам.

– Пусть уцелел бы хоть обломок твоего мрамора во прахе, чтобы твои древние боги могли хранить его, как человек, лишившийся всего на свете, кроме локона своей возлюбленной.

– Сардатрион, боги хотят еще раз поцеловать землю, где пролегали твои улицы.

– Каким чудесным мрамором были вымощены твои улицы и площади, Сардатрион.

– Сардатрион, Сардатрион, боги оплакивают тебя.

Приход моря

В давние времена не было моря, и боги шествовали по зеленым равнинам земли.

Как-то вечером в незапамятные годы боги воссели на холмы, и все речушки мира улеглись спать у Их ног, как вдруг Слип, новый бог со звезд, сошел внезапно на землю, лежавшую в уголке пространства. А за спиной Слида двигался миллион волн, и вслед за Слипидом они ступили в сумерки; и Слипид коснулся земли в одной из ее великих зеленых долин, что пролегала

на юге, и стал там лагерем со всеми своими волнами. А до богов, восседавших на вершинах холмов, донесся с зеленых равнин, что лежали внизу, новый крик, и боги сказали:

– То не крик жизни, но еще и не шепот смерти. Что же это за новый крик, без ведома богов достигший Их слуха?

И боги вскричали все вместе, издав клич юга, призывающий к Ним южный ветер. И еще вскричали, издав клич севера, призывая к Себе ветер севера. Так Они собрали все ветры и послали четверку их в низину узнать, что за существо издало новый крик, и изгнать его подальше от богов.

Тогда ветры собрали тучи и, взнуздав их, погнали их в великую зеленую долину, что пролегла посреди юга, и нашли там Слида в окружении волн. И на великой равнине схватились Слип и четверка ветров, и боролись, покуда не иссякла сила ветров, и отступили они к богам, своим властелинам, и сказали:

– Мы встретились с новым существом, что сошло на землю, и сразились с его войском, но не смогли одолеть его; а новое существо прекрасно, хотя сердито, и оно подступает к богам.

И Слип двинул свои войска вверх по долине и принялся дюйм за дюймом, милю за милей отвоевывать земли богов. Тогда боги ниспослали вниз великую армаду утесов с красных гор и велели им идти против Слида. И утесы двинулись вниз туда, где стоял Слип, и сомкнули вершины, и грозно стали неколебимой стеной, заслонив собой земли богов от могущества моря, отторгнув Слида от мира. Тогда Слип выслал мелкие волны попытать, что за сила стоит против него, и утесы разбили их. Но Слип собрал большие волны и бросил на утесы, и утесы разбили их. И Слип вызвал из глубин армаду самых больших волн и послал ее, грохочущую, против стражей богов, и красные скалы сдвинулись и разбили ее. И снова Слип собрал свои мощные силы и отправил сразиться со скалами, и, когда эти волны были разбиты, как и те, что до них, утесы уже едва держались, и лики их были изборождены шрамами. Тогда в каждое ущелье этих утесов, что стояли стеной, Слип наслал по гигантской волне, а за ними шли другие, и сам Слип ухватил ручищами крепкие скалы, и вырвал их из земли, и бросил себе под ноги. А когда шум утих и море победило, по останкам поверженных красных скал армии Слида вошли в зеленую долину.

Тогда боги услышали вдали торжествующего Слида и его песнь победы над их разбитыми скалами, а грохот наступающего войска все громче и громче отзывался в ушах богов.

Тогда боги повелели Своим холмам спасти Их мир от Слида, и холмы собрались вместе и белой сверкающей стеной замерли перед Слипидом. Слип не стал бросать на них свои легионы и, пока волны его покоились, начал тихо напевать песню – ту, что некогда тревожила звезды и вызывала слезы сумерек.

Твердо стояли холмы на страже ради спасения мира богов, но песня, что некогда тревожила звезды, все звучала, пробуждая подавленные желания, пока мелодия не улеглась у ног богов. Тогда голубые реки, что спали, свернувшись, открыли свои блестящие глаза, распрямились и, пробравшись между окрестными холмами, устремились на поиски моря. И, пройдя долгий путь, достигли наконец того места, где стояли белые холмы, прорвали их цепь и стекли к Слипиду, и боги вознегодовали на предательство рек.

Тогда Слип прервал свою песню, что околдовывает мир, и собрал свои легионы, а реки и волны подняли головы, и все вместе двинулись на утесы богов. И там, где реки прорывали цепь скал, армии Слида брали их в осаду, раскалывали на острова и разбрасывали окрест. А боги на холмах вновь услышали голос торжествующего Слида.

Уже полмира лежало поверженным у ног Слида, а его войско все прибывало, и подданные Слида, рыбы и длинные угри, заселяли прежде дорогие богам убежища. Тогда испугались боги за Свои владения и взошли в самое сердце гор и нашли там Тинтаггона, гору черного мрамора, далеко провидевшего землю, и так сказали ему голосами богов:

– О старейшина гор, когда мы только создали землю, мы сотворили тебя, а потом лишь поля и низины, долины и другие горы, возложив их у твоих ног. А ныне, Тинтагон, твои древние властители, боги, повстречались с пришельцем, который разрушает старый уклад. Пойди же, Тинтагон, и стань против Слида, дабы боги пребывали богами, а земля по-прежнему зелена.

Услышав голоса своих властелинов, старших богов, Тинтагон сошел сквозь вечер, оставив за спиной разбуженные сумерки, и, пройдя зеленой землей, достиг Амбради у края долины и там встретил передовой отряд грозных сил Слида, завоевывающих мир.

Слид бросил против него мощь целого залива, который ударился о колени Тинтагона, разбился на потоки и разлился тонкими струями. Тинтагон же стоял непоколебимо за честь и господство своих властелинов, старших богов. Тогда подошел к Тинтагону Слид и сказал:

– Давай примиримся. Отступи от Амбради и позволь мне и моим войскам пройти в долину, которая открывается в мир, и пусть зеленая земля, что дремлет у ног старших богов, узнает нового бога Слида. Тогда мои легионы не станут больше сражаться с тобой, а ты да я станем равноправными властителями всей земли, и, когда вся земля воспоет гимн в честь Слида, лишь твоя глава возвысится над моими войсками, а все другие горы и утесы сгинут. И я уберу тебя всеми сокровищами моря, и все трофеи, что собрал я в дивных городах, возложу к ногам твоим. Тинтагон, я покорил все звезды, моя песнь звучала во всех пространствах, я с победой прошел Ман и Ханагат до самых окраин миров, и нам с тобой быть равными властителями, когда уйдут старые боги и зеленая земля узнает Слида. Смотри, как блистает моя лазурь, как сверкает тысяча моих улыбок, как сменяют одно другое тысяча моих настроений.

И ответил Тинтагон:

– Я тверд и черен, и настроение у меня всегда одно – защищать моих хозяев и их зеленую землю.

Тогда Слид с ворчаньем отступил и собрал вместе волны целого моря и с пением швырнул их в лик Тинтагона. И, ударившись о мраморный лик Тинтагона, с воем отпрянуло море на разбитый берег и струя за струей притекло к Слиду, жалуясь: «Тинтагон неколебим».

Вдали от разбитого берега, что лежал у ног Тинтагона, долго отдыхал Слид и послал челн, чтобы плавал он перед глазами Тинтагона, а сам сел со своим войском петь странные песни о волшебных островах, что лежат далеко на юге, и неподвижных звездах, сумеречных вечерах и давно прошедшем. А Тинтагон твердо стоял, упершись в край долины, защищая богов и их зеленую землю от моря.

И все то время, пока Слид пел свои песни и играл с челном, он собирал свои воды. Однажды утром, когда Слид пел о древних жестоких войнах, и о самом сладком мире, и о волшебных островах, и о южном ветре, и о солнце, он вдруг извлек из глубин пять океанов и бросил их против Тинтагона. И пять океанов ринулись на Тинтагона и омыли его главу. Но раз от раза наплыв океанов слабел, и один за другим уходили они вглубь, а Тинтагон все стоял, и в то утро мощь всех пяти океанов разбилась о его твердь.

Все, что отвоевал Слид, он удержал, и нет больше великой зеленой долины на юге, но все, что Тинтагон отстоял у Слида, он вернул богам. Тихое море лежит теперь у ног Тинтагона, а он стоит весь черный среди складчатых белых утесов и красных скал. И часто море отступает далеко от берега, и часто волны с воинственным грохотом кидаются на него, словно вспоминая великую битву с Тинтагоном, когда он охранял богов и зеленую землю от Слида.

Иногда в снах своих израненные в боях воины Слида поднимают головы и издают боевой клич; тогда собираются над темным ликом Тинтагона грозные тучи, но стоит он непоколебимо там, где когда-то одолел Слида, и издали видят его корабли. И боги хорошо знают, что, пока стоит Тинтагон, Они и Их Мир в безопасности; а покорит ли когда-нибудь Слид Тинтагона, то скрыто в тайнах моря.

Легенда о Заре

В начале миров и Всего сущего боги уже были суровы и стары: Они хмуро взирали на Начало Начал из-под седых бровей, – все, кроме Инзаны: а Инзана, дочь Их, дитя всех богов, играла себе с золотым мячом. Закон, бывший до Начала Начал и после, гласил, что богам повинуются все сущее, но все боги Пеганы были на побегушках у Инзаны и делали то, что скажет девочка-Заря, ведь ей очень нравилось, когда ее слушаются.

Тьма царила над миром и даже в Пегане, где живут боги; в кромешной темноте Инзана, девочка-Заря, впервые нашла свой золотой мяч. И вот, сбегав вприпрыжку по лестнице богов, с халцедоновой ступеньки на ониксовую, с ониксовой на халцедоновую, она бросила свой золотой мяч ввысь. Мяч, подскакивая, покатился через все небо, а девочка-Заря с пламенеющими волосами стояла, смеясь, на лестнице богов, и был день. Так мерцающие внизу поля узрели первый из дней, сужденных богами. Но ближе к вечеру некие горы, далекие и равнодушные, сговорились встать между миром и золотым мячом и заградить его скальными отрогами и спрятать от мира, и козни их погрузили весь мир во мрак. В вышней Пегане заплакала девочка-Заря о своем золотом мяче. Тут все боги сошли по лестнице прямо к воротам Пеганы узнать, что гнетет девочку-Зарю, и спросить, отчего она плачет. И пожаловалась Инзана, что ее золотой мяч отобрали и спрятали черные и страшные горы – вдали от Пеганы, в краю скал под небесным окоемом, и требовала она назад свой золотой мяч, ибо тьма ей была не мила.

Тогда Умбородом взял на сворку гром – своего верного пса, – и зашагал через все небо за золотым мячом, и добрался со временем до далеких и равнодушных гор. Там гром принялся к скалам и с лаем промчался по долинам, а следом за ним поспешал Умбородом. И чем ближе пес-гром подбирался к золотому мячу, тем громче он лаял, но горы, чьи козни погрузили мир во мрак, высились надменны и немые. В кромешной темноте среди каменных отрогов, в глубокой пещере под охраной двойных пиков-близнецов пес и его хозяин отыскивали наконец золотой мяч, о котором плакала девочка-Заря. Тогда Умбородом прошел под миром, а гром, пытаясь, прыжками мчался за ним по пятам; и явились они из-под мира во тьму в преддверии утра, и вернули Инзана ее золотой мяч. Рассмеялась девочка-Заря и взяла мяч в ладони, а Умбородом возвратился в Пегану, и на пороге Пеганы гром свернулся калачиком и уснул.

И снова закинула девочка-Заря золотой мяч далеко в синеву через все небо, и второе утро засияло над миром, над озерами, и океанами, и каплями росы. Но пока мяч, подскакивая, катился своим путем, крадущиеся туманы и дождь тайно сговорились промеж себя, и украли его, и завернули в свои изорванные плащи, и унесли прочь. Золотой мяч проблескивал сквозь прорехи, но похитители, не выпуская добычи, сокрылись под миром. Тогда Инзана присела на ониксовую ступеньку и заплакала: ведь без своего золотого мяча она не могла смеяться и радоваться. И снова удручились боги, и прилетел Южный Ветер и принялся рассказывать ей сказки о зачарованных островах, но Инзана не стала слушать ни его, ни даже предания о храмах в пустынных землях, что поведал ей Восточный Ветер, который был рядом с нею, когда бросила она свой золотой мяч. Но вот примчался издалека Западный Ветер с известием о трех седых странниках, закутанных в дырявые плащи и унесших золотой мяч.

И взвился Северный Ветер, страж полюса, и выхватил из снежных ножен ледяной меч, и понесся по проложенной через синеву дороге. В темноте под миром повстречал он трех седых странников, и накинута на них, и погнался прочь, разя мечом, и преследовал до тех пор, пока серые плащи их не окрасились кровью. А те убегали в развевающихся плащах, алых и серых, и изорванных в клочья, но вот Северный Ветер настиг их, и взмыл ввысь с золотым мячом, и отдал его Инзана.

И снова девочка-Заря кинула мяч свой в небо и создала третий день, а мяч летел все выше и выше и упал в поля, а когда Инзана нагнулась подобрать его, внезапно зазвенели трели

птиц – всех, какие только есть на свете. Птицы мира распевали все вместе, и все ручьи тоже, а Инзана присела и заслушалась – и не вспоминала более ни о золотом мяче, ни даже о халцедоне и ониксе, ни обо всех своих отцах-богах, но думала лишь о птицах. Но вот в лесах и на лугах, где так внезапно запели все птицы, они так же внезапно и смолкли. Инзана подняла взгляд – и увидела, что мяч ее пропал и в тишине хохочет лишь одна одинокая сова. Когда же услышали боги, как Инзана плачет о своем мяче, столпились Они все вместе на пороге и вгляделись во тьму, но никакого золотого мяча не увидели. И, наклонившись вперед, Они воззвали к нетопырю, порхавшему вверх-вниз:

– Нетопырь, ты все видишь – скажи, где золотой мяч?

И ответил им нетопырь, да только никто его не услышал. Ни ветра не видели пропажу, ни птицы; лишь очи богов высматривали во тьме золотой мяч. И сказали боги: «Потерялся твой золотой мяч», – и сделали Инзана серебряную луну, чтобы катать ее по небу. Но расплакалась девочка-Заря и, требуя золотой мяч, швырнула луну на ступеньки, так что выщербились и надломились края ее. И поскольку Инзана все еще безутешно рыдала о своем золотом мяче, Лимпанг-Танг, Владыка Музыки, наименьший из всех богов, потихоньку выскользнул из Пеганы, и прокрался через все небо, и увидел, что во всем мире птицы расселись в кронах деревьев и среди плюща и пересвистываются в темноте. И принялся он расспрашивать птиц одну за одной про золотой мяч. И кто-то видел его в последний раз на соседнем холме, а кто-то в ветвях деревьев, но никто не знал, где мяч сейчас. Цапля видала его в пруду, а дикая утка в последний раз видала его в тростниках, когда летела домой через холмы; а потом мяч укатился куда-то очень далеко.

Наконец петух прокричал, что знает, где мяч, – он лежит под миром. Лимпанг-Танг тотчас же отправился туда на поиски, а петух переключался с ним сквозь тьму, пока наконец не нашелся золотой мяч. И поднялся Лимпанг-Танг обратно в Пегану, и отдал мяч Инзана, и больше не играла она с луной. А петух и все его племя заголосили: «Мы нашли его! Мы отыскали золотой мяч!»

И снова Инзана закинула мяч высоко в небо и, глядя на него, смеялась от радости – и воздевала руки ввысь, и золотые волосы ее развевались по ветру, – и не сводила с мяча глаз, следя, куда он упадет. Но увы! Мяч с плеском упал в великое море и мерцал там и переливался, пока темные воды не сомкнулись над ним и не сокрылся он из виду. А в мире говорили люди: «Сколько росы выпало, сколько тумана нанесло от ручьев!»

Но то была не роса, а слезы Инзаны, а туманы – ее вздохи, ибо сказала девочка-Заря:

– Не играть мне больше со своим мячом, ведь теперь он потерян навсегда.

И принялись боги утешать Инзана, пока катала она серебряную луну, но девочка-Заря не слушала Их, а в слезах побежала к Слиду, туда, где играл он с мерцающими парусами, и перебирал драгоценные камни и жемчуга в своей необъятной сокровищнице, и верховодил над морем. И взмолилась она:

– О Слип, душа твоя заключена в море – верни мне мой золотой мяч!

И восстал темноликий Слип, облаченный в водоросли, и храбро нырнул с последней халцедоновой ступени порога Пеганы напрямик в океан. Там на песке, среди разбитых флотилий наutilusов и сломанных клинков меч-рыбы, отыскал он золотой мяч, канувший на темное дно. И, поднявшись в ночи на поверхность, весь зеленый и мокрый насквозь, Слип принес из моря сверкающий мяч к лестнице богов и вернул его Инзана; и взяла она мяч из рук Слида, и бросила в вышину, и полетел мяч по свету над парусами и морем, и засиял вдалеке над землями, Слида не ведающими, и достиг зенита, и начал было падать вниз, обратно в мир.

Но не успел мяч упасть, как выскочило из засады Затмение, и кинулось к золотому мячу, и схватило его в зубы. Увидев, как Затмение уносит ее игрушку, Инзана громко позвала на помощь гром, и тот вырвался из Пеганы и с воем кинулся на Затмение, и вцепился ему в горло, так что Затмение выронило золотой мяч, и мяч покатился к земле. Но черные горы коварно

прикрылись снегом, и пока летел к ним золотой мяч, они обратили свои скальные пики в алые рубины, а озера в сапфиры, мерцающие на серебре, и померещилось Инзане, будто игрушка ее упала в изукрашенный драгоценными камнями ларец. Но когда нагнулась она подобрать мяч, не увидела она изукрашенного рубинами, серебром и сапфирами ларца, но лишь злобные горы, покрытые снегом, что уловили ее золотой мяч. И заплакала девочка-Заря: некому было отыскать мяч, ведь гром убежал в дальние дали вдогонку за Затмением; и все боги зарыдали из сочувствия к ее беде. И Лимпанг-Танг, из всех богов наименьший, более всех прочих печалился, видя, как горюет девочка-Заря, и когда сказали боги: «Поиграй со своей серебряной луной», – он потихоньку отошел от прочих, и, наигрывая на музыкальном инструменте, спустился по лестнице богов, и зашагал к миру на поиски мяча, ведь Инзана так горько плакала.

Инзана призывает гром

И вступил он в мир, и дошел до низовых скал, примыкающих к внутренним горам, где, в душе и сердце земли, одиноко живет Землетрясение: оно спит, но во сне шевелится, дышит, подергивает лапами и шумно всхрапывает в темноте. И шепнул Лимпанг-Танг в самое ухо Землетрясения такое слово, которое произнести могут только боги, и вскочило Землетрясение, и отшвырнуло прочь пещеру – пещеру, в которой спало оно между скалами, и встряхнулось,

и помчалось во всю прыть от лежища своего, и ниспровергло горы, спрятавшие золотой мяч, и куснуло землю под ними, и расшвыряло их кряжи, и обрушило на себя холмы и утесы, и вернулось, рыча и неистовствуя, в душу земли, и там прилегло и снова заснуло на сотню лет. И выкатился золотой мяч беспрепятственно из-под каменных завалов, и прикатился обратно в Пегану; а Лимпанг-Танг вернулся домой к ониксовой ступени, и взял девочку-Зарю за руку, и, умолчав о том, что сделал сам, рассказал лишь про Землетрясение; и ушел, и сел в ногах у богов. А Инзана сбегала потрепала Землетрясение по холке: ему ведь так темно и одиноко в душе земли! А потом поднялась обратно по лестнице богов – с халцедоновой ступеньки на ониксовую, с ониксовой на халцедоновую, – и снова бросила золотой мяч с Порога далеко в синеву, на радость миру и небу, и, смеясь, проводила его глазами.

В дальней дали, на окраинном Окоеме, Трогул перевернул страницу, обозначенную как шестая тайной цифирью, коей никто не сумел бы прочесть. А пока летел золотой мяч через все небо, дабы засиять над землями и городами, подступила к нему Мгла – сутуло брела она, завернувшись в темно-бурый плащ, а за ней по пятам кралась Ночь. Когда же катился золотой мяч мимо Мглы, Ночь вдруг взрыкнула, прыгнула на него и унесла.

Инзана спешно созвала богов и молвила:

– Ночь схватила мой золотой мяч, и теперь никто из богов не отыщет его в одиночку, ведь никому не ведомо, как далеко может забрести Ночь – она рыщет повсюду вокруг нас и извне, за пределами всех миров.

По просьбе Инзаны все боги смастерили Себе звездные факелы и отправились в неблизкий путь через все небо по следам Ночи – в те дальние дали, где Ночь рыщет на воле. И один раз до золотого мяча почти добрался Слип с Плеядами в руке, а в другой раз – Йохарнет-Лехей, которому факелом служил Орион, и наконец Лимпанг-Танг, подсвечивая себе дорогу утренней звездой, отыскал золотой мяч далеко под миром, близ логовища Ночи.

Все боги вместе схватили мяч, и Ночь, оборотившись, загасила факелы богов и подбурпоздорову ускользнула прочь; и все боги торжественно взойшли по сияющей лестнице, и все в один голос восхваляли не приметного Лимпанг-Танга, который в поисках золотого мяча гнался за Ночью по пятам. Но вот далеко внизу, в мире, дитя человеческое попросило у Инзаны золотой мячик, и девочка-Заря оставила игру, освещавшую мир и небеса, и с Порога богов бросила мяч малому дитяти человеческому, что резвилось в дольных полях и обречено однажды умереть. Весь день дитя играло с золотым мячом внизу, в малых угодьях, обиталище людей, а ввечеру пришла пора укладываться спать, и спрятало дитя мяч под подушку и уснуло, и в целом мире никто не работал, пока играло дитя. Свет золотого мяча струился из-под подушки, и выплескивался наружу через неплотно прикрытые двери, и сиял в западном небе. Под покровом ночи Йохарнет-Лехей прокрался на цыпочках в спальню и очень осторожно (ведь он был богом) вытащил мяч из-под подушки и отнес обратно Инзана, дабы мерцал он и переливался на ониксовой ступеньке.

Но однажды Ночь схватит золотой мяч, и унесет его далеко прочь, и утащит в свое логово, и Слип нырнет с Порога в море поглядеть, не там ли пропажа, и вынырнет, когда рыбаки вытянут со дна сети, но мяча не найдет ни среди сетей, ни даже среди парусов. Лимпанг-Танг станет искать среди птиц, но и он мяча не отыщет, ибо смолчит петух; вверх по долинам прокатится Умбородом и обыщет горные кряжи. Гром, верный пес его, бросится в погоню за Затмением, и все боги выступят на поиски со Своими звездами, да только мяча так и не найдут. А люди, утратив свет золотого мяча, не станут больше молиться богам, а боги, которым не поклоняются более, перестанут быть богами.

Но это все сокрыто даже от взора богов.

Отмщение людское

Еще до Начала Начал поделили боги землю на пустошь и пастбища. Привольные пастбища создали Они – и зазеленела земля; в долинах насадили Они фруктовые сады, а на холмах – вереск, но Харзе начертали Они, назначили и судили вовеки оставаться пустошью.

Когда вечерами мир молился богам, а боги отвечали на прошения, молитвы всех племен Арима оставили боги без внимания. Потому на народ Арима обрушилась война, и гнали его от страны к стране и все-таки уничтожить не смогли. И вот люди Арима стали сами создавать себе богов и назначали богами людей – до тех пор, покуда боги Пеганы не вспомнят о них снова. А вожди их, Йот и Ханет, взяв на себя роль богов, вели своих подданных все вперед и вперед, хотя все встречаемые племена нападали на них. Наконец пришли люди Арима в Харзу, где никакие племена не жили, и наконец-то смогли отдохнуть от войны, и молвили Йот и Ханет: «Труды закончены; уж верно, теперь-то боги Пеганы вспомнят о нас». И возвели беглецы в Харзе город, и распахали землю, и зелень затопила пустыню – так ветер налетает с моря, и стала Харза богата и плодами, и скотом, и блеяли бесчисленные овцы. Больше не надо было изгоям убегать от всех племен, и обрели они покой, и создали сказания из своих скорбей, и настало наконец время, когда в Харзе все улыбались и смеялись дети.

Но рекли боги: «Земля – не место для смеха». Посему вышли Они к внешним вратам Пеганы, где, свернувшись клубком, дремала Чума, и разбудили ее, и указали на Харзу, и Чума, завывая, гигантскими прыжками помчалась туда через все небо.

Той же ночью Чума добралась до полей на окраине Харзы, и, пройдя сквозь травы, усе-лась и свирепо воззрилась на огни, и принялась вылизывать лапы, и снова злобно уставилась на огни.

А на следующую ночь Чума незримо пробралась в город сквозь смеющиеся толпы: она прокрадывалась в дома один за другим и смотрела спящим в глаза – пусть и сквозь закрытые веки, – так что с приходом утра люди эти впереяли взор в никуда, восклицая, что видят Чуму, которую никто другой не видел, и умирали, ведь зеленые глаза Чумы уже заглянули им прямо в душу. От Чумы веяло стылой сыростью, и, однако ж, жар очей ее выжигал людские души. И вот пришли лекари и кудесники, сведущие в магии, и осеняли они дома знаком лекарей и знаком магов, и поливали голубой водою травы, и нараспев произносили заговоры; но Чума все кралась от дома к дому и заглядывала в людские души. И жизни людей отлетали от Харзы, а о том, куда летели они, написано во многих книгах. Но Чума кормилась светом, что сияет в глазах у людей, и никак не могла насытиться; все более сырой и стылой делалась она, а жар ее глаз разгорался все ярче; ночь за ночью проносилась она вскачь по городу и не таилась более.

И взмолились богам жители Харзы, говоря:

– Вышние боги! Смилуйтесь над Харзой!

Боги же внимали их молитвам, но, внимая, указывали Они пальцем и подзадоривали Чуму. И, слыша голоса своих хозяев, Чума наглена все больше и тыкалась мордой едва ли не в глаза своих жертв.

Никто Чуму не видел, кроме тех, кого она поражала. Поначалу Чума отсыпалась днем в туманных лощинах, но все сильнее терзал ее голод, и вскакивала она даже при свете солнца, и припадала к груди своих жертв, и заглядывала им в глаза, и взор ее проникал в самую душу, а душа ссыхалась и сморщивалась, и тогда случалось, что Чуму смутно различали даже те, кого она до поры не коснулась.

Лекарь Адро, сидя в своем покое, при свете единственного ночника смешивал в чаше снадобье, призванное прогнать Чуму, как вдруг от двери потянуло сквозняком и дрогнуло пламя светильника.

Лекарь поежился от холода, и вышел, и закрыл дверь, но, обернувшись, увидел он, как Чума жадно лакает его снадобье; а в следующий миг Чума прыгнула и положила одну лапу на плечо Адро, а другую на плащ его, а еще двумя крепко обхватила его за пояс и заглянула ему в глаза.

Шли двое по улице, и сказал один другому:

– Завтра буду я вечерять с тобою.

И Чума ухмыльнулась широкой ухмылкой, которую никто не видел, и оскалила зубы, и, капая слюной, неслышно удалилась – поглядеть, в самом ли деле этим двоим суждено завтра повечерять вместе.

И вошел в ворота некий путник и молвил:

– Вот Харза. Здесь отдохну я.

Но в тот же день жизнь его отправилась в путь куда дальше Харзы.

Все страшились Чумы; те, кого она поражала, видели ее – но никто не прозревал в звездном свете гигантские силуэты богов, которые Чуму науськивали.

И вот все жители бежали из Харзы, а Чума принялась гоняться за собаками и крысами и наскакивать на летучих мышей, проносящихся в вышине, и все они мерли, и трупы их валялись на улицах. Но очень скоро Чума вернулась к жителям Харзы и принялась преследовать их там, куда бежали они, и поджидала у рек за чертою города, куда люди приходили утолить жажду. Тогда люди, все еще гонимые Чумой, возвратились обратно в Харзу, и собрались в храме Всех богов, кроме Одного, и спросили Верховного Пророка:

– Что же теперь делать?

И отвечивал тот:

– Все боги насмеялись над молитвой. Этот грех должно ныне покарать – и да обрушится на богов отмщение людское.

Люди же благоговейно ждали.

А Верховный Пророк поднялся на Башню под небесами, к которой обращаются взоры всех богов в звездном свете. И там, пред глазами богов, рек он во уши богов, говоря:

– Вышние боги! Вы насмеялись над людьми. Так узнайте же, что в свитках древней мудрости записано такое пророчество: ждет богов КОНЕЦ, и уплывут Они из Пеганы на золотых галеонах вниз по Безмолвной реке и в Безмолвное море, а там Их галеоны уйдут в туман, и боги не будут более богами. Люди в конце концов укроются от насмешек богов в теплой и влажной земле; но боги никогда не перестанут быть Сущностями, кои прежде были богами. Когда Время, и миры, и смерть исчезнут, ничего тогда не останется, кроме никчемных сожалений и Сущностей, кои были некогда богами.

Пред глазами богов.

Во уши богов.

И вскрикнули боги в один голос и указали Своими дланями на горло Верховного Пророка – и прыгнула Чума.

Давным-давно умер Верховный Пророк, и слова его позабыты среди людей, но боги и посейчас не ведают, правда ли, что КОНЕЦ ждет богов; а того, кто мог бы сказать Им, так это или нет, Они убили. И живут боги Пеганы в великом страхе, ибо не знают Они, когда придет Конец и придет ли когда-либо. Так свершилось отмщение людское.

Когда боги спали

Боги, восседая в Пегане, измышляли новые миры – планеты, огромные, круглые и блистающие, и маленькие серебряные луны; а раб Их Время лениво лежал у врат Пеганы – ему нечего было разрушать. И когда (а кто знает когда?) мановением рук боги обратили мысли Свои в планеты и серебряные луны, новые миры стали выплывать из врат Пеганы и занимать

на небе свои места, чтобы вечно следовать путями, которые предопределили им боги. И были они столь круглы и огромны и так сияли на все небо, что боги смеялись, кричали и хлопали в ладоши. И с тех пор на земле боги забавлялись игрою богов, игрой в жизнь и смерть, а в других мирах вершили тайные дела, и скрыто от нас, в какие игры Они там играли.

В конце концов Им наскучило передразнивать жизнь и наскучило смеяться над смертью – и тогда Пегану огласил громкий вопль:

– Что, уже не будет ничего нового? Что, Ночь и День, Жизнь и Смерть будут вечно сменять друг друга, пока глазам нашим не наскучит следить за неизменной чередой времен года?

И как ребенок пустыми глазами смотрит на голые стены тесной лачуги, боги равнодушно взирали на эти миры, вопрошая:

– Что, уже не будет ничего нового?

И говорили устало:

– Ах! Снова стать молодым! Ах! Снова родиться из головы МАНА-ЙУД-СУШАИ!

И, усталые, Они отвели от блистающих миров глаза и, устремив их на землю Пеганы, сказали:

– Может случиться, что этим мирам придет конец, и мы легко забудем их.

И боги уснули. И тогда комета оторвалась от своего небесного тела, и ее блуждающая тень затмила небо, а на землю покормиться вышли дети Смерти – Голод, Чума и Засуха. У Голода были зеленые глаза, у Засухи – красные, а Чума была слепа и разила когтями всех подряд, целыми городами.

И когда боги уснули, из-за Предела, из тьмы и безвестности, показались три Йоци, три духа зла, переплыв реку Молчания на челнах с серебряными парусами. Увидев издалека, что Йум и Готум, звезды, стоящие на страже над воротами Пеганы, мерцают и засыпают, они приблизились к Пегане и поняли по тишине внутри, что боги крепко спят. Эти три духа были Йа, Ха и Снирг, повелители зла, безумия и ненависти. То, что они выползли из своих челнов и, крадучись, перешагнули порог Пеганы, предвещало богам много зла. Но все боги спали, и в дальнем углу Пеганы лежала на земле Сила богов, штука, выточенная из черной скалы с выгравированными на ней четырьмя словами, разгадку которых я не мог бы открыть вам, даже если бы нашел, – четыре слова, которых никто не знает. Кто говорит, что они о том, как найти подземный цветок, кто говорит, что они об извержении вулканов, кто говорит, что о смерти рыб, кто говорит, что эти слова – Сила, Знание, Забвение и еще одно слово, которого даже сами боги не могут угадать. Йоци прочли эти слова и поспешили прочь, боясь, что боги проснутся, сели в челны и приказали гребцам торопиться. Так, овладев силой богов, Йоци стали богами. Они поплыли прочь, на землю, и приплыли на скалистый остров, затерянный в море, и уселись там на скалах в позах богов, с поднятой правой рукой. У них была сила богов, только никто не шел поклоняться им. В тех краях к ним не приблизился ни один корабль, не обратилось ни одной вечерней молитвы; ни воскурений фимиама, ни криков жертвоприношений. И Йоци сказали:

– Что толку быть богами, если никто не поклоняется и не приносит жертв?

И Йа, Ха и Снирг снова сели в серебряные челны и поплыли к неясно видневшимся в море берегам, где обитали люди. Сначала они приплыли к острову, где жили племена рыбаков; и обитатели острова, сбежавшись на берег, крикнули им:

– Кто вы?

Йоци отвечали:

– Мы – три бога, и вы должны нам поклоняться.

Но рыбаки сказали:

– Мы поклоняемся грому – Раму, и негоже нам поклоняться и приносить жертвы другим богам.

Зарывав от злости, Йоци поплыли прочь и плыли, пока не пристали к другому берегу, заброшенному, пологому песчаному берегу. После долгих поисков они наконец нашли на этом берегу одного старика и закричали:

– Эй, старик на берегу! Мы – три бога, и счастлив тот, кто нам поклоняется! Мы обладаем великим могуществом, и весьма воздастся тому, кто будет нам поклоняться.

Старик отвечал:

– Мы поклоняемся богам Пеганы, им нравятся наши воскурения и вопли жертв на наших алтарях.

Снирг сказал:

– Спят боги Пеганы, и твои тихие молитвы не смогут разбудить их, распростертых в пыли на земле Пеганы. Снайрэк, вселенский паук, уже успел сплести над ними паутину тумана; блеяние жертвенных животных не достигнет ушей, замкнутых сном.

На это старик на берегу ответил:

– Даже если никто из древних богов больше никогда не откликнется на наши молитвы, весь народ здесь, на Сиринайсе, все же будет молиться древним богам.

И Йоци в гневе повернули корабли и поплыли прочь, понося Сиринайс и его богов, а особенно – старика, что стоял на берегу.

Еще сильнее алкая людского поклонения, Йоци плыли по морю и на третью ночь приплыли к огням большого города. Приблизившись к берегу, они увидели, что это город песни, где смешались все племена. И, усевшись на носах своих челнов, Йоци стали с таким вожделем смотреть на этот город, что музыка смолкла и танцы прекратились, и все жители обернулись к морю и увидели странные фигуры на фоне серебряных парусов. И Снирг потребовал, чтобы они поклонялись Йоци, обещая взамен много радостей, и поклялся светом своих очей пустить по траве огонь, который будет преследовать врагов города и разгонит их.

Но жители ответили, что в этом городе все поклоняются Агродону, одиноко возвышающейся горе, и потому не могут молиться другим богам, даже если те приплыли из-за моря в челнах с серебряными парусами. Снирг возразил:

– Но ведь Агродон – всего лишь гора, а никакой не бог.

Тогда жрецы Агродона пропели в ответ:

– Если Агродон не делают богом ни наши жертвоприношения – а кровь на его скалах еще свежа, – ни короткие взволнованные молитвы десятков тысяч сердец, ни то, что два тысячелетия люди поклонялись только ему и только на него возлагали все свои надежды, ни то, что в нем наш народ черпает силу, – тогда богов не существует вообще и вы – просто моряки, приплывшие из-за моря.

Йоци спросили:

– А внемлет ли Агродон вашим молитвам?

И народ услышал слова, что сказали Йоци. И тогда жрецы Агродона повернулись и пошли с берега вверх по крутым улицам города, и народ пошел за ними; миновав вересковую пустошь, они подошли к подножью Агродона и сказали:

– Агродон, если ты не наш бог, иди туда, в стадо обыкновенных гор, покрой свою голову снежной шапкой и припади к земле, как они; но если мы не зря уже два тысячелетия считаем тебя божеством, если наши чаяния и надежды, подобно покрову, окутывают тебя, то стой вечно, взирая на наш город, поклоняющийся тебе.

Великая тишина повисла над Агродоном; и тогда жрецы вернулись к морю и сказали трем Йоци:

– Мы станем поклоняться новым богам не раньше, чем Агродон устанет быть нашим богом и исчезнет как-нибудь ночью и ничто уже не будет возвышаться над нашим городом.

И Йоци поплыли прочь, посылая Агродону проклятия, которые не задевали его – ведь он был всего лишь горой.

Йоци плыли вдоль берега, и, доплыв до устья какой-то реки, стали подниматься вверх по руслу, и увидели людей за работой: они пахали, сеяли и корчевали лес. И Йоци воззвали к людям, что работали в поле:

– Поклоняйтесь нам, и получите премного радости.

Но люди ответили:

– Мы не станем вам поклоняться.

Снирг спросил:

– У вас тоже уже есть бог?

Люди сказали:

– Мы молимся грядущим годам, для них мы поддерживаем порядок в мире – как устилают дорогу одеждами перед явлением Царя. И когда эти годы приходят, они принимают поклонение народа, которого не знали, а люди их времени трудятся во славу тех лет, что грядут за ними; и так до КОНЦА.

Снирг возразил:

– Боги будущего не вознаградят вас. Лучше обратите свои молитвы к нам, и вы получите награду – множество радостей мы можем дать вам, а когда ваши боги придут, пусть себе гnevаются – они не смогут вас наказать.

Но люди продолжали трудиться во славу своих богов – грядущих лет, превращая свою землю в место, где могут жить боги, и Йоци, прокляв их богов, поплыли прочь. Йа, повелитель зла, злобно бросил, что, когда эти грядущие годы наступят, люди пожалеют, что отказались поклоняться трем Йоци.

И опять плывут Йоци, повторяя:

– Лучше быть птицей, которой негде летать, чем богом, которому никто не поклоняется и не возносит молитв.

Там, где небо встречается с морем, Йоци снова увидели землю и направились к ней; на этой земле, среди множества храмов, люди в странных старинных одеяниях исполняли какие-то древние обряды. И Йоци воззвали к людям, исполняющим старинные обряды:

– Мы – три бога, мы хорошо знаем нужды людей, и поклонение нам тотчас принесет вам радость.

Но люди сказали:

– У нас уже есть боги.

– И у вас тоже? – сказал Снирг.

Люди продолжали:

– Ибо мы поклоняемся тому, что было, годам, что уже прошли. Боги уже помогли нам, и теперь мы воздаем им почести, что они заслужили.

И Йоци сказали этим людям:

– Мы – боги настоящего и воздаем добром за поклонение нам.

Но люди с берега отвечали:

– Наши боги уже сделали нам много добра, и за это мы воздаем им подобающие почести.

И, обратив лица к этой земле, Йоци проклинали все, что было, и все минувшие годы и поплыли прочь в своих челнах.

Среди океана возвышался скалистый берег какой-то необитаемой земли. Туда и направились Йоци. Там не было людей, но из вечерней тьмы к ним вышло стадо бабуинов и громко залопотало при виде кораблей.

Снирг обратился к ним:

– Что, у вас тоже есть бог?

Бабуины плюнули в ответ.

Тогда Йоци сказали:

– Мы – завидные боги, мы особенно любим молитвы малых сих, что нам поклоняются.

Но бабуины злобно смотрели на Йоци и не собирались никого признавать богами.

Кто-то сказал, что молитва мешает есть орехи. Но Снирг наклонился вперед и зашептал, и бабуины опустили на колени, сложили руки, как люди, и забормотали молитву, – и стали говорить друг другу, что Йоци – это древние боги, которым нужно поклоняться, ибо Снирг нашептал им в уши, что за молитву те сделают их людьми.

Когда бабуины поднялись с колен, лица их стали менее мохнаты, а руки чуть короче. И тогда они спрятали тела под одеждой и умчались прочь со скалистого берега, чтобы смешаться с людьми. И люди не могли распознать их, ибо тела у них были человеческие, лишь душа оставалась душою зверя – ведь они поклонялись Йоци, духам зла.

И повелители зла, безумия и ненависти поплыли назад, на свой остров среди моря, и уселись на берегу в позах богов, с поднятой правой рукой; и по вечерам отвратительные бабуины собирались вокруг них, облепив скалы.

Но боги в Пегане, вздрогнув, проснулись.

Царь, которого не было

В земле Руназар царя нет и не было вовеки; таков закон в земле Руназар, что, поелику в ней вовеки не было царя, так, значит, никогда и не будет. Потому в Руназаре правят жрецы и говорят людям, что в Руназаре царя вовеки не было.

Алтазар, царь Руназара и повелитель всех окрестных земель, повелел: дабы ближе узнать богов, должно изваять в Руназаре и во всех окрестных землях Их образы. Когда же о велении Алтазара возвестили трубы и трубный гуд разнесся из края в край и тонким перезвоном достиг слуха богов, возрадовались Они этим звукам. И вот горщики принялись добывать из земли мрамор, и взялись за работу руназарские скульпторы, повинувшись царскому указу. А боги выстроились на холмах в звездном свете, там, где скульпторы могли Их видеть, и задрапировались облаками, и приняли самый что ни на есть божественный вид, дабы скульпторы воздали должное богам Пеганы. После же боги удалились обратно в Пегану, а скульпторы застучали молотками и принялись резать и ваять, и вот настал день, когда Глава Скульпторов предстал перед царем и молвил:

– Алтазар, царь Руназарский, верховный владыка всех окрестных земель, да осенят тебя боги своей милостью, смиренно завершили мы образы всех до одного богов, поименованных в твоём указе.

Тогда повелел царь расчистить обширное пространство среди городских домов, и снесли туда изображения всех богов и выставили пред царем, и собрались там Глава Скульпторов и все его мастера; и перед каждым из них ждал воин, держа в руках поднос, инкрустированный самоцветами и наполненный золотом, а позади каждого ждал воин, приставив обнаженный меч к шее мастера, а царь осматривал статуи. И се! Стояли они как боги, задрапированные облаками, и подавали божественные знаки, но тела их были телами людей, и се! – ликом все они походили на царя и были бородаты, как он. И рек царь:

– Воистину то боги Пеганы.

Тогда воинам, которые ждали перед скульпторами, велено было вручить мастерам золото, а воинам, кои ждали позади скульпторов, повелели вложить мечи в ножны. И закричали люди:

– Воистину то боги Пеганы, чьи лики нам дозволено узреть по воле царя Алтазара, да осенят его боги своей милостью.

И разослали глашатаев по городам Руназара и по всем окрестным землям, и возвестили они:

– Се – боги Пеганы.

Но в вышней Пегане боги возопили от ярости, и Мунг уже подался было вперед, дабы осенить царя Алтазара знаком Мунга. Но боги возложили длани Свой на его плечи и молвили:

– Не убивай его, ибо недостаточно того, что умрет Алтазар – тот, кто уподобил лики богов людским лицам; должно, чтобы его никогда не было.

Тогда рекли боги:

– Говорили мы о царе Алтазаре?

И отвечали боги:

– Нет, не говорили.

И еще рекли боги:

– А грезился ли нам некто именем Алтазар?

И отвечали боги:

– Нет, не грезился.

А в королевском дворце Руназара Алтазар внезапно изгладился из памяти богов и перестал быть – в прошлом и в настоящем.

И осталось лежать у Алтазарова трона царское облачение, а рядом – корона; и вошли во дворец жрецы богов и сделали его храмом богов. А люди, пришедшие помолиться, спросили:

– Чье это облачение и зачем здесь корона?

И ответствовали жрецы:

– Боги выбросили жалкий лоскут от одеяния, и се! – с пальца одного из богов соскользнуло малое колечко.

И сказали люди жрецам:

– Поелику в Руназаре вовеки не было царя, правьте же нами отныне и создавайте для нас законы в глазах богов Пеганы.

Пещера Каи

Торжественная церемония венчания на царство завершилась, стихли радость и праздничное веселье, и Ханазар – новый царь – взошел на трон правителей Аверона, дабы исполнять свою царскую работу и вершить судьбы людей. Его дядя, царь Ханазар Одинокый, скончался, и новый царь прибыл из отдаленного южного замка во главе пышной процессии и вступил в Илаун – главную цитадель Аверона, – где и был рукоположен на царствование как царь Аверона и окрестных гор, могущественный владыка своей страны и всех подобных земель, буде таковые отыщутся за горами. Но увы, церемония закончилась, и могущественный владыка Ханазар взошел на престол вдали от своего родного дома.

И прошло сколько-то времени, и царь устал заниматься одним Авероном, вершить судьбы его жителей и издавать указы и повеления. Тогда разослал он глашатаев по всем городам, и глашатаи громко выкрикивали:

– Слушайте, жители Аверона! Слушайте царскую волю и внимайте! Вот воля царя Аверона и окрестных гор, Могущественного владыки своей страны и всех подобных земель, буде таковые отыщутся за горами: пусть придут в Илаун разом все те, кто владеет тайным искусством! Слушайте волю царя Аверона!..

И собрались в Илаун все мудрецы и маги, кто владел волшебным искусством и имел в том ученую степень вплоть до седьмой, кто совершал свои заклинания при дворе царя Ханазара Одинокого; все они явились пред очи нового царя и, войдя во дворец, прикоснулись ладонями к его ногам. Тогда сказал магам царь:

– У меня есть одна нужда.

И мудрецы ответили владыке:

– Сама земля касается твоих ступней в знак покорности и повиновения.

Но царь сказал им на это:

– То, в чем нуждаюсь я, не принадлежит земле. Желал бы я отыскать некие часы, что уже прошли, а также вернуть разные дни, что минули.

И все эти ученые мужи замолчали и молчали до тех пор, пока не заговорил скорбно самый мудрый из них, единственный, кто владел седьмой ступенью магической науки, и сказал он вот что:

– Дни, что минули, равно как и прошедшие часы, упорхнули на быстрых крылах к вершине горы Агдоры и там канули, навеки пропав из вида, чтобы никогда больше не возвращаться, ибо по случайности не ведали они, каково ваше желание.

Многое записано в летописях об этих мудрецах; занесено в скрижали рукой летописца даже то, как явились они пред очи царя Ханазара, и подробно записаны речи, что держали они перед владыкой. Ничего не говорится в летописях лишь о том, каковы были их деяния после указанной встречи. Рассказывают только, как послал царь во все стороны своих скороходов с приказанием посетить все города и селения и найти человека, который был бы мудрее всех магов, что читали свои заклинания при дворе Ханазара Одинокого. И вот высоко в горах, что ограждали со всех сторон Аверон, отыскивали скороходы пророка Сайрана, который пас коз и, не обладая никакой степенью в магических науках, никогда не читал заклинаний при дворе прежнего царя. Его и привели они к Ханазару, и царь сказал:

– У меня есть одна нужда.

И ответил ему Сайран:

– Что ж, ты царь, но ты и человек.

И спросил тогда царь:

– Где находятся дни, что минули, и куда деваются прошедшие часы?

Объяснил тогда царю Сайран:

– Все это хранится в пещере и довольно далеко отсюда, а на страже этой пещеры стоит некто Каи, тот Каи сторожит пещеру от богов и людей с тех самых пор, когда было положено Начало всему. Может так случиться, что он позволит войти Ханазару в пещеру...

Лишь только услышал об этом царь, тут же повелел он снарядить слонов и верблюдов, и нагрузить их золотом, и отобрать проверенных слуг, дабы несли они драгоценные камни, и собрать одну армию, чтобы шла впереди царя, а вторую, чтобы шла следом, и выслать по пути быстрых всадников, которые предупреждали бы жителей равнин о том, что вышел в путь царь Аверона.

А Сайрану повелел он идти вперед и указывать дорогу к тому месту, где лежат спрятанные прошедшие дни и часы, что забыты.

Через равнину, вверх по склону горы Агдоры до самой ее вершины последовали за Сайраном царь Ханазар и две его армии, и все они скрылись за ней. Восемь раз устанавливали для владыки Аверона пурпурный шатер с золотой каймой и восемь раз снова его собирали, прежде чем подошли царь и его войско к темной пещере в затененной долине, где Каи стоял на страже ушедших дней. И ликом Каи был похож на воина, что не раз покорял города, не отягощая себя пленниками, а станом напоминал он богов, но глаза его были глазами зверя. Вот перед кем стоял царь Аверона со своими верблюдами и слонами, навьюченными золотом, и со своими слугами, что несли груз драгоценных камней.

И молвил тогда царь:

– Прими мои дары, но верни мне мое вчера со всеми развевающимися знаменами, с его музыкой и голубыми небесами; верни мне радость толпы, что провозгласила меня царем. Верни мне то вчера, что пронеслось на сверкающих крыльях над моим Авероном.

Но ответил Каи, указывая на свою пещеру:

– Вот сюда, развенчанное и позабытое, кануло твое вчера. Кто, скажи мне, станет унижаться и ползать среди пыльных кип дней минувших, лишь бы разыскать твой прошедший день?

Тогда рек ему царь Аверона и окрестных гор, Могущественный владыка своей страны и всех подобных земель, буде таковые отыщутся за горами:

– Сам я готов встать на колени и спуститься во мрак твоей пещеры, чтобы своими собственными руками разыскать необходимое мне в пыли и во прахе, если этим смогу я вернуть мое вчера, а также некие часы, что прошли.

И, сказав так, указал царь на сомкнутые ряды слонов и надменных верблюдов, но Каи ответил ему:

– Боги предлагали мне сверкающие миры, и все, что лежит внутри Пределов, и даже то, что лежит за Пределами так далеко, как только могут видеть боги, а ты приходишь ко мне с верблюдами и златом!

Тогда настал черед Ханазара держать речь, и умолял он Каи:

– В садах моего родного дома провел я один час, о котором тебе должно быть известно, а посему я молю тебя – того, кто не принимает моих даров, нагруженных на слонов и верблюдов, – яви мне свою милость и даруй мне лишь одну пылинку из тех, что легли на грудь прошедших часов, сваленных в темной твоей пещере, верни мне хотя бы одну секунду из этого моего часа!

Но, услышав слово «милость», Каи расхохотался, и царь развернул свои армии на восток. Так возвращались они в Аверон, и скачущие впереди герольды трубили:

– Вот идет Ханазар, царь Аверона и окрестных гор, Могущественный владыка своей страны и всех подобных земель, буде таковые отыщутся где-нибудь за горами!

Но велел им царь:

– Трубите лучше, что идет один очень усталый человек, который, ничего не достигнув, возвращается из своего напрасного путешествия.

Так вернулся царь в Аверон.

Но рассказывают, как однажды вечером, когда клонилось к закату усталое солнце, вошел в Илаун один арфист с золотой арфой в руках, и добивался он аудиенции у царя.

И рассказывают, как его привели и поставили перед троном, на котором сидел в одиночестве печальный царь, и арфист обратился к нему с такой речью:

– В моих руках, о царь, золотая арфа, и к струнам ее пристали, подобно пыли, малые секунды позабытых часов и незначительные события минувших дней.

И поднял голову Ханазар, а арфист прикоснулся к струнам, и тогда ожили вдруг позабытые дела и прошедшие события, и звучали мелодии песен, что давно умолкли, и уже много лет не воскрешали их голоса живых. А когда увидел арфист, что благосклонно на него глядит Ханазар, то пальцы его ударили по струнам с еще большей силой, и струны загудели, как тяжелая поступь идущих по небу богов, а из золотой арфы исторглась невесомая дымка воспоминаний.

Каи расхохотался

И царь подался вперед и, вглядываясь сквозь эту легкую дымку воспоминаний, увидел не стены своего дворца, а увидел он солнечную долину и звенящий ручей, увидел густые леса на каждом холме и старинный свой замок, что одиноко высился на далеком юге.

А арфист, заметив, как волшебным образом переменялись черты лица Ханазара, как задумчивым стал устремленный вперед взгляд, спросил:

– Доволен ли ты, о царь, который властвует над Авероном и окрестными горами, а также всеми подобными землями, буде таковые отыщутся?

И царь ответил ему:

– Вижу я, будто снова стал ребенком и снова живу в уединенной долине на юге. Откуда мне знать, доволен ли великий царь и владыка?

И когда высыпали на небе и засияли над Илауном звезды, царь все сидел и неподвижно вглядывался во что-то перед собой, и все придворные покинули огромный дворец, а вместе с ними ушел и арфист. Остался лишь один слуга, который стоял за тронном и держал в руках длинную горящую свечу.

И когда новый рассвет вновь проник в мраморный дворец сквозь притихшие арки окон и входов, то огонь свечи поблек, а Ханазар все еще сидел и смотрел прямо перед собой, и точно так же продолжал он сидеть, когда в другой раз высоко над Илауном загорелись яркие звезды.

Но на второе утро очнулся царь и, послав за арфистом, сказал ему:

– Теперь я снова стал царем, и ты, кто умеет останавливать часы и возвращать людям прошедшие дни, должен встать на страже моего великого завтра. И когда я отправлюсь в поход, чтобы покорить край Зиман-хо, будешь ты стоять со своей золотой арфой на полпути между этим завтра и пещерой Каи, и тогда, быть может, что-нибудь из моих деяний и побед моей армии случайно пристанет к струнам твоей арфы и не канет в забвение пещеры, ибо мое будущее, что своей тяжелой поступью сотрясает мои сны, слишком величественно, чтобы смешаться с позабытыми днями в пыли минувших событий. И тогда в далеком далеке грядущего, когда мертвы будут цари и забыты их дела, какой-нибудь еще не родившийся музыкант придет и исторгнет из этих золотых струн память о тех свершениях, что гулким эхом тревожат мой сон, и тогда мое будущее проложит себе дорогу сквозь прочие дни и расскажет о том, что Ханазар был царем!

И ответил арфист:

– Я готов встать на страже твоего великого будущего, и когда ты отправишься в поход, чтобы покорить край Зиман-хо, и твоя непобедимая армия прославится, буду я стоять на полпути между твоим завтра и пещерой Каи, дабы дела твои и победы зацепились за струны арфы и не канули в забвение его пещеры. И тогда в далеком далеке грядущего, когда мертвы будут цари, а все их дела – позабыты, арфисты будущих столетий оживят этими струнами великие твои свершения. Так сделаю я!

И даже в наши дни люди, которые умеют играть на арфе, все еще поют о Ханазаре – царе Аверона и окрестных гор, а также и некоторых земель за горами – и о том, как пошел он войной на страну Зиман-хо и сражался во многих великих битвах, и как в последней из них одержал он славную победу, и как он погиб... Только Каи, который дожидался у своей пещеры, когда же сможет он вонзить свои когти в славные дни и часы Ханазара, так и не дождался их, а снял он урожай совсем никудышных делишек, а также дней и часов людей незначительных, и часто тревожила его тень арфиста, что стоял со своей золотой арфой между ним и всем остальным миром.

Скорби исканий

Рассказывают тако же о царе Ханазаре, как низко преклонялся он пред богами Древности. Никто не преклонялся пред богами Древности ниже царя Ханазара.

Однажды, помолившись богам Древности и преклонившись пред ними в храме богов, царь призвал к себе их пророков, говоря.

– Хочу я знать о богах больше.

И предстали пророки пред царем Ханазаром, сгибаясь под тяжестью бесчисленных книг, и молвил им царь:

– В книгах этого нет.

На том ушли пророки, унося с собою тысячу тщательно продуманных книжных методов, посредством которых люди могут обрести мудрое знание о богах. Остался лишь один из них, старший пророк, позабывший взять с собою книги, и сказал ему царь:

– Могучи боги Древности.

– Весьма могучи, – подтвердил старший пророк.

И рек царь:

– Нет богов, кроме богов Древности.

– Нет иных богов, – согласился пророк.

А поскольку остались они во дворце вдвоем, молвил царь:

– Расскажи мне правду о богах или людях, ежели хоть что-то известно доподлинно.

И молвил старший пророк:

– Далека, бела и пряма дорога к Знанию, и по ней в жару и в пыли идут все мудрецы земные, но самые мудрые ложатся отдохнуть в полях, не доходя Знания, или собирают там цветы. На обочине дороги к Знанию – о царь, тяжело на ней и жарко! – стоят бесчисленные храмы, и в дверях каждого храма толпятся жрецы, и взывают они к уставшим путникам и кричат им: «Это Конец Пути».

А в храмах звучит музыка, и над каждым сводом струится благоухание сладостных воскурений, и всякий, кто смотрит на прохладный храм – не важно, на который из многих! – и всякий, кто слышит сокрытую музыку, заходит посмотреть, в самом ли деле это Конец Пути. А те, что обнаруживают, что храм сей – вовсе не Конец, снова выходят на пыльную дорогу и останавливаются по дороге у каждого храма, опасаясь, что, чего доброго, пропустят Конец Пути, либо спешат все вперед и вперед и не видят ничего в облаке пыли, пока не поймут, что дальше идти не в силах, а тогда усталого, измученного путника добрый жрец примет в какой-нибудь другой храм и скажет им, что и это тоже Конец Пути. Не дано человеку на этой дороге получить подсказку от собратьев своих, ибо из всего того, что они говорят, истинно только одно:

«Друг, за облаком пыли ничего не видать».

Ведь что до пыли, которая скрывает путь, немало ее клубится в воздухе с тех пор, как появилась дорога: пыль поднимают бредущие по ней путники и еще больше – двери храмов.

И, о царь, лучше бы тебе, идя по этой дороге, отдохнуть, едва заслышав, как кто-нибудь возвещает: «Это Конец Пути», – а позади него звучит музыка. Но если в пыли и во тьме пройдешь ты мимо Лоу и Муша, мимо отрадного храма Кинаша, или Шината с его опаловой улыбкой, или Шо с его агатовыми очами, впереди будут ждать тебя Шайло и Минартитеп, Газо и Амурунд, и Слиг, и жрецы их храмов не преминут позвать тебя.

И, о царь, говорят, что лишь одному дано было дойти до конца, и миновал он три тысячи храмов, и жрецы последнего из храмов были таковы же, как жрецы первого, и все твердили, будто храм их знаменует конец пути, и темное облако пыли укрывало их всех, и все храмы казались весьма приятственными, вот только дорога была утомительна. В одних храмах поклонялись многим богам, а в других только одному, а в иных святилище пустовало, но во всех храмах было великое множество жрецов, и везде путники отдыхали и блаженствовали. В какие-то храмы попутчики попытались затащить его силой; когда же молвил он: «Я пойду дальше», – многие говорили: «Этот человек лжет, ибо дорога заканчивается здесь».

А тот, кто дошел до Конца Пути, рассказывал, что, когда над дорогой грохотал гром, восклицали все жрецы до единого и далеко разносился многоголосый хор:

«Внемли Шайло!» – «Услышь Муша!» – «Се! Кинаш!» – «То глас Шо!» – «Минартитеп разгневан!» – «Внемли слову Слига!»

А еще дальше по дороге кто-то крикнул путнику, что Шинат, дескать, заворочался во сне.

О царь, весьма печально сие. Рассказывают, будто добрался наконец путник до самого Конца Пути, и разверзлась там глубокая пропасть, и во тьме на дне пропасти ползал единственный малый божок, не больше зайца, и слышно было, как плачет он на холоде: «Не дано мне знать».

А далее пропасти нет ничего, кроме плачущего божка.

И тот, кто достиг Конца Пути, бежал обратно – долго, очень долго, пока не добрался снова до храмов, и вошел в тот, где жрец взывал: «Это Конец Пути», – и прилег отдохнуть на ложе. Там восседал Юш – безмолвное изваяние с изумрудным языком и двумя громадными сапфировыми глазами; многие отдыхали в том храме и блаженствовали. И один престарелый жрец, ухोдивший утешить дитя, вернулся, и подошел к путнику, видевшему Конец, и сказал ему: «Се – Юш, и се – Конец мудрости».

И отвечал путник: «Юш исполнен покоя, и воистину се – Конец».

О царь, хочешь ли ты услышать больше?

И отвечал царь:

– Я выслушаю все до конца.

И молвил старший пророк:

– Был и еще один пророк, и звался он Шаун, и так глубоко чтил он богов Древности, что научился различать их силуэты в звездном свете, когда бродили они меж людьми незримо для прочих. Всякую ночь Шаун видел силуэты богов и всякий день учил истине о богах, пока не узнали люди в Авероне, как появляются боги, словно серые тени на фоне гор, и что Роог выше, чем вершина Скагадон, а Скун – ниже; Асгооль подается вперед на ходу, а Тродат озирается вокруг, поводя крохотными глазками. Но однажды ночью, когда наблюдал Шаун за богами Древности в звездном свете, он смутно различил каких-то других богов: они восседали в безмолвии на высоких склонах гор позади богов Древности. На следующий день он сорвал с себя мантию аверонского пророка и объявил народу своему:

«Есть боги более великие, нежели боги Древности: три бога смутно видны в звездном свете на холмах, глядящих на Аверон».

И пустился Шаун в путь и шел много дней, и толпы людей последовали за ним. Каждую ночь он все яснее различал очертания трех новых богов, кои немо восседали на холмах, в то время как боги Древности расхаживали меж людьми. Выше по склону Шаун остановился со всем своим народом, и там возвели они город и стали поклоняться восседающим на горе богам, видеть которых мог один только Шаун. И учил Шаун, что боги подобны бледным росчеркам света, предвестиям зари, и что бог, восседающий справа, указывает вверх, к небесам, а бог, восседающий слева, указывает вниз, к земле, но бог, восседающий посередине, погружен в сон.

И возвели последователи Шауна в городе три храма. Тот храм, что справа, был святилищем для юных, а тот, что слева, – святилищем для стариков, но двери третьего храма были закрыты и заперты – и никто туда не входил. Однажды ночью, пока Шаун взирал на троих богов, подобных бледным лучам на фоне горы, углядел он на вершине двоих богов, которые беседовали промеж себя и указывали на богов холма, насмехаясь над ними, но Шаун не слышал ни звука. На следующий же день Шаун пустился в путь с несколькими сподвижниками, дабы подняться на одетую холодом вершину и отыскать богов, которые настолько велики, что насмехаются над тремя безмолвствующими. Вблизи двух богов остановились путники и построили себе хижины. А еще возвели они храм, где Шаун своими руками изваял Двоих: головы Их повернуты были друг к другу, в лицах Их читалась насмешка, Они указывали пальцем вниз, а под Ними помещались изваяния трех богов холма – в виде потешников-лицедеев. Никто уже не вспоминал про Асгооля, Тродата, Скуна и Роога, богов Древности.

Много лет прожили в своих хижинах на вершине горы Шаун и несколько его сподвижников, поклоняясь насмешникам-богам, и каждую ночь Шаун видел двоих богов в звездном свете, и вместе хохотали они в тишине. Шло время, и Шаун состарился.

Однажды ночью, обратив взор свой к Двоим, Шаун завидел вдали за горами некоего великого бога: бог восседал на равнине, грозно воздвигшись до небес, и взирал гневными очами на тех Двоих, что потешались да насмешничали. Тогда сказал Шаун своим приверженцам – тем немногим, которые последовали за ним на гору: «Увы, нет нам покоя: впереди, на равнине, восседает единственно истинный бог, и гnevят его насмешки. Потому давайте же оставим тех Двоих, что сидят тут да глумятся, пойдемте обретем истину в поклонении богу более великому, который, пусть даже и убьет нас, но не станет насмехаться над нами».

Но ответствовали люди: «Ты отнял у нас многих богов и научил нас поклоняться богам-насмешникам, а ежели и смеются они, глядя, как мы умираем, се! – ты один это видишь, а нам хотелось бы отдохнуть».

Но трое из тех, кто состарился, следуя за Шауном, пошли за ним и теперь.

Вниз по крутому противоположному склону горы повел их Шаун, говоря: «Вот теперь мы узнаем наверняка».

И трое старцев отвечали: «Воистину узнаем, о последний из пророков!»

Той ночью двое богов, насмехающихся над своими почитателями, не насмехались более над Шауном и его тремя сподвижниками; а те, спустившись на равнину, шли, не останавливаясь, все дальше и дальше, пока не пришли к тому месту, где в ночи глаза Шауна могли различить вблизи громадные очертания бога. А далее до самого горизонта раскинулось болото. Там отдохнули путники, и, как смогли, соорудили себе шалаши, и сказали друг другу: «Се – Конец Пути, ибо Шаун провидит, что нет никаких других богов, болото лежит перед нами и подкралась к нам старость».

А поскольку уже не осталось у путников сил, чтобы возвести храм, Шаун вырезал на камне все, что постиг о великом боге равнины в звездном свете; чтобы, ежели и другие люди однажды отрекутся от богов Древности, поскольку узрят за ними Троиx Еще Более Великих, и ежели затем придут они к знанию Двоих насмешников и, упорствуя в своем стремлении к мудрости, различат в звездном свете того, кого Шаун назвал Наивысшим богом, то здесь, на камне, прочтут всё то, что написали до них про конец исканий. Три года Шаун резал по камню и однажды ночью, отложив резец, молвил: «Ныне завершен мой труд», – и увидел вдали, позади Наивысшего бога, четырех богов еще более великих. Горделиво расхаживали эти боги вдалеке за болотом, не обращая внимания на равнинного бога. И рек Шаун своим трем сподвижникам: «Увы, по-прежнему пребываем мы в неведении, ибо есть боги за болотом».

Но никто не последовал за Шауном: все сказали, что старость неотвратимо кладет конец любым исканиям и лучше они подождут Смерти здесь, на равнине, нежели Смерть погонит их через болото.

И распрощался Шаун со своими сподвижниками, говоря: «Вы верой и правдой следовали за мною с тех самых пор, как мы отреклись от богов Древности, дабы поклоняться богам более великим. Прощайте. Возможно, ваши вечерние молитвы не пропадут втуне, когда станете вы молиться равнинному богу, но я должен идти дальше, ибо там, впереди, есть еще боги».

Как Шаун нашел наивысшего бога

И шагнул Шаун в болото, и три дня пробирался через трясины и топи, а на третью ночь увидел четырех богов совсем близко, однако не смог рассмотреть Их лиц. Весь следующий день Шаун упрямо брел все вперед и вперед, чтобы узреть Их лица в звездном свете, но еще до того, как настала ночь или зажглась первая звезда, на заходе солнца Шаун пал к ногам своих четырех богов. Вышли звезды, и лики четырех богов засияли ярко и отчетливо, но Шаун их

уже не видел, ибо закрылись глаза его и закончились для него тяготы трудного пути, и се! – то были Асгооль, Тродат, Скун и Роог – боги Древности.

И сказал царь:

– Хорошо, что скорби исканий достаются лишь мудрым, ибо мудрецов на свете немного.

А еще спросил царь:

– Скажи мне вот что, о пророк. Кто истинные боги?

И отвечивал старший пророк:

– Все в воле царя.

Люди Йарнита

Люди Йарнита верят, что бытие мира началось в тот миг, когда Йарни Зеи воздел руку. Йарни Зеи, говорят они, обличьем подобен человеку, но только огромен – и весь из камня. Когда же воздел он руку, камни, блуждавшие под Сводом – таким именем люди Йарнита называют небо, – собрались все вместе вокруг Йарни Зеи.

О других мирах люди Йарнита не рассказывают ничего, но считают, что звезды – это очи всех прочих богов, которые смотрят свысока на Йарни Зеи и смеются, ведь все они превосходят его величием, хотя и не собрали вокруг себя никаких миров.

Однако ж хотя все прочие боги превосходят величием Йарни Зеи и смеются над ним, но, когда беседуют они промеж себя под Сводом, все они говорят о Йарни Зеи. Никому не слышны разговоры богов, кроме самих богов, но люди Йарнита рассказывают, как пророк Ираун, улегшись на песок в Азракханской пустыне, услышал однажды речи богов и таким образом узнал, как Йарни Зеи покинул всех своих собратьев, дабы облечься в камень и сотворить мир.

Верно одно: в каждой легенде говорится, что в дальнем конце долины Йодет, там, где она теряется среди черных утесов, восседает под горою исполин, видом – как человек с подъятой десницей, но только громаднее холмов. А в Книге Тайных Сущностей, которая хранится у пророков в йарнитском храме, записана история о том, как мир собран был воедино – в том виде, в каком слышал ее Ираун, когда боги беседовали промеж себя в недвижной тишине над Азракханской пустыней.

Все, кто прочтет сию книгу, смогут узнать, как Йарни Зеи запахнулся в горы, точно в плащ, и нагромоздил мир у ног своих. Не написано, сколько лет Йарни Зеи просидел облаченным в камень в дальнем конце долины Йодет, пока в целом мире не было ничего, кроме камня и Йарни Зеи. Но вот однажды еще один божок пробежал по камням через весь мир – так бегут по небу облака в грозовой день; а пока неслись он к долине Йодет, Йарни Зеи с подъятой десницей, восседавший под своей горою, воскликнул:

– Что такое ты делаешь, зачем бегаешь по моему миру и куда держишь путь?

Но новый бог, не ответив ни словом, помчался дальше, и там, где пробежал он, слева и справа от него появлялась зелень – повсюду над каменистой пустыней мира Йарни Зеи.

Вот так новый бог обежал весь мир и одел его зеленью везде, кроме как в долине, где под горой восседал исполинский Йарни Зеи, и в некоторых других землях, где ночами кормилась жуткая Крадоа-засуха.

Далее повествуется в книге о том, как явился еще один божок, такой же быстрый, как и первый: стремглав примчался он с востока, обратив лик свой к западу, и ничто не могло остановить его на бегу; и простер он пред собою руки, и там, где пробежал он, слева и справа от него весь мир побелел.

И воззвал Йарни Зеи:

– Что такое ты делаешь, зачем бегаешь по моему миру?

И отвечал новый бог:

– Я несу миру снег – белизну, и безмолвие, и покой.

И остановил он бег ручьев, и возложил длань свою на главу самого Йарни Зеи, и унял шум мира, и вот уже по всей земле не слышалось ни звука, кроме легкой поступи нового бога, который, пробегая по равнинам, одевал их снегом.

Так двое новых богов гонялись друг за другом по всему миру, и каждый год появлялись они снова, и пробегали вниз по долинам и вверх по холмам, и прочь через долины, раскинувшиеся пред Йарни Зеи, чья воздетая длань собрала вокруг него мир.

Далее праведные благочестивцы могут прочесть, как по долине Йодет к горе, под которой отдыхал Йарни Зеи, поднялись все звери, говоря:

– Дозволь нам жить, быть львами, носорогами и кроликами и бродить по миру.

И Йарни Зеи позволил зверям быть львами, носорогами и кроликами и разными прочими тварями и бродить по миру. Когда же все они разошлись кто куда, он позволил птице быть птицей и летать по небу. А потом пришел в ту долину человек и сказал:

– Йарни Зеи, ты населил свой мир зверьем. О Йарни Зеи, повели, чтоб были люди.

И Йарни Зеи создал людей.

И теперь в мире были Йарни Зеи, и двое пришлых богов, кои несли зелень и расцвет, и белизну и безмолвие, и звери и люди.

Бог зелени гонялся за богом белизны, а бог белизны гонялся за богом зелени, люди гонялись за зверьем, а звери – за людьми. Но Йарни Зеи с поднятой десницей недвижно восседал под горою. Люди Йарнита верят, что, когда рука Йарни Зеи опустится, мир будет сброшен с плеч его – так человек скидывает с себя плащ. А Йарни Зеи, не облеченный более в материю мира, вернется в звездную пустоту под Сводом – так ловец жемчуга ныряет в глубину с острого берега.

И записано в хрониках Йарнита писцами древности, что прошел над Йарнитской долиной год, не принесший с собою дождя; и Глад, обитатель запредельных пустынь, видя, сколь сухо в Йарните и отрадно, прокрался из-за гор, и спустился по склонам, и разлегся понежиться под солнцем на краю поля близ Йарнита.

Люди Йарнита, трудясь в полях, заметили, как Глад гложет колосья и гоняется за скотиной; поскорее начерпали они воды из глубоких колодцев, и облили сухую серую шкуру Глада, и выдворили его обратно в горы. Но на следующий день, когда просохла его шкура, Глад вернулся и погрыз еще колосьев и отогнал скотину еще дальше, и снова люди оттеснили его. Но Глад возвращался снова и снова, и пришло время, когда в колодцах не осталось уже воды, чтобы отпугнуть Глад, и сглодал он все зерно, а гонимый им скот страшно отошал. А Глад подбирался все ближе к домам, и вытапывал по ночам сады, и подкрадывался уже к самым дверям. Наконец скот обессилен настолько, что убежать больше не мог: Глад хватал своих жертв за горло одну за другой и валил наземь, а ночами копошился в земле, и убивал самые корни, и подходил и заглядывал в двери, и отскакивал, и снова заглядывал чуть дальше, но еще не набрался храбрости войти, ибо побаивался: вдруг у людей еще осталась вода, дабы облить его сухую серую шкуру.

Тогда люди Йарнита воззвали к Йарни Зеи, восседавшему вдалеке за пределами долины, и денно и нощно упрашивали его отозвать Глад, но Глад не трогался с места, и сыто урчал, и перебил всю скотину, и наконец-то осмелел настолько, что начал кормиться людьми.

И повествуют хроники, что сперва убивал он детей, а после расхрабрился и принялся за женщин и наконец вцеплялся в горло даже мужчинам, что трудились в полях.

И сказали тогда люди Йарнита:

– Кто-то один должен доставить наши молитвы к стопам Йарни Зеи; ведь вечерами молится весь мир, и может статься, что Йарни Зеи, слыша, как стелет и сетует земля, когда вечерние молитвы летят к стопам его, среди столь многих пропустил ненароком моления жителей Йарнита. Но если кто-нибудь пойдет и скажет Йарни Зеи: «На подоле твоего плаща есть

малая складка, кою люди называют Йарнитской долиной: Глад там забрал большую власть, нежели Йарни Зеи», – может статься, он на миг вспомнит о нас и отзовет Глад.

Однако ж поначалу не нашлось такого смельчака, ведь помнили жители Йарнита, что они – всего-навсего люди, а Йарни Зеи – Владыка всея земли, а дорога далека и камениста. Но той ночью Хотран Дат услышал, как Глад поскуливает у его порога и скребет лапой дверь; и решил он, что всяко достойнее обратиться в пепел под взором Йарни Зеи, нежели вдругорядь услышать скулеж Глада.

И вот на заре Хотран Дат тайком покинул долину, страшась услышать за спиною дыхание Глада, и пустился в путь – туда, куда указывали могилы людские. Ибо в Йарните мертвецов хоронят ногами и лицом к Йарни Зеи, на случай, ежели Йарни Зеи поманит их в ночи и призовет к себе.

Весь день напролет Хотран Дат шел путем могил. Говорится даже, что шагал он три дня и три ночи и лишь могилы направляли его в пути, ибо все они указывали в сторону Йарни Зеи, а все склоны мира тянулись вверх к Йодету, а громадные черные скалы, что ближе всех прочих к Йарни Зеи, сгрудились все вместе точно кланы; и вот пришел он наконец к двум громадным столпам из черного асдаринта, и увидел за ними темную, узкую и неприветливую долину, загроможденную камнями, и понял, что это и есть Йодет. После того Хотран Дат уже не торопился, но потихоньку побрел вверх по долине, не смея потревожить безмолвие, ибо сказал он:

– Воистину се – безмолвие Йарни Зеи, кое укрывало его прежде, чем он облекся в скалы.

Здесь, среди камней, что первыми собрались на зов Йарни Зеи, Хотран Дат ощутил великий страх, и, однако ж, он шел все вперед и вперед ради всего своего народа, ведь знал он, что каждый час трижды встречаются в некоем темном покое Смерть и Глад и произносят одно только слово: «Конец».

Хотран Дат отправляется в путь

Но когда рассвет обратил тьму в серый сумрак, дошел Хотран Дат до конца долины и даже коснулся стопы Йарни Зеи, но самого его не увидел, ибо исполина скрывал туман. Тогда испугался Хотран Дат, что, чего доброго, не узрит его вовсе и не заглянет ему в глаза, вознося молитву. Но, коснувшись лбом стопы Йарни Зеи, взмолился посланец о жителях Йарнита, говоря:

– О Владыка Глада и Отец Смерти, в мире, в который облекся ты, есть малый уголок, называемый Йарнит: там умирают люди до назначенного тобою срока и уходят из Йарнита. Может статься, Глад взбунтовался противу тебя или Смерть злоупотребляет своей властью. О

Повелитель Мира, изгони Глад словно мошь с плаща своего, не то запредельные боги, взирая на тебя очами своими, скажут: вот Йарни Зеи, и се! – плащ у него в лохмотьях.

Но никак не отзывался из тумана Йарни Зеи. Тогда Хотран Дат воззвал к Йарни Зеи, моля подать хоть какой-нибудь знак своей воздетой рукою, чтоб понял посланец: слова его услышаны. В благоговейной немоте ждал он, покуда ближе к рассвету туман, скрывавший исполинскую фигуру, не потянулся вверх. Воздвигшись над горами, безмолвный Йарни Зеи с поднятой десницей благостно размышлял о земном мире.

Ни в одной хронике не говорится о том, что такое узрел Хотран Дат в лице Йарни Зеи, или о том, как возвратился он живым в Йарнит; записано лишь, что обратился посланец в бегство и никто с тех самых пор не видел лика Йарни Зеи. Говорят иные, будто прочел Хотран Дат в лице статуи нечто такое, от чего в ужасе содрогнулась его душа, но в Йарните верят, будто увидел он следы молотка и зубила на стопах статуи, и понял, что Йарни Зеи сработан руками людей, и бежал вниз по долине с криком:

– Нет никаких богов, и мир погиб!

И оставила его надежда, и утратил он смысл жизни. За его спиною, подсвеченная встающим солнцем, недвижно восседала гигантская фигура с поднятой десницей – фигура, которую человек изваял по своему образу и подобию.

А люди Йарнита рассказывают, как Хотран Дат, запыхавшись, вернулся обратно в родной город и поведал людям, что нет никаких богов и напрасно Йарниту ждать помощи от Йарни Зеи. Когда же узнали люди Йарнита, что Глад послан не богами, воспряли они и выступили на борьбу с Гладом. Выкопали они глубокие колодцы, и стали охотиться на коз высоко в Йарнитских нагорьях, и, уйдя подальше, набрали травы там, где еще росла она, чтобы выжил скот. Так сражались они с Гладом и говорили:

– Ежели Йарни Зеи не бог, значит в Йарните нет никого могущественнее людей, и что такое Глад и как смеет он скалиться на владык Йарнита?

А еще говорили они:

– Раз не приходит помощи от Йарни Зеи, значит помогут нам лишь собственная наша сила и мощь; выходит, мы – боги Йарнита и в груди у нас пылает огонь во спасение Йарниту либо на погибель Йарниту, сообразно нашему пожеланию.

Глад убил еще нескольких человек, но прочие воздели руки, говоря:

– Се – руки богов! – и отогнали Глад прочь, и вот ушел он от домов людей и к скотине, но жители Йарнита преследовали его все дальше и дальше, пока ближе к вечеру, вдалеке, над жаром битвы не послышались миллионы шепотков дождя. Тогда Глад бежал, завывая, обратно в горы и за горные гребни, и впредь говорилось о нем лишь в йарнитских легендах.

Тысяча лет минула над могилами тех, кто пал в Йарните от Глада. Но люди Йарнита по сей день молятся Йарни Зеи, изваянному руками человеческими по образу и подобию человека, и говорят они:

– Может статься, что молитвы, кои обращаем мы к Йарни Зеи, уплывают ввысь от его статуи, словно туманы на рассвете, и где-то достигают наконец иных богов или того Бога, который восседает позади остальных и о котором не ведают наши пророки.

Во славу богов

Множество исторических хроник написано о великих войнах на Трех островах и о том, как герои стародавних времен гибли один за другим, но ничего в них не говорится о днях, предшествующих стародавним временам, еще до того, как народ островов выступил на войну, – о далеком прошлом, когда каждый в своей земле пас коров либо овец и прозябали те острова в безвестности, пока длился сонный мир во дни, предшествующие стародавним временам. Ибо тогда жители островов играли, словно дети, у ног Случая, и богов у них не было, и на войну

они не ходили. Но мореходы, заброшенные чужими ветрами на тамошние берега, назвали их Благодатными островами и при виде счастливых, богов не имеющих, рассказали, как жители островов могут стать еще счастливее, и узнать богов, и сразиться во славу богов, и вписать имена свои заглавными буквами в хроники, и наконец умереть с именами богов на устах. И сошлись вместе все островные жители и сказали:

– Мы знаем только скот бессловесный, но се! – эти мореходы рассказывают о неких существах вне нашего разума, кои знают нас, как мы знаем свою скотину, и пользуются нами себе в угоду, как мы используем скот, и, однако ж, готовы отвечать на праздные молитвы, обретенные ввечеру, когда труженик возвращается с пахоты к домашнему очагу. Не поискать ли нам этих богов?

И говорили иные:

– На Трех островах мы – хозяева, никто нас не беспокоит, и пока мы живы, мы благоденствуем, а когда умираем, кости наши покоятся в тишине. Так не будем же искать тех, кто, того гляди, возвысится над нами, жителями Трех островов, или, чего доброго, потревожит наши кости, когда мы умрем.

Но другие возразили:

– Молитвы, кои возносит человек, когда приходит засуха и гибнет скот, отлетают, ни в ком не находя участия, к безучастным облакам. А ежели где-то есть те, кто собирает молитвы в житницы свои, давайте пошлем к ним гонцов, пусть отыщут их и скажут так: «На островах под названием Три, или, как еще именуют их мореходы, на Благодатных островах (а находятся они в Срединном море) живут люди, кои частенько молятся, и дошло до нас, будто вам угодно поклонение людское и в обмен на него отвечаете вы на молитвы; мы же приплыли с тех самых Трех островов».

И весьма прельстительной показалась островным жителям мысль о странных существах, не людях и не животных, которые по вечерам отвечают на молитвы.

Посему отправили они за море гонцов на парусных кораблях, и Случай благополучно провел корабли через море к дальнему берегу. Через холмы и долины пустились трое путников искать богов, а их сотоварищи вытащили корабли на песок и остались ждать на берегу. Тридцать ночей напролет те, что искали богов, следовали за молниями в небесах и преодолели пять горных кряжей, а когда поднялись наконец на вершину последней из гор, узрели внизу долину и – о чудо! – богов. Ибо там-то и восседали боги, каждый на мраморном холме, каждый – упершись локтем в колено и подперев подбородок рукой, и на устах у каждого играла улыбка. А под ними сходились армии маленьких человечков: у ног богов человечки сражались друг с другом и убивали друг друга во славу и во имя богов. А повсюду вокруг пылали во славу богов долинские города, что возвели люди трудами рук своих, и жители их гибли во славу богов, а боги глядели вниз и улыбались. Из долины ввысь вспархивали молитвы людские: изредка боги и впрямь отвечали на молитву-другую, но чаще Они лишь насмехались над молитвами, а люди между тем умирали.

Гонцы с Трех островов, разыскивающие богов, увидев то, что увидели, легли и вжались в землю на вершине горы, чтобы боги их не заметили. Они отползли чуть назад и зашептались, а затем, пригнувшись, бросились бежать, и за двадцать дней преодолели горные кряжи, и возвратились к своим сотоварищам, поджидавшим на берегу. И спросили их сотоварищи, потерпели ли они неудачу в поисках своих, но трое ответили лишь, ничего к тому не прибавив:

– Мы видели богов.

Подняв паруса, корабли понеслись по волнам обратно через Срединное море и возвратились к Трем островам, что покоятся у ног Случая, и объявили посланцы людям:

– Мы видели богов.

Се! Боги

Но правителям островов рассказали посланцы, как боги гонят людей, точно стадо; и вернулись по домам своим, и снова стали ходить за коровами да овцами на Благодатных островах, и сделались добрее к своей скотине, поглядев, как боги обращаются с людьми.

Но боги, грозно расхаживая по Своей долине и выглядывая за гребень великой горы, однажды утром обнаружили следы троих чужаков. Боги склонились над следами, и, хищно

подавшись вперед, побежали бегом, и еще до наступления вечера добрались до берега, откуда отчалили корабли, и увидели широкие борозды, оставленные на песке кораблями, и зашли вброд далеко в море, но так ничего и не увидели. И все еще обошлось бы для Трех островов, если бы некие люди, выслушав рассказ путешественников, не захотели своими глазами посмотреть на богов. Под покровом ночи они тайком отплыли на кораблях с островов, и боги, еще не успев возвратиться в холмы, увидели там, где океан сходится с небом, раздутые белые паруса тех, кто в недобрый день отправился на поиски богов. И народ тех богов получил недолгую передышку, пока боги, затаившись за горами, поджидали гостей с Благодатных островов. А путешественники сошли на берег, и вытащили корабли на песок, и отправили шестерых человек в горы, о которых им рассказывали. Но спустя много дней возвратились посланцы, богов так и не увидев – увидели они лишь дым, что поднимался к небу над руинами сожженных городов, да хищных птиц, что висели в небе вместо ответченных молитв. И все путешественники снова кинулись к кораблям, и вышли в море, и подняли паруса, и вернулись на Благодатные острова. Но на некотором расстоянии от кораблей вброд через море шли, пригнувшись, боги, дабы заставить острова себе поклоняться. И явили себя боги в разных одеждах и в разном обличье на каждом из Трех островов и всем говорили:

– Оставьте стада ваши. Ступайте и сражайтесь во славу богов.

С одного из островов весь народ вышел на кораблях биться за богов, кои расхаживали по острову точно цари. А с другого явились люди биться за богов, которые бродили по земле как смиренные странники в нищенских лохмотьях; а жители третьего острова сражались во славу богов, покрытых шерстью, точно звери: у них множество горящих глаз, а во лбу торчат когти. Но о том, как сражались эти воинства, пока острова не обезлюдели, однако ж обрели великую славу, и все во имя богов, написано немало хроник.

Ночь и Утро

Как-то раз в вертограде богов над сумеречными угодами лорд Ночь, блуждая в одиночестве, повстречал неожиданно леди Утро. И открыл лорд Ночь лик свой, откинув плащ, сотканный из темно-серого зыбкого тумана, и молвил: «Погляди, я – Ночь», – и уселись они вдвоем в вертограде богов, и Ночь принялся рассказывать чудесные истории о происшествиих загадочных и непостижных, что случались во тьме в стародавние времена. А леди Утро дивилась услышанному и не сводила глаз с лика Ночи и с его звездного венца. И поведала Утро, как на равнине курятся дожди Снамартиса, а Ночь поведал о том, как Снамартис предавался буйному разгулу во тьме, и шел пир горой, и рекой лилось вино, и короли держали речи, а между тем подступили незамеченными бесчисленные воинства Минаса, и погасли все огни, и звон и лязг оружия не стихал вплоть до прихода Утра. И поведал Ночь, как Синдана-нищему приснилось, будто он – царь; а Утро поведала, что своими глазами видела, как Синдана внезапно обнаружил на равнине целую армию и, все еще почитая себя царем, вышел к войску, и войско ему поверило, и теперь Синдана правит Мартисом и Таргадридом, Динатом, Захном и Тумейдой. Но всего приятнее было Ночи поведать про Ассарниз, от которого не осталось иной памяти, кроме руин на краю пустыни; а Утро рассказала о городах-побратимах под названием Нардис и Тимаут, что властвовали над всей равниной. И поведал лорд Ночь жуткую историю о том, что такое повстречал на пути Минандес, бродя по собственному своему городу во тьме. А у локтя величавого лорда Ночи не стихал шепот: «Вот еще что Расскажи леди Утро...»

И лорд Ночь все рассказывал да рассказывал, и дивилась леди Утро его речам. Поведал Ночь о том, что содеяли мертвецы, когда явились во тьме к королю, который некогда вел их в битву. Ночь знал, кто убил Дарнекса и как. Сверх того, открыл Ночь, почему семеро царей пытали Сидатериса и что им сказал Сидатерис под самый конец, так что цари пошли и покончили с собою.

И еще поведал Ночь о том, чья кровь запятнала мраморные ступени, ведущие к храму в Озахне, и почему в храме хранится череп, увенчанный золотой короной, и чья душа вселилась в волка, который воет во тьме под стенами города. Ночь знал, куда уходят тигры из Иразийской пустыни, знал тайное место их встречи, знал, кто говорит с ними, и что она говорит, и почему. Рассказал лорд Ночь, как так вышло, что зубы человеческие перекусили железные петли могучих врат в стенах Мондаса, и кто явился с болота один под покровом темноты, и потребовал аудиенции у царя, и солгал царю, и как царь, поверив в эту ложь, спустился в подвалы своего дворца и не нашел там ничего, кроме жаб и змей, которые царя и сгубили. Поведал Ночь и о том, что деется во дворцовых башнях в тишине; знал он заклятие, с помощью которого можно направить лунный свет прямо в душу своего врага. А еще рассказал Ночь про лес, где колышутся тени, и слышится поступь мягких лап, и горящие глаза вглядываются во тьму, а за деревьями затаился страх – и принял обличие изготавившейся к прыжку твари.

Но далеко внизу под вертоградом богов, на земле, горный пик Мондана заглянул в глаза леди Утро и отрекся от служения Ночи, и малые холмы у колен Монданы один за другим приветствовали Утро. А между тем на равнинах уже выступали из сумерек силуэты городов. Показалась гордая Конгрос, и все ее шпили и башни, и крылатая фигура Поэзии, изваянная над восточным порталом врат, и коренастая фигура Алчности, изваянная напротив нее с западной стороны; нетопырю прискучило порхать вверх-вниз по улицам, и сова уже воротилась в гнездо. А суровые львы ушли с долины в свои горные пещеры. Пока еще не вспыхнула переливчатой росой паутина, и не слышно было ни дневных птиц, ни насекомых, и все долины нерушимо хранили верность лорду Ночи, владыке своему.

Однако ж земля уже готовилась к приходу нового правителя и украдкой отбирала у Ночи одно царство за другим, и ворвались в людские сны миллионы глашатаев и прошеествовали из края в край, возвещая петушиным криком: «Се! Утро грядет за нами». Но в вертограде богов над сумеречными угодьями звездный венец Ночи постепенно бледнел и мерк, а на челе Утра все ярче проступал дивный знак власти. И в тот миг, когда гаснут походные костры и серый дым тянется в небо и верблюды, принохиваясь, чуют рассвет, леди Утро внезапно позабыла лорда Ночь. Прочь из вертограда богов, в логовище тьмы, удалился Ночь, закутавшись в свой темный плащ; а леди Утро тронула ладонью туманы, и отдернула их, и явила взгляду землю, и разогнала тени, и все они последовали за Ночью. И внезапно развеялась тайна, одевавшая призрачные, смутные силуэты, и бывшее волшебство исчезло, и повсюду, вдали и вблизи, над земными угодьями восстала новая краса.

Скряга

Люди земли Зоуну верят, что бог Яхн, подобно скряге-ростовщику, восседает над грудой мелких блестящих самоцветов и даже подгребает их к себе обеими лапами. Сверкающие камешки в жадных когтях Яхна невелики – с каплю воды, не больше, и каждый камешек – это жизнь. В Зоуну рассказывают, будто, когда Яхн задумывал свой замысел, земля пустовала и не водилось на ней ничего живого. Тогда Яхн сманил к себе из-за Окоема тени, кои мало что знали о радостях и ровным счетом ничего – о скорбях, и место им было отведено за Окоемом еще до рождения Времени. Вот их-то Яхн и сманил к себе и показал им свою грудку самоцветов; и сиял в драгоценных камнях свет, и сверкали в них зеленые поля, и проблескивало синее небо и ручейки, и смутно просматривались садики, цветущие в плодородных землях. В одних можно было разглядеть горные ветра, а в других – свод небес и равнину, раскинутую под ним от края до края, – там ветер клонит травы и ничего нет, кроме равнины. Но самые изменчивые драгоценные камни в сердце своем хранили вечно меняющееся море. И вот тени заглянули в Жизни и увидели зеленые поля, и море, и землю, и сады земные. И рек Яхн:

– Я ссужу каждому из вас по Жизни, дабы могли вы трудиться с ее помощью над Картиной Мира, и у каждого будет прислужница-тень в зеленых полях и садах, однако вот каково мое условие: должно вам отшлифовать эти Жизни опытом и огранить горестями, и в конце концов снова вернуть их мне.

Богатство Яхна

На все согласились тени, лишь бы заполучить сверкающую Жизнь и обзавестись при-служницей-тенью, и так был утвержден Закон. А тени, каждая со своей Жизнью, ушли, и пришли в Зоуну и в другие земли, и там опытом отшлифовали Жизни, одолженные Яхном, и ограничили их людскими горестями, пока те не засверкали заново. Неизменно обнаруживали они в этих Жизнях новые сияющие виды, и города, и корабли, и люди высвечивались там, где прежде были лишь зеленые поля и море, а скряга Яхн то и дело окликал заимщиков своих, напоминая об условиях сделки. Когда люди добавляли в свои Жизни картины, угодные Яхну, тогда умолял Яхн; когда же добавляли они картины, не угодные Яхну, тогда взыскивал он с них пеню печалью и горестями, ибо таков Закон.

Но позабыли люди про заимодавца; явились и такие, что утверждали, будто сведущи они в Законе, и говорили, что после всех трудов своих, коим предавались люди в Жизни, Жизнь должна принадлежать им – дабы отдохнули люди от трудов и тягот и шлифовки и гранения горестями. Но стоило Жизни засиять многогранным опытом, как Яхн внезапно сжимал ее большим и указательным пальцем, и человек становился тенью. А вдали, за Окоемом, тени говорят:

– Немало потрудились мы ради Яхна и познали в мире много горестей: ярко засверкали его Жизни, но Яхн ничего для нас не делает. Лучше бы оставались мы там, где нет забот, и порхали себе за Окоемом.

И бояться тамошние тени, как бы их снова не сманили прельстительные обещания и не угодили бы они к ростовщику в лапы, ведь Яхн куда как сведущ в Законе. А Яхн лишь улыбается, восседая над грудой своих сокровищ и глядя, как преумножается их ценность, и нет в нем жалости к беднягам-теньям, коих выманил он из тишины и покоя и заставил трудиться да маяться в обличье людей.

Все новые и новые тени соблазняет Яхн и шлет их гранить свои Жизни и старые Жизни снова отправляет в мир, чтобы заблестели они еще ярче; случается, что дает он какой-нибудь тени Жизнь, которая прежде принадлежала королю, и отправляет ее вниз на землю играть роль нищего, а порою отправляет Жизнь нищего играть роль короля. Яхну-то что за дело?

Те, кто уверяет, будто сведущ в Законе, наобещали людям Зоуну, что их Жизни, над которыми трудились они, станут принадлежать им вечно, однако ж опасаются люди Зоуну, что Яхн куда более могуществен и закон знает не в пример лучше. Более того, говорится, будто с ходом Времени богатство Яхна возрастет непомерно и превзойдет самые алчные его грезы. Тогда Яхн оставит землю в покое и не будет больше докучать теньям, но воссядет над грудой Жизней, с вожделением глядя на сокровище свое, и уродливый его лик преисполнится злобной радости, ибо душа его – душа скряги-ростовщика. А другие утверждают и клянутся, что воистину есть Древние боги, куда более великие, чем Яхн: это они утвердили Закон, в котором Яхн так сведущ, и в один прекрасный день попросят с Яхна слишком много. Тогда Яхн уйдет прочь жалким позабытым божком и, может статься, в какой-нибудь затерянной земле станет торговаться с дождем за каплю воды, ведь душа его – это душа скряги-ростовщика. А что до Жизней... кому ведомы боги Древности и как знать, какова будет Их воля?

Млидин

Было это в незапамятные времена. Однажды ввечеру восседали боги на вершине Моурах-Ноат над Млидином, удерживая лавину на привязи.

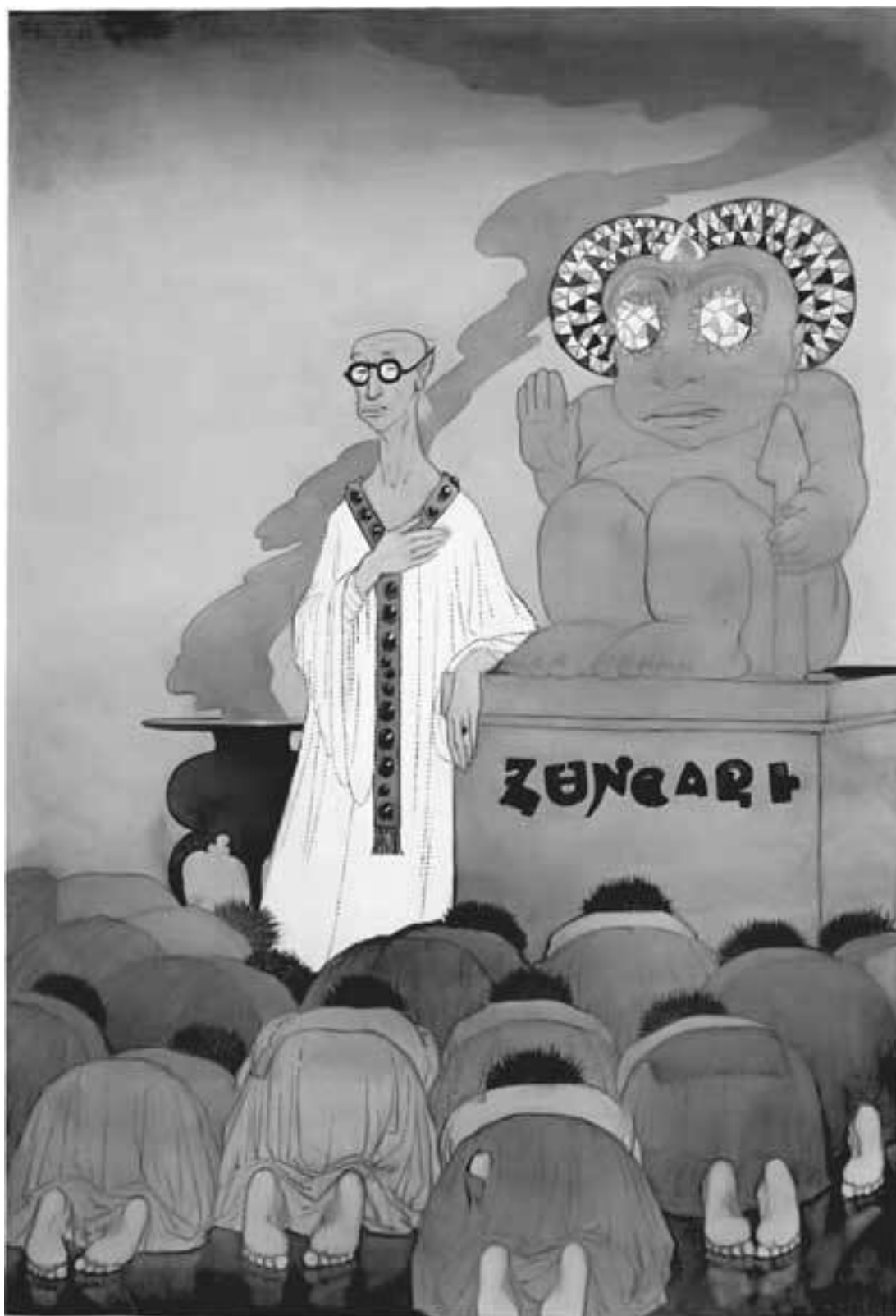
В Срединном граде повсюду высились храмы городских жрецов; и сходились туда все жители Млидина и несли им дары, жрецы же завели обычай ваять себе богов для Млидина. Ведь в отдельном покое в храме Былого посреди храмов, что высились в Срединном граде Млидине, хранилась книга, называемая Книгой Прекрасных Умыслов, написанная на языке,

на котором люди давным-давно разучились читать и писать, и рассказывалось в той книге, как человеку сработать для себя богов, которые не станут ни яриться, ни мстить малым сим. А жрецы, начитавшись Книги Прекрасных Умыслов, снова и снова пытались создать богов благих и милостивых, и все боги, коих ваяли они, были отличны друг от друга, но все они обращали взоры к Млидину.

А на вершине Моурах-Ноат, покуда длились незапамятные времена, боги терпеливо ждали, чтобы жители Млидина изваяли себе ровно сотню богов. Ни молнии не обрушивались на Млидин с Моурах-Ноат, ни пагуба на посевы, ни чума на город, но восседающие на Моурах-Ноат боги лишь улыбались. Рекли люди Млидина: «Йома – бог». И улыбались недвижные боги. Позабыв Йому и минувшие годы, рекли люди: «Зунгари – бог». И улыбались боги.

И вот на алтаре Зунгари жрец утвердил приземистую фигурку из пурпурового агата и объявил: «Йазун – бог». А недвижные боги все улыбались.

К ногам Йону, Базуна, Нидиша и Сандрао склонялись жители Млидина, а боги, восседавшие над городом, по-прежнему удерживали на привязи лавину.

«Йазун – бог»

Но вот ближе к закату над вершинами гор воцарилась великая тишина, и застыл недвижно пик Моурах-Ноат, одетый в мерцающий снег, и от приветных его склонов в знойный город повеяло прохладой, а Тарси Зало, верховный пророк Млидина, вырезал из цельного сапфира сотого городского бога, и тогда на Моурах-Ноат боги отвернулись и молвили:

– Се! Свершилось сотое святотатство.

И более не глядели они на Млидин и не сдерживали более лавину, и лавина с воем понеслась вниз.

Срединный град Млидин погребен ныне под каменным завалом, а на камнях выстроен новый город, и живут в нем люди, ведать не ведающие о древнем Млидине, боги же по сей день восседают на Моурах-Ноат. В новом городе люди поклоняются изваянным богам и смастерили уже девяносто девять, а я, тамошний пророк, как раз нашел занятный камушек: пойду-ка вырежу из него статуэтку бога, дабы весь Млидин поклонялся ему.

Тайна богов

Зайни Моу, крошечная змейка, увидала сверкающую вдалеке реку и поползла к ней по раскаленному песку.

Алдун, пророк, вышел из пустыни и направился вдоль берега к своему прежнему дому. Минуло тридцать лет, как Алдун оставил город, в котором родился, уединившись в пустыне, где собирался раскрыть Тайну богов. Его родина называлась Городом-у-Реки, там множество пророков толковали о многих богах. Люди хранили друг от друга разные тайны, и никому из них неведома была Тайна богов. Никто даже не осмеливался думать о ней, иначе люди сказали бы:

«Этот человек грешен, он не чтит богов, которые говорят с нашими пророками при лунном свете, когда никто другой не слышит их».

Алдуну казалось, что разум человеческий подобен саду, мысли – цветам, а пророки его родного города – садовникам, что подстригают, пропалывают, прокладывают по саду ровные и прямые дорожки, и человеческая душа может двигаться только по ним, чтобы пророки не сказали: «Эта душа прегрешила». А с дорожек садовники удаляли любой выросший на них цветок, а в саду подстригали те цветы, что оказывались слишком высокими, приговаривая при этом: «Таков обычай», или «Так предписано», или «Так было всегда», или «Так не бывает».

Поэтому Алдун понял, что в этом городе ему не открыть Тайны богов. И Алдун обратился к людям: «Когда мир только начинался, Тайна богов была ясно написана повсюду на земле, но шаги бесчисленных пророков затерли ее. Ваши пророки – истинные праведники, но я ухожу в пустыню, чтобы найти правду еще более истинную». Так Алдун удалился в пустыню и долгие годы жил там отшельником, в непогоду и в солнечные дни. Когда в горах, окружавших пустыню, раздавался гром, он пытался расслышать в его раскатах Тайну богов, но боги не говорили голосом грома. Когда звериный рык нарушал тишину, осененную с небес звездами, Алдун тщился различить в этом рыке Тайну богов, но боги не говорили голосами зверей.

Гробница Праотца Зей

Алдун состарился и научился распознавать все звуки пустыни, но среди них не было голоса богов, пока однажды ночью он не расслышал за холмами Их шепот. Боги шептались между собой и, склонив головы, плакали. И Алдун различил тени богов, хотя не увидел Их самих, направлявшихся к глубокой лощине меж холмов; и там, остановившись у спуска в долину, Они произнесли: «О Праотец Зей, старейший из богов, вера в тебя исчезла, и вчера твое имя в последний раз прозвучало на земле». И, склонив головы, боги вновь зарыдали.

Они сорвали с неба белые облака, обвинили ими тело Праотца Зея, и понесли его в долину за холмами, и закутали горы снегами, а палочками, выточенными из черного дерева, отстучали по их вершинам похоронную песнь богов. Эхо блуждало вокруг, ветер завывал – ведь вера прежних дней угасла, а вместе с нею и душа Праотца Зея. Сквозь горные ущелья во тьме двигались боги, неся тело Своего умершего родителя. Алдун последовал за ними. Боги пришли к огромной гробнице из оникса, высившейся на четырех резных мраморных колоннах, на каждую из которых пошло четыре горы, и в эту гробницу боги положили Праотца Зея, потому что прежняя вера умерла. И у гроба своего отца говорили боги, и Алдун слышал Тайну богов и понял, насколько она проста – любой мог бы догадаться. Тут восстала душа пустыни и окружила могилу кольцом зыбучих песков забвения, и боги зашагали сквозь горы домой, в лощину. Алдун же покинул пустыню и шел много дней, пока не добрался до реки, в том месте, где она текла мимо города к морю, и направился по берегу к своему прежнему дому. И люди, жившие в Городе-у-Реки, увидев его издалека, закричали:

– Открыл ли ты Тайну богов?

И он ответил:

– Да, открыл. Она в том...

Зайни Моу, крошечная змейка, увидев тень человека, ставшего между нею и прохладной рекою, подняла голову и ужалила его. И боги остались довольны Зайни Моу и стали называть ее хранительницей Тайны богов.

Южный Ветер

Два игрока сели за игру, чтобы скоротать вечность, и фигурами в игре они взяли богов и доской выбрали небо от края до края, где ложится пыль, и каждая пылинка стала миром на их доске. И игроки были в мантиях, и лица их – в масках, и одеяния их были похожи, и звались они Судьбой и Случаем. А когда они играли, передвигая богов туда и сюда по доске, пыль кружилась и переливалась в отсвете их глаз, мерцавших под масками. Тогда говорили боги: «Смотрите, какую мы подняли пыль».

И так случилось или было предопределено (как знать?), что Орд, пророк, однажды ночью увидел богов, шагавших по колено в звездах. А начав молиться Им, увидел он руку игрока над их головами, огромную руку, занесенную для следующего хода. Теперь Орд, пророк, знал. Сохрани он молчание, все могло бы обойтись, но Орд пошел по белу свету, возвещая всем людям: «Есть сила над богами».

Боги это слышали. И сказали Они: «Орд видел».

Ужасна была месть богов. Свирепо взглянули Они на Орда и вырвали из его разума всякое знание о Себе. И душа его стала скитаться по миру, разыскивая богов и не находя их. Потом из Сказки Жизни Орда боги стерли луну и звезды, и ночью он видел только черное небо и уже не видел огней. Вслед за тем боги отобрали у него – ведь Их месть не иссякла – птиц и бабочек, цветы и листья, и жуков, и пауков, и всякую мелочь, и пророк смотрел на мир, который так странно изменился, не зная о гневe богов. Затем боги отослали прочь знакомые ему холмы, чтобы больше он не видел холмов, и милые леса на их вершинах, и далекие поля; и в сжавшемся мире Орд ходил по кругу, уже мало что видя, и душа его все еще искала богов и не находила. И вот боги забрали поля и ручей и оставили пророку только дом и большие предметы, какие были в доме. Из дня в день боги прокрадывались к Орду, протягивая завесу тумана между ним и знакомыми предметами, пока наконец он не перестал видеть и не стал совсем слеп. И не знал он о гневe богов. Теперь мир Орда превратился в мир звуков, и один лишь слух связывал его с вещами. Вся радость его дней звучала то в песне, донесшейся с холмов, то в голосах птиц, журчанье ручья или в каплях падающего дождя. Но гнев богов не утих, когда

закрылись цветы, не смягчился всеми зимними снегами, не успокоился в пышном расцвете лета, и однажды ночью Они похитили у Орда мир звуков, и он проснулся глухим. И как бывает, когда человек разрушает муравейник, а муравей с собратьями строит его заново, не ведая, кто разрушил его дом, не зная, что его ждет новое разрушение, – так и Орд построил себе мир из старых воспоминаний, поместив его в прошлое. Там он возвел города из былых радостей, и в них – дворцы из лучших свершений, и памятью своей, как ключом, открыл золотые замки; у него еще оставался мир для жизни, хотя боги и отняли мир слышимый и мир видимый.

Но Они не устали мстить, и забрали у него мир былого, и лишили его памяти, и перекрыли пути в прошлое, и бросили его слепым, и глухим, и беспамятным среди людей, и сделали так, что люди узнали – это он назвал однажды богов пешками.

И наконец, боги взяли его душу и выкроили из нее Южный Ветер, чтобы вечно странствовал он по морям и не находил пристанища; и Южный Ветер знает, что где-то давно он понял нечто, и жалуется островам, и вздыхает у южных берегов: «Я знал, я знал».

Но все вокруг спит, когда говорит Южный Ветер, и не внемлет его плачу, и наслаждается сном. Но Южный Ветер, зная, что забыл что-то, продолжает кричать: «Я знал», заставляя людей пробудиться и понять. Но никто не внемлет печалям Южного Ветра, и тщетно роняет он слезы с Юга. И хотя он стонет и мечется и не может найти покоя, никто не слышит, что можно узнать что-то, и Тайна богов остается нераскрытой. Но Южный Ветер дует на Север, и говорят, что настанет день, когда он одолеет горы, и осушит ледяные моря, и доберется до полюса, где запечатлена Тайна богов. И игра Судьбы и Случая внезапно прервется, и Проигравший исчезнет, словно его и не было, и с поля игры Судьба или Случай (как знать, кто победит?) сметет богов прочь.

Страна Времени

Карнит, владыка Алатты, рек своему старшему сыну так:

– Оставляю тебе свою столицу град Зун, под золочеными карнизами которого гудят пчелы. И завещаю тебе страну Алатту и все прочие земли, коими ты способен владеть, ибо три мои могучие армии, которые я вручаю тебе, могут покорить Зиндару, могут захватить Истан, могут заставить потесниться Онайн и осадить стены Йана, а после этого ты еще расширишь свои владения, присоединяя к ним страны не очень большие, такие как Гебит, Эбнон и Карида. Не води свои армии лишь на Зинар и никогда не переходи через Эйдис!

И, сказав так, король Алатты Карнит скончался в городе Зуне с его золотыми карнизами, и душа его вознеслась туда, куда в свое время отправились души всех его предков – прежних королей, равно как и души их рабов.

Когда же это случилось, молодой король Карнит Дзо надел железную корону Алатты и спустился на равнины, что со всех сторон окружили Зун; там он узнал, что три его сильные армии требуют, чтобы он без промедления вел их на Зинар, что лежит за рекой Эйдис.

Но новый король оставил свои армии там, где они стояли, и, оставшись в огромном дворце наедине со своей стальной короной, ночь напролет размышлял о войне; незадолго же до рассвета он подошел к окну, откуда открывался вид на восточную часть города и лежащие за ним равнины Алатты, дальше которых начинался Истан. Продолжая размышлять, он смотрел, как над лугами, где паслись овцы, и над маленькими домами поднимаются высокие прямые столбы дыма. Немного позднее, когда взошло солнце, поровну делившее свой свет между Алаттой и Истаном, между деревенскими домиками началась утренняя суeta, хрипло заорали петухи, и люди вышли в поля к блеющим овцам, и тогда король задумался: неужто живущие в Истане люди ведут себя по-другому. Спешившие на работы мужчины и женщины встречались друг с другом, и вот на полях и улицах зазвучал их смех, а взгляд короля все стремился вдаль, в сторону Истана, и дым поднимался над крошечными домами все так же прямо и высоко.

Солнце, что освещало своими лучами Алатту и Истан, карабкалось все выше, заставляя цветы широко раскрывать чашечки, птиц – петь, а мужчин и женщин – разговаривать. На рыночных площадях пробудились караваны, что должны были отправиться с товарами в Истан, а в Зун вступили верблюды из Истана, увешанные позвякивающими колокольчиками. И все это видел глубоко задумавшийся король, которому никогда прежде не приходилось ни о чем размышлять.

А на западе хмурились издалека горы Эгнид, охранявшие реку Эйдис; за этими горами обитали в своей унылой стране суровые жители Зинара.

Как-то раз, путешествуя за границу, король, проезжавший через все свое новое королевство, остановился возле Храма богов Древности. И он увидел, что крыша его разрушена, что мраморные колонны повыкрошились и упали, что сорные травы сомкнулись над опустевшим алтарем и что боги Древности, лишившись приношений и поклонения, покинуты и забыты. Тогда король спросил у своих советников, кто разрушил этот храм и сделал так, что даже сами боги оказались заброшены. И советники ответили ему:

– Это сделало Время.

Потом король встретил человека. Был он сгорблен и дряхл, а его изборожденное глубокими морщинами лицо выглядело смертельно усталым, и правитель, никогда не видевший ничего подобного при дворе своего отца, спросил:

– Кто сотворил с тобой такое?

И старый человек ответил ему:

– Безжалостное Время сделало это.

И молодой владыка со своими советниками поехал дальше, но следующими, кого они повстречали, была толпа людей, которые несли на плечах гроб. И тогда король, которого эта смерть глубоко озаботила, ибо прежде ему не доводилось сталкиваться с подобными вещами, снова обратился к своим министрам и визирям. И старейший из них сказал ему так:

– Смерть, о король, это дар, который боги посылают нам со своим слугой, имя которому – Время. Некоторые люди приветствуют сей дар радостно, некоторым приходится насильно его навязывать, а на третьих он неожиданно сваливается белым днем. И с этим даром, который Время доставило ему от самих богов, человек отправляется вперед, во тьму, и не владеет больше ничем до тех пор, пока боги не пожелают противного.

Но король возвратился обратно во дворец и, призвав величайших из пророков и всех мудрецов, начал подробно расспрашивать их о Времени. И они рассказали ему, что Время – это великан, который маячит в сумерках, подобно исполинской тени, или шагает, невидимый, по всему миру, и хотя Время – раб богов и исполняет все их приказы, оно всегда само выбирает себе нового господина, когда все его прежние хозяева мертвы, а их алтари – забыты. А потом один из мудрецов сказал:

– Однажды я видел Время. Это случилось, когда я отправился поиграть в саду моего детства, куда позвали меня воспоминания. День клонился к закату, свет был не ярок, и я увидел, как Время встает над маленькою калиткой, бледное, словно надвигающиеся сумерки. Оно встало между мной и этим садом и лишило меня всех воспоминаний о нем, ибо Время было сильнее меня.

Тут заговорил и другой мудрец:

– Я тоже повстречал этого Врага дома моего. Я называю его так, ибо узрел Время, когда оно шагало через поля, которые я очень хорошо знал, держа за руку незнакомца, дабы поселить его в моем доме – в том самом, где обитали мои отцы и отцы моих отцов. Потом Время трижды обошло вокруг моего дома, и наклонилось, и забрало яркие краски с лугов, и отрясло высокие маки, что цвели в саду, и, обходя все памятные уголки, засеяло свой путь сорными травами и бурьяном.

И еще один мудрец сказал:

– Однажды Время отправилось в пустыню и, позволив жизни оживить те заброшенные места, заставило их горько плакать, а затем снова укрыло их песками.

Четвертый мудрец тоже вставил свое слово:

– Я тоже как-то раз видел, как Время оборвало все лепестки с цветов в палисаднике, где играл ребенок, а потом пошло прочь через леса и, останавливаясь на ходу, собирало один за другим листья с ветвей.

А последний из мудрецов изрек:

– И я видел Время: высокое и черное, оно стояло посреди руин храма в древнем королевстве Амарна, верша свои дела под покровом ночи, и на лице его было такое выражение, какое бывает у убийцы, когда он укрывает что-то землей и травой. С той ночи жители этого древнего королевства лишились своего бога, на развалинах алтаря которого я заметил таившееся во мраке Время, и никогда этого бога не видели больше в Амарне.

И пока король держал совет с мудрецами, с далекой городской окраины доносился гул – то были три армии, которые требовали, чтобы их вели на Зинар. Тогда король сошел к своему войску и, обращаясь к военачальникам, сказал:

– Я не стану облачаться в одежды убийства и так воцаряться над другими странами. Я видел, как утро, встающее над Истаном, обрадовало и Алатту, и слышал, как на цветы снизошли мир и благодать. Я не хочу разорять очаги и править краем сирот и равнинами вдов. Но я поведу вас в бой против заклятого врага Алатты, который грозит разрушить башни Зуна и способен даже низвергнуть наших богов. Это враг и Зиндары, и Истана, и укрепленного Йана; ни Гебит, ни Эбнон не одолеют его, и даже далекая Карида не может чувствовать себя в безопасности в своих уединенных горах. Этот враг могущественнее Зинара, а границы его неприступней, чем река Эйдис; со злобой глядит он на всех людей, высмеивает их богов и алчет разрушить их города. Поэтому мы пойдем вперед, разобьем Время и спасем богов Алатты от его жадных рук, а вернувшись с победой, увидим, что Смерть исчезла, что старость и болезни оставили нас, и тогда все мы станем жить вечно под золотыми карнизами Зуна, и пчелы будут виться и гудеть между не тронутыми ржавчиной крышами и неосыпающимися башнями. Не должно быть больше ни увядания, ни забвения, ни медленного угасания жизни, ни сожалений, лишь только мы победим Время и спасем всех людей и удивительные поля земли от его неумолимой власти!

И войска поклялись последовать за королем, чтобы спасти мир и богов.

На следующий день король во главе трех своих армий отправился в путь; они преодолели множество рек и пересекли много стран, и куда бы они ни пришли – повсюду выспрашивали они о Времени. В первый же день им попала на пути женщина с лицом, густо покрытым морщинами, и она рассказала, что когда-то была молода и прекрасна, но злое Время прочертило по ее лицу глубокие борозды пятью своими когтями.

Немало стариков повстречали они, пока разыскивали Время. Все они когда-то видели его, но никто из них не мог рассказать большего; лишь некоторые говорили, что Время, дескать, пошло вот этой дорогой, и указывали кто на разрушенную башню, кто на высохшее, сломанное дерево.

Так, день за днем и месяц за месяцем, шел король со своим войском вперед, не теряя надежды наконец-то повстречаться со Временем. Иногда его армии останавливались на ночлег возле прекрасных сверкающих дворцов или садов, полных цветами, уповая застать своего врага, когда тот явится под покровом темноты, чтобы творить свои бесчинства. Порой натянулись они на клочья седой паутины, а порой – на ржавые цепи или дома с разбитыми крышами и обвалившимися стенами, и тогда три армии начинали шагать быстрее, думая, что напали на след Времени и теперь настигают его.

Одна за другой пролетали недели и складывались в месяцы; постоянно войско слышало все новые и новые слухи и истории о Времени, но так и не отыскало его и стало уставать от

великого перехода, однако король продолжал вести свои армии все дальше и дальше и не соглашался повернуть назад, всякий раз говоря, что враг уже где-то совсем близко.

Месяц за месяцем вел король свои армии, которые шли теперь неохотно, и наконец, когда прошел без малого год, войско достигло поселка под названием Астарма, расположенного далеко-далеко в северных краях. Здесь многие усталые солдаты покинули королевские армии и обосновались в Астарме, женившись на местных девушках. Именно благодаря этим солдатам мы можем подробно занести в летописи тот путь, который проделали королевские войска почти за целый год, до того как пришли в Астарму.

Но очень скоро поредевшие армии оставили поселок, и дети приветствовали воинов, шагающих по дороге, и через пять миль войска перевалили через гребень горы и исчезли из вида. О том, что случилось с ними после, известно гораздо меньше, и оставшаяся часть этой хроники собрана из сказок и историй, которые ветераны этой армии любили рассказывать по вечерам, сидя у очага, и которые запомнили жители Зинара.

В наши дни считается самым вероятным, что королевские армии, прошедшие маршем через Астарму, в конце концов (хотя сколько времени спустя – неизвестно) перешли через гребень, севернее которого зеленеющая земля шла под уклон. Дальше начинались зеленые поля, за которыми стонало и волновалось море, и в этом море, насколько хватало глаз, не было видно ни островов, ни берегов. Среди этих зеленых полей раскинулась деревня, на которую и устремились взгляды короля и его спускавшихся вниз по склону армий.

Деревня лежала много ниже гребня, и на ее унылом челе – на прогнувшихся под тяжестью лет, потускневших щипцах старомодных крыш и покосившихся дымоходах – лежала приглушенная печать древности. Кровля домов была сложена из старых черепиц, покрытых толстым слоем мха, каждое маленькое окошко глядело множеством непривычной формы стекол на запущенные сады причудливой архитектуры, заполненные сорняками, а на ржавых петлях поворачивались скрипучие двери, набранные из древних дубовых филенок, из которых черными глазками смотрели сучки. Напротив домов качался высокий чертополох, вокруг них вился по стенам густой плющ и кланялись травы, но из накренившихся труб поднимались высокие прямые столбы голубоватого дыма. Между огромными булыжниками нехоженой мостовой выглядывали стебельки трав, а сады отделяли от мощеной улицы колючие живые изгороди – такие высокие, что за них не мог бы заглянуть и всадник, – и по этим неприступным стенам карабкались любопытные выюнки, которым только и удавалось заглянуть во двор с наружной стороны. Впрочем, перед каждым домом в изгороди был выстрижен проход, загороженный легкой калиточкой из зеленого от плесени и мха дерева, до необычайной легкости источенного течением лет и дождями. И над всем этим витали задумчивая старость и мертвая тишина давно заброшенных и забытых мест.

Король и его армии долго смотрели на этот островок древности, который годы извергли из пучины веков. Потом владыка остановил свое войско на склоне холма, а сам спустился в деревню в сопровождении одного из своих военачальников.

И тут в одном из домов что-то зашевелилось; затрещал древний камень, две половинки которого продолжал удерживать вместе толстый слой мха; из дверей вылетел нетопырь, три серые мышки торопливо сбежали вниз по ступеням, а следом за ними, опираясь на клюку, показался наконец ветхий старец, длинная белая борода которого достигала пола, а одежда засалилась и блестела от долгой носки. Тут и из других домов медленно вышли такие же дряхлые старики, сгибающиеся чуть не до земли и опирающиеся на палки, и король спросил у этих людей – самых старых, каких он когда-либо видел, – как называется эта деревня и кто они такие. И один из старцев ответил ему:

– Деревня называется Городом Древних, и лежит она в Стране Времени.

– Значит, здесь живет Время?! – воскликнул король.

И тогда один из старцев указал на огромный замок, стоящий на крутой горе, и проговорил:

– Вон там обитает Время, а мы – его подданные.

И все они с любопытством поглядели на Карнита Дзо, и старейший из жителей Города Древних снова повел свою речь:

– Что привело тебя, такого молодого, в наши места?

И Карнит Дзо рассказал, как он решил победить Время, чтобы спасти от него весь мир и богов, а потом спросил, как получилось, что они сами попали сюда. И жители деревни ответили ему:

– Мы старше, чем кто бы то ни было, и не помним, как и когда сюда попали; но мы – подданные Времени и знаем, что именно отсюда, от Последнего Края, оно посылает свои часы и минуты завоевывать мир. Тебе никогда не победить Время.

Но король вернулся к своим армиям и, указав им на замок на скале, сказал, что наконец-то они нашли Врага Всея Земли, а те, кто был старше, чем кто бы то ни было, медленно скрылись за скрипящими дверьми своих древних хижин.

А армии поспешили вперед, пересекли поля и прошли через деревню, и Время наблюдало с одной из своих башен, как войска смыкают боевые порядки и идут на приступ по крутому склону горы, однако оно по-прежнему ничего не предпринимало и только смотрело на них.

Но как только ступни авангарда коснулись подножья горы, Время швырнуло в них пять лет сразу, и эти годы пронеслись над головами воинов, но армия – армия постаревших солдат – все шла вперед. Вот только чуть круче начал казаться королю и каждому в его войске склон, да и дышали они с большим трудом. А Время призвало еще несколько лет, и один за другим обрушило эти годы на Карнита Дзо и на каждого из его людей. И колени у воинов перестали сгибаться так легко, как прежде, и отросли у них бороды и подернулись сединой, и волосы на их головах становились все белее и белее, по мере того как дни и часы с шелестом проносились над ними, а годы торопились вперед и уносили прочь молодость; так продолжалось до тех пор, пока под самыми стенами замка Времени не столкнулись они с целой ордой воющих лет и не обнаружили вдруг, что здесь, на самом верху, склон стал слишком крутым для пожилых мужчин. И тогда король отдал приказ, и армия стариков, преследуемых лихорадкой и ревматизмом, неловко и с трудом отступила по круче вниз.

Медленно вел король назад своих воинов, над чьими головами с песнями триумфа и победным свистом проносились месяцы. Годы сменяли друг друга, а они все шли на юг, шли по дороге на Зун; так, с ржавчиной на копьях и с сединой в развевающихся бородах, армия вернулась в Астарму, но там их никто не узнал. То же повторилось и в бесчисленных селениях и городах, в которых они уже побывали однажды, пытливо выпрашивая о том, где отыскать своего врага. Когда же они подходили к дворцам и садам, где когда-то поджидали Время в засаде, то обнаруживали, что оно уже посетило их.

И неизменно их вела за собой надежда, что в конце концов они вернутся в Зун и снова увидят его золотые карнизы, но ни один из воинов не догадывался, что мрачная фигура Времени незримо, тайно следует за ними, одного за другим нагоняя отставших и погребая их под горами часов; вот только с каждым днем воинство недосчитывалось нескольких солдат, да все меньше и меньше оставалось ветеранов в армии Карнита Дзо.

И все же после многих и многих месяцев пути, в конце ночного перехода перед самым наступлением утра, рассвет вдруг засиял на карнизах Зуна, и громкий крик прокатился по рядам армии:

– Алатта! Алатта!

И лишь подойдя ближе, воины увидели, что ворота заржавели, что высокая трава проросла вдоль внешних городских стен, что многие крыши провалились, а щипцы прогнулись

и почернели и что золотые карнизы сияют совсем не так, как бывало прежде. Вступив же в город, солдаты, надеявшиеся увидеть своих сестер и любимых постаревшими на несколько лет, прошедших со дня разлуки, увидели лишь морщинистых дряхлых женщин, среди которых не узнали никого.

Внезапно кто-то сказал:

– Оно побывало и здесь...

И солдаты поняли, что пока они разыскивали Время, оно напало на их город, осадило его множеством лет и наконец, пока сами они скитались в далеких краях, захватило Зун и поработило их жен и детей, согнув их ярмом старости. Тогда все воины, что остались от воинства Карнита Дзо, обосновались в завоеванном Временем городе, а вскоре орды Зинара перешли через реку Эйдис и без труда одолели армию стариков. Они захватили Алатту, и с тех пор их короли правили в Зуне. Порой зинарцы слышали удивительные истории, которые рассказывали самые старые из жителей Алатты о тех годах, когда они бились против самого Времени; некоторые из легенд, которые они запомнили, зинарцы передали дальше и донесли до нашего времени; и это, пожалуй, все, что может быть рассказано о безрассудных и отважных армиях, которые отправились на войну со Временем, чтобы спасти мир и богов, но были побеждены течением часов и лет.

Милость Сарнидака

Хромоногий мальчик по имени Сарнидак пас овец на холмах к югу от города. В городе его вечно осыпали насмешками, ибо был он недоростком, и даже женщины говорили о нем так:

– Как смешно, что Сарнидак уродился карликом! – и показывали на него пальцем.

Или:

– Это Сарнидак-лилипут; мало того, что он уродец, так он еще и колченог!

Но однажды на рассвете врата всех на Земле храмов широко распахнулись, и Сарнидак, сидя со своими овцами на вершине холма, увидел, как по белой дороге идут на юг странные фигуры. Все утро напролет он смотрел на клубы пыли, поднимавшиеся над удивительной процессией, которая, никуда не сворачивая, двигалась в южном направлении – туда, где высились Найдунские холмы и где белесая пыльная дорога пропадала из вида.

Хоть и сутулились эти странные фигуры, выглядели они выше обычных людей; Сарнидаку же все люди казались очень большими, да и пыль мешала ему как следует разглядеть, кто это идет по дороге. Тогда Сарнидак закричал им, как окликал он всех путников, что проходили мимо него по длинной белой дороге, но ни один не посмотрел ни влево, ни вправо, и никто не повернулся, чтобы ответить Сарнидаку. Но и это не было удивительно, ибо мало кто отвечал ему – маленькому хромоному карлику.

Неясные фигуры все шли и шли мимо, шли торопливо и быстро, слегка наклонясь вперед, словно вглядываясь сквозь пыль, и в конце концов Сарнидак бегом спустился со своего холма, чтобы рассмотреть незнакомцев вблизи, однако когда он достиг обочины пыльной дороги, последний из путников уже миновал его, и тогда Сарнидак, прихрамывая, побежал за ними.

Надо сказать, что Сарнидак изрядно устал оттого, что все в городе насмехались над ним и дразнили его, и потому, увидев торопящихся вдаль странных прохожих, подумал, что они, наверное, спешат в какой-нибудь другой скрытый за холмами город – такой, где солнце светит ярче; где всегда много еды (ибо Сарнидак был беден), да к тому же он надеялся, что тамошние жители, быть может, не станут смеяться над ним. И вереница странных фигур, которые, даже согбенные, выглядели выше людей, продолжала быстро двигаться на юг, а за ней торопливо ковылял хромоногий карлик.

Город Хамазан, который ныне именуется Градом Последнего Храма, расположен как раз к югу от цепи Найдунских холмов. А вот история, рассказанная Помпеидесом, который стал главным проповедником единственного в мире храма и величайшим пророком из всех, что когда-либо были.

– Высоко над Хамазаном на склонах Найдунских холмов сидел я, когда в свете утра вдруг узрел множество странных фигур, которые шагали сквозь облака пыли прямо по дороге, из края в край пересекающей наш мир. Поднявшись по склону, они приблизились ко мне своей нечеловеческой походкой, и вскоре первый из них достиг вершины холма, где дорога переваливает через его гребень и снова спускается вниз, в долину, в сердце которой лежит Хамазан. И тут – я готов поклясться всеми покинувшими нас богами – все и случилось, случилось именно так, как я собираюсь поведать, и сомневаться в этом нет никаких оснований. Когда фигуры, которые широким шагом поднимались на холм, достигли самой его верхушки, они не пошли по дороге, которая ведет вниз, попирая ступнями пыль, что покрывает ее, но продолжали идти как прежде, все выше и выше, словно подъем не закончился и дорога не нырнула в долину; и шаг их оставался размеренным и быстрым, будто под ногами их оставалась неподатливая твердь, хоть и поднимались они прямо по воздуху.

Это были боги, ибо не могли быть смертными Они, уходившие в тот день с Земли столь странным образом.

Когда же я увидел это, первые трое уже отделились от вершины холма, и тогда я закричал тому, кто шел четвертым:

«О боги моего детства, хранители утлых домашних очагов! Куда уходите вы, оставляя нашу маленькую круглую Землю в одиночестве плыть сквозь безбрежную пустыню небес?»

И один из Них ответил мне:

«Ересь опалает весь мир своим страшным пламенем, тускнеет вера людская – и боги уходят. Ветер и плющ встретятся в пустых алтарях в храмах старых богов, и тогда человек создаст божества из железа и стали».

И тогда я оставил свое место на вершине холма, словно человек, который на пороге ночи покидает свет костра и, идучи вниз по белой дороге, по которой спеша поднимались мне навстречу боги, умолял каждого из тех, кто проходил мимо меня, последовать за мной; так, плача, достиг я городских ворот. Здесь я остановился и воззвал к людям, что собрались там:

«С вершины вон того холма боги покидают Землю!»

Так мне удалось собрать многих, и вместе побежали мы к вершине холма, чтобы умолить богов задержаться, и там мы прокричали последним из уходивших:

«О боги, издревле предсказанные, владыки людской надежды! Не покидайте Землю, и наши молебны зазвучат в ушах Ваших, как никогда прежде, а алтари снова огласятся криками жертвенных животных».

А я сказал:

«Боги тихих вечеров и молчаливых ночей, не уходите с Земли и не покидайте Ваших резных святилищ, и тогда все люди станут поклоняться Вам, как бывало раньше. Смилуйтесь, ибо дорогу между нами и этими голубыми пространствами стерегут свирепые громы и бури. Там таятся в засаде мрачные затмения, там всегда наготове свирепые бураны, холодный град и обжигающие молнии, которые в течение сотен тысяч лет будут обрушиваться на нашу Землю. О боги нашей надежды! Как преодолеть сии страшные пространства людским молитвам, как им не затеряться среди громов и штормов и добраться до того удивительного места, куда чрез голубую равнину небес торопятся уходящие боги?»

Но боги все шли вперед и, попирая ногами воздух, не глядели ни налево, ни направо, ни даже вниз, и никто из них не внял моим мольбам.

И тогда один из тех, кого я привел с собой, вскричал, в надежде задержать богов, которых оставалось уже так мало:

«О боги! Не лишайте Землю задумчивой тишины, что окружает все ваши храмы; не отнимайте у мира его романтического очарования; не похищайте ни волшебства лунного света, ни таинственного молчания, что купается в плывущих над долинами белесых туманах, ибо, покинув Землю, Вам, о боги младенческих лет мира, придется забрать с собой все его тайны морские и всю притягательную красу его седой древности, лишив далекое и неясное будущее всякой надежды. Не будет больше городов, которые по ночам становятся удивительными и незнакомыми, понятными лишь наполовину; не станет больше сумеречных напевов, и все чудеса умрут вместе с прошлогодними цветами, что росли в маленьких садах на южных склонах холмов. Вместе с богами уйдет с Земли колдовское очарование долин и магия дремучих лесов, и даже тишине раннего рассветного часа будет недоставать самого главного, ибо навряд ли возможно богам покинуть Землю, не забрав всего, что Они когда-то ей дали. Там, за безмятежными голубыми далями, Вы и сами будете нуждаться и в священной красоте заката, и во всех маленьких драгоценных воспоминаниях, и в захватывающем волнении и восторге, которые неизменно рождаются сказками, много лет назад слышанными у очага. Одна музыкальная фраза, одна песня, одна поэтическая строчка и один поцелуй или воспоминание о заросшем тростником озере – это лучшее, что у нас есть, и все это боги должны забрать, уходя, и вернуть тому, кому это принадлежит.

Так восплачьте же, жители Хамазана, восплачьте по всем чадам земным у ног уходящих богов! Скорбите по детям Земли, которым придется отныне нести свои молитвы к пустым алтарям и отыскивать вокруг них свое успокоение!»

Но вот наши молитвы затихли и слезы иссякли, и мы заметили, что последний, самый маленький из богов, замешкался на вершине холма. Дважды он обращался к ним, ушедшим, с протяжным криком, несколько похожим на тот, каким наши пастухи сзывают свои стада, и долго потом глядел им вслед, пока наконец не отворотил от них свой взор и, решив задержаться на Земле, не удостоил людей взглядом. И тогда все люди, что собрались на холме, громко закричали от радости, ибо увидели мы, что надежды наши спасены и что на Земле все еще есть прибежище для наших молитв. Меньше человеческого роста казались теперь поднимающиеся все выше фигуры, шагавшие друг за дружкой над нашими головами и выглядевшие такими большими. Зато пожалевший Землю маленький бог спустился вместе с нами по той же белой дороге, и было заметно, что походка его совсем не такая, как у людей; и вместе с нами он вошел в Хамазан. Здесь мы поселили его в царском дворце, ибо тогда храм из золота еще не был построен, и сам царь принес жертву смиловившемуся над миром, и маленький бог вкусил мяса этой жертвы.

Божественная Книга Знания из Хамазана рассказывает, как маленький бог, который в последний миг сжался над Землею, поведал своим пророкам, что его имя Сарнидак и что он пасет овец; потому теперь его называют богом пастухов и трижды в день приносят ему на алтарь тонкорунную овцу. Север, Восток, Запад и Юг считаются ныне пределами пастбища Сарнидака, а белые облака – его овцами. И еще божественная Книга Знания учит, что день, когда Помпеидес заметил богов, должен теперь вовек считаться постным и носить название Поста Исхода, и лишь вечером пост заканчивается и начинается праздник, который именуется Пиршеством Милости, ибо именно в это время Сарнидак смиловился и остался на Земле.

И все жители Хамазана молились Сарнидаку и продолжали лелеять свои мечты и взращивать свои надежды, потому что храм в их городе не был необитаем. Были ли ушедшие боги могущественнее Сарнидака – никто в городе не знает, но некоторые верят, что Они зажигают огни в Своих голубых окнах, чтобы, пробиваясь вверх, заблудившиеся молитвы смогли, подобно летящим на пламя свечи мотылькам, отыскать свой путь и обрести наконец пристанище и свет за неподвижностью и покоем вечерних сумерек, выше которых восседают боги.

А Сарнидак дивился на странные фигуры богов, дивился на жителей Хамазана, на роскошь царского дворца и на обычаи проповедников, однако чему бы то ни было в Хамазане

он удивлялся едва ли больше, чем в том городе, который когда-то оставил. Ибо Сарнидак, не понимавший, почему раньше никто никогда не был к нему добр, считал, что он наконец-то попал в тот благословенный край, надежду найти который подали ему боги, – край, где люди не будут жестоки к маленькому хрому карлику.

Шутка богов

Однажды Древние боги задумали посмеяться. И вот создали Они душу царя и вложили в нее честолюбие более великое, нежели пристало царям, и ненасытное стремление подчинить себе новые земли, равного которому не знали иные цари; и наделили они душу непомерной силой, превосходящей силу всех прочих, и неистовой жадой власти, и неумной гордыней. И вот Боги указали вниз, на землю, и послали душу эту в людские уголья, и заключили ее в тело раба. И вот раб возмужал, гордыня и жажда власти пробудились в его сердце, но руки его сковывали кандалы. Тут-то боги в Своих Сумеречных угольях и приготовились всласть посмеяться.

Но раб отправился к берегам великого моря, и сбросил телесную оболочку вместе с кандалами, и возвратился в Сумеречные уголья, и предстал перед богами, и взглянул Им в лицо. Такого боги, готовясь посмеяться, не предвидели. Жажда власти жарко пылала в душе этого царя, и нимало не убыви сила и гордость, что вложили сами же боги, и оказался царь слишком могуч для Древних богов. Тот, чье тело испытало на себе удары людских плетей, не желал более мириться с владычеством богов, и, стоя перед Ними, он повелел богам уходить. Гнев Древних богов, казалось, уже готов был излиться с их уст, ибо впервые слышали Они слова приказания, но не дрогнула душа царя, и гнев Их угас, и Они потупили взоры. Тогда опустели Их троны, и покинуты были Сумеречные уголья, ибо боги неслышно удалились далеко прочь. Душа же избрала себе новых сподвижников.

Сны пророка

I

Когда боги повелевали мне трудиться, насылали на меня жажду и изнуряли голодом, я слал им свои молитвы. Когда боги уничтожали города, в которых я жил, когда опалял меня Их божественный гнев, я восхвалял Их и приносил Им жертвы. Но когда вернулся я в мою зеленую долину и увидел, что все сгнуло, что нет более старинного пристанища, где играл я ребенком, ибо боги уничтожили даже самый прах и не оставили паутины в углах, проклял я богов и сказал так:

– Боги молитв моих! Боги, которым приносил я свои жертвы! Вы покинули святые места моего детства, и не стало их больше, а потому я не могу вас простить. Коли содеяли Вы такое, остынут Ваши алтари, и не изведаете Вы ни моего страха, ни моей хвалы. Не устрашат более меня Ваши громы и молнии, и не испугаюсь я, ежели Вы отвернетесь от меня.

Так стоял я, глядя в сторону моря, и слал проклятья богам, когда подошел ко мне некто, одетый так, как одеваются поэты, и молвил:

– Не проклинай богов.

На что я ответил ему:

– Отчего бы не проклипать мне Тех, кто, как вор в ночи, лишил меня самого святого и осквернил сад детства моего?

Тогда сказал он:

– Пойдем, взгляни, что я покажу тебе.

И я последовал за ним туда, где, устремивши глаза в пустыню, стояли два верблюда. Усевшись на них, мы отправились в далекий путь. Ни слова не проронил мой спутник, пока не достигли мы наконец широкой долины, укрытой в сердце пустыни. И там я увидел белые, будто залитые лунным светом, кости, выступавшие из песка и громоздившиеся выше песчаных дюн. Повсюду лежали огромные скелеты, похожие на беломраморные купола дворцов, строившихся согнанными со всех краев рабами для деспотов-царей.

Там же виднелись кости рук и ног, уже наполовину утонувшие в зыбучих песках. И когда смотрел я в изумлении на эти останки, поэт сказал мне:

– Боги мертвы.

А я после долгого молчания ответил:

– Эти мертвые пальцы, белые и неподвижные, некогда оборвали цветы в садах моей юности.

Но мой спутник возразил мне:

– Я привел тебя сюда, чтобы испросить прощение богам, ибо я, поэт, знался с богами и должно мне ныне развеять проклятья, что витают над их останками, и принести им людское прощение как последнюю жертву, покуда не покрылись они мхом и плевелами и не сокрылись навсегда от солнечного света.

И сказал я:

– Это Они сотворили Тоску – покрытую серой шерстью тварь с когтистыми лапами; и Боль с жаркими ладонями и шаркающими ступнями; и Страх с его крысиной ледяной хваткой; и Ужас с горящими очами и стрекозиным шелестом крыльев. Нет моего прощения этим богам.

Но поэт опять возразил мне:

– Можно ли питать ненависть к этим красивым белым костям?

И долго смотрел я на причудливо изогнутые прекрасные кости, которые не могли более причинить зла даже самой ничтожной из тварей своих. И долго думал я о том зле, которое Они совершили, но также и о благе. И когда вспомнил о руках, трудившихся над созданием цветка примулы, что сорвет дитя, я простил богов.

И тогда ласковый дождь пролился с небес, и зыбучие пески улеглись, и поднялся нежный зеленый мох, превративший кости в причудливые холмы, и я услышал крик и проснулся, поняв, что спал, выглянул из окна и увидел, как молния поразила ребенка. Тогда мне стало ясно, что боги еще живы.

II

Я заснул в долине Алдерон, в маковых полях богов, куда Они являются на совет ночами, пока луна стоит еще низко. И открылась мне тайна.

Судьба и Случай сыграли свою игру, и все сгинуло: все надежды, и слезы, сожаления, желания и печали, все, о чем плачут люди, и все, о чем даже не вспоминают, все царства и сады, и море, и миры, и луны, и солнца; а что осталось, было ничем, без цвета и без звука.

И тогда Судьба сказала Случаю:

– Давай-ка сыграем в нашу игру старинную сызнова.

И они сыграли опять, и вновь фигурами у них были цари, как и прежде. И вот опять стало то, что уже было, и на том же берегу, в той же земле внезапный луч солнца тем же весенним днем разбудит тот же желтый нарцисс, и то же дитя сорвет его, и никто не пожалеет о миллиардах лет, что пролегли между тем днем и этим. И опять можно будет увидеть те же лица старцев, еще не избавившихся от тяготеющих над ними забот. А ты да я снова встретимся в саду однажды летом, после полудня, когда солнце на полпути от зенита к кромке моря, там же, где мы встретились прежде. Потому что Судьба и Случай играют лишь в одну игру, и ходы в ней все те же, и играют они раз за разом, чтобы проводить вечность.

Часть II

Странствие царя

I

Однажды царь обратился к женщинам, что плясали для него, и повелел: «Не надо больше танцев», и тех, что подносили вино в украшенных драгоценными камнями кубках, отослал прочь. Во дворце царя Эбалона умолкли звуки песен, а на улицах раздались голоса глашатаев, созывавших со всего края пророков.

Плясуны же, виночерпии и певцы разошлись по городу. Были среди них Трепещущий Лист, Серебряный Ручей и Летняя Молния – танцовщицы, чьим стопам боги предначертали не хождение по каменистым тропам, а услаждение взоров принцев. Шла с ними и певунья Душа Юга, и другая, сладкоголосая Мечта Моря, чьим даром пленялся тонкий слух царей. И почтенный Истан, виночерпий, оставил труд своей жизни во дворце, чтобы пойти вместе с прочими, он, стоявший за плечом трех царей Зарканду, следя, как старинное вино наполняет их мужеством и весельем, точно воды Тондариса, питающие зеленые долины юга. Невозмутимо стоял он, глядя на забавы царей, но сердце его согревалось огнем их радости. Теперь же он вместе с певцами и плясуньями шел во тьме.

А тем временем гонцы по всей стране искали пророков. И вот к ночи во дворец Эбалона привели всех, кто славился мудростью и писал истории будущих времен. И молвил он такие слова:

– Царь отправляется в странствие, много коней будут сопровождать его, но он не сядет ни на одного из них. Стук копыт да услышат на улицах, и звук лютни, и дробь барабана, и имя царя. А я посмотрю, что за правители и что за народ встретят меня в тех землях, куда я прибуду.

И царь повелел замолчать пророкам, которые зашептали:

– Превыше всего мудрость царя.

А потом он сказал так:

– Ответствуй первым, Саман, верховный жрец Золотого храма Азинорна, не оставишь ли ты истории будущих времен и не обрменишь ли десницу свою летописью ничтожных событий проходящих дней, как поступают простодушные?

И отвечивал Саман:

– Превыше всего мудрость царя. Когда шум царского шествия услышат на улицах, и медленные кони, на которых не воссядет царь, последуют за лютнистами и барабанщиками, тогда, как ведомо царю, приблизится он к великому белому дому царей и, ступив на крыльцо, куда никто другой не смеет взойти, в одиночестве поклонится всем бывшим царям Зарканду, что, сжимая скипетры костлявыми пальцами, покоятся на золотых тронах. Оттуда в царских одеждах и со скипетром проследует он на мраморное крыльцо; но должен снять он свой блистающий венец, дабы несли его за ним вслед, покуда не достигнет белого дворца, где восседают на золотых престолах тридцать царей. Только один вход ведет в тот дворец, и двери его широко распахнуты, а мраморные своды ожидают, чтобы под ними прошествовал ты, о царь. Но когда пройдешь ты это крыльцо и воздашь должное тридцати царям, увидишь еще одну дверь, чрез которую может проникнуть лишь душа царя, и, оставив прах свой на золотом троне, невидимым покинешь ты белый дворец, чтобы ступить на бархатные луга, что лежат по ту сторону миров. Тогда, о царь, надобно идти спешно и держаться жилищ людей, как делают души тех, кто оплакивает свою внезапную смерть, пославшую их в это странствие раньше урочного часа,

или тех, кто не желает еще пуститься в него, укрываясь ночами по темным углам. С зарей отправляются они в назначенный путь и проводят в дороге весь день, но манит их земля, и, не желая расставаться с привычным наваждением, возвращаются они в сумерки сквозь темнеющие леса в излюбленное свое жилище и так вечно скитаются между мирами, не находя покоя.

Ты же должен немедленно пуститься в дорогу, ибо далека она и долга; но время на бархатных лугах – это время богов, и не нам судить, сколько длится один час по земным меркам.

Наконец достигнешь ты серого дворца, налитанного туманом, со стоящими перед ним серыми алтарями, откуда подымаются вверх крохотные язычки пламени затухающего огня, которому не под силу пробить завесу тумана. Огонь горит низко над полом, и потому туман темен и холоден. То алтари веры, а языки пламени – знаки поклонения людей, и по ним, сквозь туман боги Древности нащупывают путь в холоде и мраке. Там услышишь ты слабое стенанье: «Иньяни, Иньяни, повелитель грома, где сокрылся ты от глаз моих?» И едва различимый голос донесется в ответ из серых глубин: «О творец многих миров, здесь я». Боги Древности почти глухи, ибо молитв человеческих становится все меньше числом. Они почти слепы, ибо угасают огни веры и не могут одолеть стужу. А за туманом стонут волны Моря Душ. Еще далее высятся неясные тени гор, и на вершине одной из них сияет серебряный свет, посылающий лучи в плачущие морские волны. И когда пламя на алтарях перед богами Древности умирает, свет на горе разгорается ярче, и лучи его достигают места, где клубится туман, но не могут проникнуть сквозь него, и тогда слепнут боги Древности. Говорят, будто огонь на горе станет некогда новым богом, не из сонма богов Древности.

По берегу, где стоят покрытые туманом алтари, сойдешь ты, о царь, к Морю Душ. В море этом пребывают души всех, кто когда-либо жил в мирах, и всех, кто еще будет жить, и все они свободны от оков плоти и праха земного. Все души в том море знают друг о друге больше, чем можно познать глазом или ухом, прикосновеньем и другим земным чувством, и говорят они между собой не губами, но голосами, которым не надобен звук. И льется над морем музыка, точно ветер шумит над океанским простором земли, – то свободные от пут языка великие мысли путешествуют от души к душе, словно реки земные.

Снилось мне однажды, что в челне, сотканном из тумана, выплыл я в это море и услышал музыку, что была не от рук и губ людских, и голоса не от уст людских. Но, пробудившись, узрел я себя на земле и понял, что лгали мне боги в ту ночь. Сюда в море стекаются с полей битв и из городов реки жизней, и прежде чем боги изопьют из ониксовой чаши, необъятным потоком изольются в миры души их моря, и всякая обретет свою темницу – тело человека с пятью густо зарешеченными оконцами, каждое из которых забрано броней забвения.

Но пока еще разгорается огонь на вершине горы и никто не в силах предсказать, что сделает с Морем Душ бог, которому суждено родиться из серебряного света, после того как опочиют боги Древности, – оно живет.

И сказал тогда царь:

– Так вот каково искусство твое, пророк богов Древности; ступай же и бди, дабы язычки пламени ярче пылали на алтарях в тумане, ибо боги Древности просты и добры, но кому ведомо, что станет с нашими душами, когда сойдет на берег, где забелеют кости богов Древности, бог света с горы?

И ответил Саман:

– Превыше всего мудрость царя.

II

Тогда царь призвал Ината, повелев ему сказать о странствии царя.

Инат был пророк храма Горанду у Восточных ворот. Оттуда возносил Инат свои молитвы ко всем, идущим мимо, ибо вдруг окажется среди них бог в обличье смертного. И люди, про-

ходя Восточными воротами, радовались, что к ним обращаются молитвы Ината, словно они боги, и приносили ему свои дары.

И сказал Инат:

– Превыше всего мудрость царя. Когда чужеземный корабль бросит якорь в виду твоего дворца, ты покинешь свой ухоженный сад, и зарастет он дикой травой. Сев на корабль, поднимешь ты парус в сторону Моря Времени, и побежит он по волнам многих миров все дальше и дальше. Ежели встретишь ты на пути другой корабль и спросят тебя – откуда плывете? – ответствуй: с Земли. А ежели спросят – куда держите путь? – ответствуй: на край миров. А захочешь ты спросить их – откуда плывете? – ответят тебе: с края миров, который зовется и началом, а путь держим к Земле. И так будешь ты плыть, покуда, словно древняя печаль, смутно ощущаемая людьми в минуту счастья, не забрезжат в дали миры, подобно путеводной звезде, и прибьешься ты к берегу, где века, с грохотом накатываясь из Моря Времени на отмель, разбиваются на столетия и превращаются в пену лет. Там вдоль всего берега растет Главный сад богов. Песни, которых не поют нигде на земле, честные мысли, которых не услышишь в мирах, дивные видения, каких не увидишь более нигде, не находя приюта, проходят сквозь Время, пока наконец века не вынесут их на берег. В Главном саду богов цветет множество фантазий.

Однажды некие души играли на пути богов. На гребне волны Времени явилась мечта прекрасней всех, и одна из душ устремилась за ней и поймала ее. Тогда над видениями, историями и старинными песнопениями, что возлежали на берегу, молнией пронеслись часы, века подхватили эту душу, а века унесли его подальше к земле, забросили во дворец и оставили наедине друг с другом. Ребенок вырос и стал царем, а мечта неотступно следовала за ним, вызывая удивление и смех. Тогда, о царь, бросил ты свою мечту обратно в море, и Время поглотило ее, а люди перестали смеяться, но ты не забыл, что есть такое море, которое бьется о далекий берег, где растет сад и обитают души. Но в конце своего странствия, когда ты опять ступишь на берег, надобно подойти тебе к воротам, ведущим в сад, и бывшее оживет перед тобой, ибо это место, где ход часов не властен над временем и ничто не меняется там. Ты войдешь в ворота и вновь услышишь тихий шепот душ и голоса поющих богов.

Там, как в былые времена, будешь ты беседовать с лучшими из душ и поведаешь им, что случилось с тобой, как унес тебя прилив времени, как сделался ты царем, а душа твоя не нашла покоя. Там, в Главном саду, умиротворишься ты, глядя, как боги, окутанные облаками, шествуют по тропинкам грез и песен, и не захочешь более спускаться к неприветливому морю. Ибо то, что достойно любви, следует искать по ту сторону Времени, а прочее лишь дым и суета.

Превыше всего мудрость царя.

И молвил царь:

– Да, была некогда мечта, да время унесло ее прочь.

III

Тогда заговорил Монит, пророк храма Азура, что стоит на снежной вершине горы Амун, и молвил он такие речи:

– Превыше всего мудрость царя.

Некогда выехал ты верхом на коне в недалекий путь. Случилось идти пред тобой по той же дороге нищему по имени Иб. Не слышал он конского топота, и, настигнув его, твой конь ударил его копытом.

В другой день, когда шествовал ты пешим, тот же нищий снова оказался на твоём пути, осторожно делая шаги по хрустальной лестнице к луне, будто взбираясь ночной темнотой по ступеням высокой башни. У края луны в тени горы Ангисес следовало ему немного отдохнуть и вновь идти дальше. Долгий путь предстояло ему пройти, прежде чем выпадет ему снова отдых у звезды, которую называют Левым Глазом Гундо. Оттуда перед Ибом проляжет новый путь по

хрустальным ступеням, и некому будет вести его, кроме света Омразу. У края Омразу сможет он отдохнуть подольше, ибо труднейшая часть пути будет уже позади. А потом вновь ступит он на хрустальные ступени над Омразу, и не будет у него спутников, только с грохотом проносящиеся по небу метеоры; в этой части хрустальных небес множество метеоров прорезает мглу, пугая тех, кто дерзнул сюда забрести. Но ежели проникнет взор странника сквозь сверканье метеоров и не убоится он их грохота, то попадет к звезде Омрунд, что на краю Звездного Пути. А по этому Пути, странствуя от звезды к звезде, душа человеческая легко доберется туда, откуда дорога пойдет не прямо, а заберет вправо.

Тут прервал его царь Эбалон:

– Довольно рассказал ты нам о нищем, что угодил под копыто царского коня, но мы желаем услышать, какой путь избрать царю в его последнем странствии и каких людей, каких царственных особ надлежит повстречать ему на иных берегах.

И отвечивал Монит:

– Превыше всего мудрость царя.

Предначертано богами (а боги не оставляют праздных скрижалей), что надобно тебе следовать за душою, что отправилась в одинокое странствие по хрустальной лестнице, где не ступала прежде ничья нога.

Начав свой путь, нищий тот дерзнул проклясть царя, и проклятья его остались лежать красным туманом в долинах и впадинах, где он бросал их. Ключья красного тумана, о царь, станут вехами на твоём пути, и пойдешь ты по ним, подобно пловцу, рассекающему волны в ночной мгле, покуда не достигнешь земли, где благословит тебя тот нищий (избыв наконец свой гнев), и узришь ты его благословенье, словно золотым солнечным блеском освещающее поля и сады.

Тут молвил царь:

– Говорят, на снежной вершине горы Амун обитают недобрые боги.

А Монит ответил:

– Мне неведом путь к берегу, о который хлещут приливы времени, но сказано, что прежде надлежит тебе последовать путем нищего за луной, Омрундом и Омразу, пока не войдешь на Звездный Путь, откуда возьмешь вправо и достигнешь Ингази. Долго сидела там душа нищего Иба, а потом, глубоко вздохнув, начала свой длинный путь на восток вниз по хрустальной лестнице. Идучи сквозь пространства, лишённые звезд, где могла бы отдохнуть душа его, проверяя путь свой по туманному свечению земли, дойдет он наконец туда, где конец и начало всем странствиям.

И вновь молвил царь Эбалон:

– Если правдив твой суровый сказ, как найду я нищего, чтобы следовать за ним обратно на землю?

И пророк ответил:

– Ты узнаешь его по имени его, а найдешь его здесь, ибо зовется нищий тот царем Эбалоном и восседать будет на троне царей Зарканду.

На что сказал царь:

– Ежели сидеть на этом троне тому, кого люди зовут царем Эбалоном, кем же буду я?

На что пророк ответил так:

– Тебе быть нищим, и имя твоё будет Иб, и назначено тебе бродить по дороге возле дворца, ожидая милости царя, которого люди называют Эбалоном.

Тогда молвил царь:

– Жестокосердны боги, что обитают в снегах Амуна у храма Азур, ибо если согрешил я против нищего по имени Иб, согрешили против него и они, обреки безвинного на тяжкие скитания.

И сказал Монит:

– И на нем лежит вина, ибо разгневался он, когда ударил его копытом твой конь, и боги покарали его за тот гнев. Гнев и проклятья обрекли его на вечные скитанья, которым обречен и ты.

Молвил опять царь:

– Ты, что восседаешь на горе Амун в храме Азура, погрузившись в виденья и пророчествуя, прозри же провидческим оком конец этим испытаниям и ответь, где будет он?

И отвечивал Монит:

– Подобно тому, кто скользит глазом по глади великих озер, устремлялся я взором в грядущее, и подобно тому, как четырехкрылые стрекозы снимаются с голубых вод, так виденья мои парами выплывают из грядущего. Видел я, что тот царь Эбалон, чья душа была не твоей душою, стоял некогда в своем дворце, а на улицах толпились нищие, и между ними – Иб, тот, в ком жила душа твоя. Было то утро празднества, и царь явился убранным в белые одежды, в окружении пророков, мудрецов и чародеев, и все они сошли по мраморным ступеням вниз, дабы благословить землю и всех, кто стоял на ней до самых пурпурных холмов, ибо было утро празднества. И когда простер царь руку свою над головами нищих, благословляя поля и реки, и всех, кто стоял на земле, увидел я, что пришел конец испытаниям.

Превыше всего мудрость царя.

IV

Сгущалась вечерняя мгла, и над куполами дворца засветились звезды, надежно хранившие свои тайны.

А во мраке, окружавшем дворец, те, что некогда разливали вино в драгоценные кубки, тихими голосами судили царя и мудрость его пророков.

И заговорил Инар, называемый пророком Хрустальной Вершины.

Превыше всех гор подымается в той земле гора Аманат, а у подножья ее стоит храм Инара, и когда отгорает свет дня, ее Хрустальная Вершина ловит лучи солнца и посылает на темную землю, подобно зажженному в ночи маяку. И в час, когда все лица обращены к горе Аманат, Инар с Хрустальной Вершины разгоняет дурные чары и, как говорят люди, подает знаки богам. Когда мир покоится в ночной тиши, Инар беседует с богами.

И сказал Инар:

– Превыше всего мудрость царя.

Верно дошли до тебя, о царь, некие речи с вершины Аманата.

Беседовавшие со мной у Хрустальной Вершины пришли из города, по улицам которого не гуляет смерть, и поведали мне их старейшины, что не отправится царь ни в какое странствие, но исчезнут с глаз твоих холмы и темные леса, небо и все сверкающие в ночи миры, и не ступит твоя нога на зеленые луга, и не упадет взор твой на синеву небес, а реки, текущие к морям, не донесут до твоих ушей музыку своих вод. Понапрасну станут изливаться стенания из уст детей земли – не коснутся они тебя, и слезы из глаз их не растопят холод твоего сердца. Болезни, жара и холод, невежество, голод и злоба – все напасти искогтят народ твой, находя свои жертвы повсюду – в полях, на дорогах и в городах, но ни одно из этих бедствий не коснется тебя. И когда минует все и душа твоя, приютившись на перекрестке миров, стряхнет с себя прах мирских сует, в одиночестве своем насладишься ты своими видениями.

И почудится тебе, что грезы твои истинны, ибо не будет в мире ничего, кроме тебя и твоих снов.

И возведешь ты из грез своих воздушные дворцы и города, которым не страшны станут ни разрушительное время, плющ и ржавчина, ни набеги завоевателей. Лишь ты один властен будешь уничтожить или перестроить их, ежели пожелаешь. Ничто не потревожит грез твоих, коим здесь угрожают земные бури и волнения, как отдыху горожанина, заснувшего среди люд-

ского гомона. Ибо грезы твои вольным потоком могучей реки зальют бесплодные равнины, где не за что зацепиться глазу, и не будет этому простору ни конца, ни края, и ничто не помешает ему нести свои воды. И надобно бы тебе поместить в том новом твоём владении немного печали и сожаления о дурных поступках своих, чтобы память о них навсегда приютилась в душе твоей, ведя свою жалостливую песнь; и память та тоже будет всего лишь сном, но сном правдивым.

Никто не потревожит тебя в твоих видениях, ибо даже боги не властны будут над тобой, покуда не сгинут плоть, земля и течение событий, которым они тебя обрекли.

И молвил тогда царь:

– Не по душе нам твоё пророчество, ибо пусты праздные мечтанья, отраден нам шумный мир деяний и страстей человеческих.

А пророк ответил:

– Победы, драгоценные камни, пляски девушек – тщета, что тешит твою прихоть. Блеск жемчужины обманчив, ибо рожден воображеньем, а оно есть лишь мечтанье. Деянья и страсти человеческие – ничто, ежели не вызрели они в мечтах и не питают мечтаний, ибо одни лишь грезы истинно существуют, и там, где пребудешь ты, когда настанет конец мира, станут жить лишь виденья.

И молвил царь:

– Безумен пророк.

А Инар ответил:

– Безумен, но верит, что душа его владеет всем, знаньем о чем наполнится, и что сам он хозяин души своей; а ты, надменный царь, уверен лишь в том, что твоя душа обладает некими землями, охраняемыми войском и морским пределом, а сама она – в чуждых руках богов, кои неведомы тебе и вольны распорядиться ею как пожелают. И покуда не снизойдет на нас весть, что оба мы во власти заблуждений, я могущественней тебя, о царь, и нет надо мной властителей.

И сказал царь:

– Ты говоришь, что нет над тобой властителей; с кем же беседуешь ты, посылая непонятные знаки в надмирные края?

Тогда Инар, сделав несколько шагов, прошептал что-то царю. И вскричал царь:

– Схватите этого пророка, ибо он лжец и не беседует по ночам с богами, а обманывает нас своими пустыми знамениями!

А Инар ответил:

– Не приближайтесь ко мне, не то я укажу на вас, когда ночью буду вещать с горы Тем, о ком вы знаете.

И пошел прочь Инар, и стражники не тронули его.

V

Потом заговорил пророк Тун, закутанный в водоросли; не было у него храма, и обитал он вдали от людей. Всю жизнь провел он на пустынном берегу и слышал только шум моря да вой ветра в утесах.

Говорили, что долгая жизнь наедине с морем и ветром отучила его от людских радостей и чутков он стал лишь к печали моря, вечно рыдающей в его сердце.

– Давным-давно по Звездной тропе где-то в междумирье шествовали боги Древности. Присели они отдохнуть в беззвездном мраке перекрестка миров, и миры пошли кружить вокруг них, как мертвые листья в осеннем вихре, и ни в одном из них не было жизни, а боги вздыхали о том, что не могло сбыться.

Столетье за столетьем уходило своим чередом туда, где все обретает свой конец, и уносило с собой вздыханья богов, желавших того, что не могло сбыться.

Погребальная песнь Шимоно Кани

Одного за другим оставляла жизнь богов Древности, убиваемых собственными сожалениями. И Шимоно Кани, младший из богов, сделал себе арфу, натянул на нее струны сердец

старших богов и, сидя на Звездной тропе у истока творенья, играл на ней погребальную песнь богам Древности. В ней говорилось обо всех напрасных сожалениях и горестной любви богов в древние времена и об их великих деяниях во славу грядущих лет. Но в песнь Шимоно Кани проникли голоса сердечных струн богов, не перестававших печалиться о том, что не могло сбыться. И эта песнь, и эти стенанья неслись со Звездной тропы, прочь от истока творенья, как потерявшая в ночи путь птичья стая, пока не достигли миров. Каждый звук был жизнью, и множество их осталось пленниками миров, облеченными плотью на недолгий срок, откуда вновь не пустятся они в путь к великой реке Антем, что шумит у Конца Времен. Шимоно Кани дал голос ветру и одарил печалью море. И вот когда в залитых светом покоях раздается голос певца, улаждающего царя, душа его, прикованная к земному праху, рвется к собратьям. И когда при звуках этого пения сердце царя наполняется печалью, а сердца принцев – томлением, надобно, чтобы в памяти их пробудился невиданный ими печальный лик Шимоно Кани, что сидит возле усопших богов, играя на арфе и перебирая жалобные струны сердец, изливающих свои души мирам.

Когда по ночам среди холмов слышится голос одинокой лютни – то чья-то душа призывает сестер, рожденных звуками песни Шимоно Кани, что избежали мирских оков; и, не ведая, куда несется ее зов и зачем, знает он, что только в этом плаче может излить свою тоску, обратив ее к окружающей тьме.

И хотя в земных узилищах суждено погибнуть памяти о былом, случается все же, что на ногах пленника оседают пылинки дорог, по которым он некогда ступал; и в памяти его вдруг просыпаются видения прошлого. Тогда рождается великий певец и, собирая обрывки воспоминаний, создает мелодию, похожую на ту, что рождается под пальцами Шимоно Кани, когда касается тот струн своей арфы. А те, кто слышит ее, вопрошают: «Не слыхал ли я ее прежде?» – и идут дальше, обремененные горечью неслучившихся воспоминаний.

И вот когда однажды перед тобой, о царь, распахнутся ворота твоего дворца, когда выйдешь ты к народу под жалобные звуки лютни и барабана, в тот самый день надобно открыть покаянными руками дверь темницы, дабы еще один заблудший звук песни Шимоно Кани вернулся в дом своей мелодии.

Песня Шимоно Кани будет звучать до тех пор, пока однажды не обретет все свои звуки, чтобы одолеть Молчание, восседающее у Конца Времен. Тогда возвестит Шимоно Кани праху братьев-богов: «То, что не могло сбыться, сбылось».

Но недвижим пребудет прах богов Древности, лишь вновь зазвучат в сердечных струнах арфы их голоса, оплакивая то, что не может сбыться.

VI

Когда караваны, простившись с Зандарой, выходят в путь по бесплодной равнине на север в сторону Эйнанду, истекают семь дней, прежде чем они приблизятся к источнику, где высится черная скала Шаба Онат, подножье которой омывают чистые ключи, а вершину венчает буйная зелень. Здесь стоит храм Пророка Странствий, и на его южной стене красуются фигуры, обращенные к верблюжьей тропе богов – покровителей караванов.

Тут узнает путник, суждено ли ему завершить свое десятидневное путешествие по пустыне и достичь белых стен Эйнанду, или же кости его лягут рядом с теми, что давно уже покоятся по сторонам караванной тропы.

Нет имени у Пророка Странствий, ибо не нужно имени живущему в пустыне, где никто не окликнет и никто не отзовется.

И так сказал Пророк Странствий царю:

– Назначено тебе, о царь, продолжить путь, начатый давно.

За много лет до рождения луны пришел ты с караваном верблюдов-призраков из безымянного города, что раскинулся над звездами. Оттуда началось твое странствие через Великую Пустошь, и верно служили тебе верблюды-призраки, покуда многие спутники твои не легли костьми, и не засыпаны были безмолвием, и снова обратились в ничто. Те, кто лишился верблюдов, которые пали оттого, что некого стало им нести на своих спинах, потеряли дорогу и погибли в пустыне. Это те, что могли бы быть, но не стали. И мириады часов прошли над Великой Пустошью, покуда ты блуждал в тех краях.

Не сказать, сколько веков пролетело над городами, пока продолжалось твое странствие, ибо нет времени в Великой Пустоши, а только часы хлопотливо бегут в сторону востока, верша свое дело. Наконец призрачные странники увидели вдаль манящую зелень и устремились туда. Так они достигли Земли. Здесь, о царь, нашли недолгий покой ты и те, что пришли с тобой. На Земле сделали вы привал, прежде чем продолжить странствие. Тут хлопотливые часы, помечая собой каждую травинку и каждое дерево, ненасытные, как саранча, тучами лепятся над вашими шатрами, и под этой тяжестью гнутся их опоры, а вас одолевает томление.

А в тени Шатров прячется с проворным мечом нечто темное, и зовут его – Время. Это оно призвало сюда часы, оно их властелин, и его повеление исполняют часы, пожирая все живое на земле, обрушивая в пыль шатры и изнуряя странников. А едва лишь всякий час выполнит свою работу, тут же и его сразит Время своим быстрым мечом, и час тот уходит в пыль с подбитыми крыльями, подобно саранче, разрубленной рукой ловкого воина.

И, сворачивая один за другим свои шатры, твои спутники, о царь, продолжают путь, начавшийся так давно из безымянного города, откуда вышел караван с верблюдами-призраками в Великую Пустошь. И твоя, о царь, дорога лежит в те края, где, как знать, может быть, встретишь старых друзей, с коими свела тебя судьба в земном твоём приюте.

В Великой Пустоши тебе попадутся еще другие оазисы, но и оттуда уйдешь ты, гонимый хлопотливыми часами. Какой пророк ответит, сколько дорог предстоит тебе исходить и сколько сделать привалов? Но в конце путей достигнешь ты места Отдыха Верблюдов, где тускло мерцающие утесы, название которым – Конец Скитаний, вздымаются среди Великой Пустоши; их подошвы упираются в пустоту, и пустота простирается вокруг них, только сиянье далеких миров бросает отсвет на Пустошь. Один за другим всадники на усталых верблюдах-призраках, приблизившись к скалам, проходят через расщелину к Городу Конца. И воочию открываются им рожденные в грезах шпили и купола людских надежд, виденные доселе лишь как миражи в Пустоши.

Не долетят сюда хлопотливые часы, далеко отсюда, среди шатров, останется темная фигура с быстрым мечом. Здесь, на этих светлых улицах, в сотканых из песенных звуков пристанищах последнего из городов, придет, о царь, конец твоим странствиям.

VII

В долине за горой Сидоно растет сад, где цветут маки, и летний ветерок разносит их лепестки по всей долине, через которую пролегла тропа, усеянная перламутровыми океанскими ракушками. А над самой вершиной Сидоно летят птицы, направляясь в сторону озера, что лежит в долине, а за их стаями видно, как подымается солнце и, освещенная его лучами, гора Сидоно простирает свою тень до самой кромки озера. Каждое утро, в час, когда засверкают под солнцем океанские ракушки, ступает на тропу старец в шелковых одеждах с удивительными узорами. Он живет в маленьком храме, что стоит на краю тропы. Никто не приходит сюда на моление, ибо старый пророк Зорнаду запретил людям топтать свое маковое поле.

Чужды остались Зорнаду алчность царей и их подданных, что так падки на золото. И потому покинул Зорнаду шумный город и тех, что соблазнились его блеском, и нашел себе приют у горы Сидоно, где нет ни царей, ни воинов, ни жаждущих золота, а лишь маковые

головки, дружно клонящиеся под ветром, да птицы, стремящие свой полет к озеру, да восход солнца над вершиной Сидоно; а потом – путь птиц назад к горе, закат в долине, а высоко в небе над озером и садом – звезды, каких не знают в городах. Так живет Зорнаду в своем маковом саду, а гора Сидоно стоит преградой между ним и миром людей; и когда порыв ветра из долины швыряет лепестки маков в стену храма, молвит старый пророк: «Цветы возносят свои молитвы; что ж, они ближе к богам, нежели люди».

Но однажды посланцы царя через много дней пути достигли окрестностей Сидоно и увидели долину и сад. У озера открылось им внезапное сияние макового цвета, словно восход солнца, открывающийся сквозь туман пастуху в горах. На третий день спуска по склону голой скалы их встретили чахлые сосны, сквозь стволы которых брезжил алый свет маков в долине. Целый день блуждали они среди сосен. В ту ночь холодный ветер слетел в сад на цветущие маки. А Зорнаду в своем храме в глубокой печали спел траурную песнь в честь погибших цветов, ибо той ночью ветер унес лепестки, которым уже не вернуться в цветущую долину. А на тропе за храмом посланцы из города собрали океанские ракушки, на которых прочли имена царей и восхваления им. А из храма доносился голос Зорнаду, все еще возносящего богам свою жалобную песнь.

Повинуясь царскому велению, взяли они его из сада и увели прочь от сверкающей перламутром тропы, от скалы Сидоно, и опустел храм, и некому стало оплакивать мертвые головки шелковистых маков.

Пришло время торжествовать осеннему ветру, и цветы, выросшие из земли, вновь ушли в землю, как воин в расцвете сил, срубленный мечом язычника где-нибудь в дальних краях, где некому его оплакать. Так из страны цветов Зорнаду насильно попал в мир людей и увидел город, а посреди города предстал перед царем.

И сказал царь:

– Зорнаду, что скажешь ты о странствии царя и о принцах и народах, что встретятся ему на пути?

Зорнаду ответил:

– Ничего неведомо мне о царях; но однажды ночью, незадолго до рассвета, отправился в путешествие цветок мака. Полетел он вслед за дикой стаей через скалу Сидоно, а рассветные лучи освещали гору и цветы, просыпающиеся на озерном берегу. Пчела, кружившая над садом, поведала об этом другим цветам, тем, что знали улетевшего по его аромату. И солнечные лучи лили свет из-за гребня скалы на сад и долину, где их приветствовало одним цветком меньше. И я, о царь, каждое утро проходя по усыпанной перламутром тропе, не нашел и не находил уж больше впредь того цветка, что отправился некогда из моей долины в странствие, из которого не возвращаются. И тогда я, царь, запел песнь печали, и цветы склонили свои головки; но нет такого плача и нет такой жалобы, что вернула бы жизнь цветку, который цвел некогда в саду, а больше не цветет.

Куда уходит жизнь маков – людям доподлинно неведомо. Одно знают они наверное: в те края ведут невозвратные дороги. И лишь когда заснет некто в вечернем саду, где воздух густо напоен ароматом цветущих маков; когда стихнет ветер, и издали, с одиноких холмов едва слышится голос лютни, и почудятся ему ало-шелковые маки, что росли в саду его юности, тогда оживут в его снах те давно погибшие цветы. Может быть, то будут сны самих богов. И во сне какого-нибудь божества, прикорнувшего перед зарей на тенистом лугу, мы, если выпадет удача, вновь обретаем жизнь, хотя тела наши давно уже смешались с земным прахом. В этих странных снах снова забурлит наша жизнь надеждами, радостями и горестями, покуда не наступит утро и не проснется божество, чтобы приняться за свои дневные труды и, может быть, – на счастье нам – припомнить свои праздные сны и еще раз передаться им в ночной тиши, когда воссияет божественный свет звезд.

VIII

И молвил тогда царь:

– Не по душе нам сии чудные странствия и призрачные скитания в сновиденьях богов, подобно тени утомленного верблюда, что не может утомониться, прежде чем сядет солнце. Дурно поступают боги, что, вложив в меня любовь к прохладе земных деревьев и звону ручьев, посылают в звездные миры, к которым нет у меня влечения, ибо глаза души моей навеки прикованы к земле, как у нищего бродяги, что, взирая с мостовой на освещенные окна дворца, возомнил себя господином. Ибо куда бы ни направили боги стопы мои, я пребуду тем, чем они меня сотворили: существом, привязанным к зеленым земным полям.

И ежели найдется здесь пророк, которому внимают блистательные боги, обитающие над славным восточным небом, пусть скажет он им, что есть, мол, на Земле, в стране Зарканду, к югу от Опаловых гор, один царь, как смолой приваренный к садам земным, и отказывается он наслаждаться дарами, которыми боги наделяют мертвых над сумеречным миром, окружающим звезды.

И тогда заговорил Йамен, пророк храма Обина, что стоит на берегу большого озера и обращен окнами к югу. Йамен сказал:

– Я часто возношу молитву богам, что сидят над сумерками, за восточной страной. Но когда тяжелеют на закате багровые облака или когда приближаются гроза либо затмение, я прекращаю молитвы, ибо дождь и ветер прибьют их к земле. Когда же солнце садится при ясном небе, слегка зеленеющем или лазурном, и прощальный свет его лучей ласкает одинокие холмы, тогда я возношу свои молитвы благодущным богам, и они слышат их. Но ведает ли царь, что благодеяния, испрошенные у богов, не та милость, которой мы ожидаем? И ежели даруют они тебе жизнь вечную на Земле, годы станут обременять тебя недугами, и превратишься ты в раба часов, опутанного узами, которые никто не в силах будет разрубить.

И царь сказал:

– Те, что насылают бремя старости, пусть делают свое дело; ты же в тишайший из вечеров умоли богов, чтобы даровали мне на земле вечную молодость, и да минет меня бич годов.

Ответил ему на это Йамен:

– Благословенно желание царя, но милость богов всегда чревата проклятием. Принцы, с которыми веселился царь, те, что знали о великих свершениях его в прежние времена, станут один за одним стареть. А ты, о царь, сидя за пиршественным столом, восклицая «веселитесь!» и вспоминая прошлое, увидишь вокруг клонящиеся ко сну головы людей, уже забывших о нем. Одного за другим станут призывать к себе боги тех, кто шел с тобой ночью по следам дикого кабана и загнал его в реку Оргум. Ты останешься один, о царь.

Придут новые люди, которым неведомы твои прежние деяния, которые не воевали и не охотились с тобой, которые не дерзнут, как бывало, разделить твоё веселье. Тем временем ушедшие будут становиться в твоей памяти все дороже, а те, что станут окружать тебя, – все постылее. Новое, приходящее на смену старому, будет тебе немило; но с каждым годом станет меняться мир перед твоими очами, и увянут сады твоего детства. Стародавнее детство твое возлюбишь ты пуще с течением лет, а новые порядки и обычаи не оставят ему места, и не во власти царя задержать перемены, предустановленные богами.

Тщетно будешь взывать к прошлому; даже царь не в силах помешать рождению новых обычаев. Наконец пресытишься ты и пирами. Утомишься от охоты. Но старость, обходящая тебя стороной, не отымет у тебя прежних желаний, которые столько раз ты уже утолял. И тогда, о царь, ступишь ты на охотничью тропу, преследуя добычу, которой никто еще не искал. Время не угасит твоего тщеславия, когда уже не к чему станет тебе стремиться. Опыт многих веков умудрит тебя, но также опечалит и разгневает, и умом ты отдалишься от ближних твоих, нера-

зумие коих тебе надоест, а им будет недоступна твоя мудрость, ибо мысли твои не станут их мыслями, а боги, которых они сотворят, будут уже не богами Древности. Мудрость не принесет тебе никакого утешения, но лишь сознание ничтожности твоего знания, и ты почувствуешь себя мудрецом в стране дураков либо глупцом в стране мудрецов, и сомненья твои усугубятся. Когда же уйдут все, кто беседовал с тобой о минувших днях, а немые свидетели не заговорят с тобой; и когда некто, дерзнувший напомнить тебе о великих деяниях твоих, превознесет царю хвалу большую, чем подобает даже богам, усомнишься ты – а были ли те деяния? И некому будет утешить тебя, кроме эха божественных голосов, звенящего в ушах, отголоска давних времен, когда скликали они друзей для тебя. Услышишь ты, как извратится мудрость былых времен, а потом увидишь, как она забудется навсегда.

И тогда многие пророки возопят, дабы вернуть ту древнюю мудрость. А ты поймешь, что стремление к знанию – суета, и охота – суета, и веселье, и все – суета сует. И когда-нибудь поймешь ты, что и быть властелином – суета. И тогда вознегодуешь ты на возносимые тебе хвалы, покамест не придет час и не восстанут люди на царей. Вот когда ты узнаешь, что воистину принадлежишь иным временам и живешь в неподобающие годы, и градом посыплются на тебя насмешки, и собьют венец с твоей головы те, чьим праотцам ты позволял приносить отпрысков своих, дабы поцеловать царскую туфлю, и станут смеяться, что не научился ты распоряжаться златом.

Нет, не все чудеса грядущего сопрягутся с твоими воспоминаниями о прошлом, которые, отступая в глубь веков, уготованную богами, с каждым годом будут делаться теплее и ярче. Погруженный в думы о давно ушедших друзьях и величии былых царств, не заметишь ты, какого могущества достигнут насмешливые и суетливые в это бесцарствие. И в конце концов узришь, о царь, что люди меняются так, что совсем ты перестаешь понимать их, ибо уже и не люди то будут, а новая овладевшая миром порода, чьи предки были людьми.

Те ж вовсе не станут беседовать с тобой, ибо скоро решат, что тебе не понять их, и увидишь ты, что нет тебе места на Земле, и станешь изнывать в мире городов, тоскуя о вольном воздухе, о колышущейся под ветром траве и шуме ветра в кронах деревьев. Но пройдет и это, боги унесут с собой во тьму все жизни, кроме твоей; долго копившийся жар самой сердцевины вскинет земля чрез жерла вулканов к небесам, а сама остынет, и не останется на ней ничего живого, кроме тебя, о царь.

И сказал тогда царь:

– Молись все же своим жестокосердным богам, дабы те, кто любит эту Землю со всеми ее садами и лесами, где звенят потоки, не разлюбили бы ее, когда она одряхлеет и остынет, когда увянут сады, иссякнет смысл бытия и ничего не останется, кроме воспоминаний.

IX

Тут заговорил Пагарн, пророк земли Урн.

Пагарн сказал:

– Был один сведущий человек, но его нет с нами.

А царь спросил:

– Разве он живет дальше тех мест, куда успели доскакать за ночь мои гонцы на быстрых конях?

И ответил пророк:

– Не то что не дальше тех мест, куда твои гонцы успеют доскакать за ночь, но так далеко, что вернуться оттуда не смогут они, пока стоит мир. Из того города ведет долина, огибающая весь мир, и кончается она в зеленой земле Урн. С одной стороны блестит в отдалении море, с другой лес, древний и черный, затеняет просторы Урна. За лесом же и за морем нет ничего, кроме сумерек, а дальше – только боги.

В устье долины мирно спит деревушка Ристаун.

Здесь я родился, и слышал блеянье овец, увидел дым, столбом поднимающийся от крыш Ристауна к небу, и узнал, что не следует людям входить в темный лес и что за лесом и за морем – ничего, кроме сумерек, а дальше – только боги. Нередко забредали к нам странники из мира, что лежит за долиной, вели странные речи и той же долиной возвращались назад в свой мир. Иногда спускались сюда и цари с караванами верблюдов, сопровождаемые бегущими людьми и звоном колокольчиков, и всякий раз путники вновь подымались в долину, и никто из них не ступил дальше земли Урн.

Китнеб вместе со мной вырос в земле Урн, вместе со мной пас стада, но не было ему дела до блеянья овец и дыма, столбом уходящего к небу, а хотелось ему вывести, далеко ли от Урна до сумерек, а уж потом – далеко ли восседают боги.

Часто думал о том Китнеб, пася овец, и, пока другие спали, бродил он, бывало, вдоль кромки леса, в котором не позволялось гулять человеку. А старейшины Урна порицали Китнеба за его дерзость, хотя ничем другим он не отличался от жителей деревушки и своих сверстников, пока не пришел день, о котором поведаю тебе, о царь.

Было Китнебу уже лет двадцать, и сидели мы с ним возле своего стада, а он устремил свой взор далеко, туда, где у края земли Урн темный лес смыкался с морем. Когда же спустились сумерки и на землю упала ночь, мы отогнали стадо в Ристаун, и на улице возле домов увидел я четырех господ, пришедших долиной из мира, одетых в голубое и алое, с перьями на головах. Они предложили нам по нескольку блестящих камушков, которые, по их словам, высоко ценились в их краях, за овцу. И я продал им три овцы, а Дарняг продал восемь.

Но Китнеб не стал торговать вместе со всеми, а отправился один через поля к кромке леса.

А на следующее утро странная история приключилась с Китнебом.

Увидел я, как возвращается он с полей, и приветствовал по обычаю пастухов, но он не ответил. Я остановился и заговорил с ним, но ни слова не отвечал мне Китнеб, покуда я не рассердился и не покинул его.

Стали мы рассуждать меж собой, дивясь, что с Китнебом, – никому не ответил он на приветствие, но один из нас сказал, будто поведал ему Китнеб, что слышал голоса богов за лесом и не станет отныне слушать голоса людей.

Потом человек добавил: «Китнеб потерял рассудок». И никто не возразил ему.

Место Китнеба среди пастухов занял другой, а он теперь сидел вечерами у кромки леса совсем один.

По многу дней не произносил он ни слова, а если кому удавалось разговорить его, то узнавали мы, что каждый вечер слышит он голоса богов, выходящих в лес из сумерек и со стороны моря, и уж не станет более беседовать с простыми смертными.

По прошествии месяцев жители Ристауна стали смотреть на Китнеба как на пророка, и мы привыкли указывать на него странникам из долины, говоря: «Есть у нас в земле Урн пророк, каких не встретишь в ваших городах, ибо по ночам он беседует с богами».

Прошел год с тех пор, как умолк Китнеб, и вот он явился ко мне и заговорил. А я склонился перед ним, потому что мы верили, будто он – собеседник богов. И Китнеб сказал:

– Мне не с кем побеседовать перед концом, кроме тебя, потому что я совсем одинок. Да и как могу я говорить с мужчинами и женщинами на улочках Ристауна, ежели я внимал голосам богов, поющих над сумерками? Но не было еще в Ристауне человека отверженнее меня, ибо, признаюсь тебе, что, слыша голоса богов, не понимаю я Их речей. Я узнаю Их по голосам, когда Они призывают меня к себе, тревожат мою душу и влекут к себе. Я различаю, когда Они радуются, а когда печалются, ибо даже богам введома грусть. Мне внятен Их плач по древним разрушенным городам и белеющим в пыли костям героев. Но увы! Я не знаю Их слов, и чудесная мелодия Их речи ударяет мне в сердце, но ускользает, оставшись непонятой.

Потому отправился я из земли Урн в странствие, покуда не пришел к дому пророка Арнин-Йо и поведал ему, что хочу раскрыть смысл божественных слов. И Арнин-Йо послал меня к пастухам разузнать, что им ведомо о богах, ибо они-де владеют всей мудростью, а что сверх ее, то грозит бедой.

Но я сказал Арнин-Йо, что сам слышал голоса богов и знаю, что живут они там, над сумерками, и не могу долее поклоняться божкам, слепленным из глины, которую наскребли пастухи на склоне холма.

На это Арнин-Йо ответил мне:

– Забудь же, что слышал голоса богов, и вновь поклонись богам из красной глины, которых сотворили пастухи, и обретешь покой, как обрели его пастухи, и умри с миром, свято веря богам из красной глины, собранной пастухами на холме. Ибо дары богов, что восседают за сумерками и смеются над глиняными божками, не принесут тебе ни покоя, ни радости.

И я возразил:

– Божок, слепленный моею матерью из красной глины, собранной на холме, со множеством рук и глаз, тот, о могуществе и таинственном происхождении которого она мне пела песни и рассказывала истории, разбился и потерялся. Но мелодия божественных речей не утихает в ушах моих.

И Арнин-Йо сказал:

– Ежели станешь ты все же искать значения, помни, что только тот, кто поднимется до самих богов, сможет ясно понять смысл Их речей. А попасть туда можно, лишь сев в челн и выйдя в море, взяв курс от земли Урн в сторону леса. Слева, у южных берегов, теснятся рифы, а над ними нависают пришедшие с моря сумерки; к ним можно подплыть, обогнув лес. Туда, где край земли касается сумерек, приходят вечерами боги, и ежели ты сможешь проникнуть в те места, то услышишь Их голоса, перекрывающие шум морского прибоя, наполняющие сумерки звуками песен. И ты проникнешься смыслом их слов. Но там, где рифы закрывают дорогу на юг, владычествует Бримдоно – древний морской ураган, стерегущий своих властелинов. Боги навечно приковали его ко дну моря, дабы охранял он дорогу в лес, что лежит за рифами. Так что ежели и услышишь ты голоса богов и поймешь их смысл, как того пожелал, мало тебе будет от того пользы, когда Бримдоно утащит тебя на дно вместе с твоим челном.

Таков был рассказ Китнеба.

И я сказал ему:

– О Китнеб, забудь об этих богах за лесом, которых стережет морской ураган, и ежели потерялся твой божок, поклонись тому, что слепила моя мать. Тысячелетиями он покорял и разрушал города, но давно перестал быть грозным богом. Молись ему, Китнеб, и он ниспошлет тебе покой, и умножит стада твои, и дарует благодатную весну, и вознаградит мирным концом твоих дней.

Но не послушал меня Китнеб, а велел найти рыбацье судно и гребцов.

И утром следующего дня отплыли мы из земли Урн на рыбацьем судне.

Четверо гребцов взяли за весла, я сел у руля, а Китнеб, взойдя на челн, не сказал ничего в напутствие нам. И мы взяли курс на запад и шли на веслах, покуда к вечеру не достигли рифов, преграждавших путь в южную сторону, над которыми мрачно сгущались сумерки.

Тут мы повернули к югу и сразу увидели Бримдоно. Подобно тому как военачальник сраженного в битве царя разрывает на части его пурпурный плащ, раздавая воинам, Бримдоно рвал в клочья море.

Снова и снова шишковатой рукой раздирал он парус какой-то дерзкой лодчонки – добычу своей ненасытной алчбы кораблекрушений, которую вселили в него боги, поставив охранять себя от всякого, кто решится приблизиться к их обиталищу. Вторая рука Бримдоно была свободна и яростно месила воду, так что мы не осмеливались подплыть ближе.

И только Китнеб будто не замечал Бримдоно и не слышал его рева, но, видя, что мы мешаем, велел нам спустить на воду веселную лодку. Не слушая уговоров, он спрыгнул в нее и поплыл дальше один. Впереди слышался торжествующий рев Бримдоно, предвкушавшего поживу, но глаза Китнеба были устремлены за лес, к обиталищу богов. Мерцанье сумерек отражалось на его лице, мрачным светом освещая улыбку в его глазах, когда приблизился он к богам. И его, достигшего богов, укрывшихся за грозными утесами, его, услышавшего наконец их голоса вблизи и понявшего смысл божественных речей, его, посланца безотрадного мира, полного сомнений и ложных пророчеств, проникшегося открывшейся ему истиной, в тот миг поглотил Бримдоно.

Когда кончил Пагарн свой рассказ, в ушах царя долго не умолкал торжествующий рев Бримдоно, тешащегося своими победами, и скрип деревянных обломков жалкой лодчонки.

Х

Затем заговорил Могонтис, пророк-отшельник, что живет в глубокой непроходимой чаще лесов, окруживших озеро Илана:

– Снилось мне, что к западу от морей открылось видение: устье Мунра-О, охраняемое золотыми воротами, чрез решетки которых сверкают золотом барки, а в них боги, едва различимые в вечернем мраке. Понял я, что Мунра-О – река сновидений, тех, что являлись нам, как по волшебству, ночами в детстве, когда спали мы под крышей родного дома. Мунра-О катила сновидения из неизведанной земли и, просеивая сквозь золотые врата, выносила в равнодушное пустое море, где они, если не разбивались где-нибудь у далекого берега, нашептывали старинные напевы южным островам, или будоражили песнями северные скалы, или безнадежно рыдали у рифов, – сны, которых никто не мог увидеть.

Множество богов было там на реке, различимых в вечернем летнем полумраке. Видел я в высокой золоченой барке богов суетности; видел богов роскоши – в челнах, до самого киля изукрашенных драгоценными камнями; богов величия и богов власти. Видел мрачные суда, окованные железом, и на них богов, чей удел – война, и слышал звон серебряных колокольчиков и нежное пенье арфы – то проплывали по сумрачной реке Мунра-О боги мелодий.

Волшебная река Мунра-О! Я видел серый корабль с парусами из паутины, усеянными крошечными, словно капли росы, фонариками, и с алым петухом, широко распростершим крылья у него на носу, – боги зари тоже плыли по Мунра-О.

По обычаю, заведенному у богов, души людей доставляют вниз по этой реке на восток, туда, где расположен мир людей. Узнал я, что когда боги Властолюбия и боги Суетности плыли вниз по течению в своих золоченых барках, чтобы отвезти на восток другие души, вмешался между ними в своей березовой лодке бог Тарн, охотник, который вез в мир мою душу. И теперь знаю я, что шел он вниз по течению, держась середины реки, молча и быстро двигаясь по воде на двух веслах. И вспоминаю желтый блеск роскошной барки богов Суетности, высокий борт проплывавшей мимо барки богов Властолюбия, когда Тарн, погрузив в воду правое весло, высоко поднял левое и с него слетели сверкающие брызги. Так охотник Тарн привез на меня в мир, что раскинулся за морем западнее врат реки Мунра-О. И вышло так, что хоть забыл я Тарна, родилась во мне тяга к охотничьему искусству и завела меня в темные леса и мшистые болота, где побратался я с волком, заглянул в глаза рыси и узнал медведя; птицы призывали меня смутно знакомыми мелодиями, и вызрела во мне любовь к большим рекам и всем западным морям, а к городам – недоверчивость. Хоть и забыл я Тарна.

Не знаю, что за галеон придет за тобой, о царь, и что за гребцы, одетые в пурпур, сядут на весла по велению богов, когда с почетом отправишься ты вновь по реке Мунра-О. А меня ждет Тарн – там, где волны западных морей хлещут о край миров, и пусть уходят мои годы, а с ними затухает и страсть к погоне и тяга к темным лесам и мшистым болотам умирает в

душе моей, зато все явственней звучит в ней шум воды, бьющей о березовую лодку, в которой с двулопастным веслом в руке ждет Тарн.

И когда душа моя позабудет о лесах и заглохнет в ней родство с их ночными обитателями, когда утрачу я все дары Тарна, он вернет меня к западным морям, по волнам которых беспечно уплывают мои ушедшие годы, на реку Мунра-О. И там, на реке, мы предадимся охоте за шныряющими в дебрях тварями, чьи глаза мерцают в ночи, ибо Тарн – великий охотник.

XI

Потом заговорил Улф, пророк из Систрамейдеса, что живет в храме, издревле посвященном богам. Рассказывали, что некогда возле него любили прогуливаться боги. Но время, которому подвластны даже храмы богов, сурово обошлось с ним и обрушило его колонны, утвердив на руинах свое знамение и приговор: жить здесь отныне Улфу одному.

И сказал Улф:

– Есть, о царь, река, что течет отсюда, с Земли, и впадает в могучее море, чьи воды омывают пространство и насылают волны на берега каждой из звезд. То река и море Слез.

Царь ответил:

– Нам не доводилось слышать об этом.

А пророк продолжал:

– Мало ли слез источается ночами в спящих городах? Разве не вливаются в эту реку целые потоки слез жителей десяти тысяч домов, когда стущаются сумерки и ничего не слышно в тиши? Разве мало несбывшихся надежд? Проигранных битв и горьких поражений?

Разве не увяли у детей весенние цветы в садах? О великий царь, на земле проливается столько слез, что их хватит, чтобы наполнить целое море; глубоко и необъятно то море, раскинувшееся до самых дальних звездных пределов, и боги знают о нем. Вниз по реке Слез и дальше через это море поплывешь ты на челне вздохов, а вокруг тебя над водой замечутся мольбы людей, устремляющиеся на белых крыльях превыше их печалей. То присаживаясь на мачту, то рыдая у тебя над головой, будут они тебя донимать – мольбы, что погнали тебя прочь из Зарканду. А высоко над водой, бросая отсвет на крылья мольбы, загорится недостижимая звезда. Ничья рука не коснется ее, никто не достигнет ее, она эфемерна, ибо она – только свет; это звезда Надежды, что освещает море и весь мир. Это всего-навсего свет, но он дарован богами.

Ведомые светом этой звезды, мольбы, что кружат вокруг тебя, устремляются к Залу богов. Вздохи, вырывающиеся из глубины души, погонят твой челн по волнам моря Слез. Минуешь ты острова смеха и песенные края, что лежат у низких берегов и насквозь пропитаны слезами, волнами, гонимыми ветром вздохов, накатывающими на прибрежные скалы.

Наконец, сопровождаемый людскими мольбами, взойдешь ты в великий Зал богов, где вырезанные из оникса сиденья окружают золотой трон старейшего. Но не надейся, о царь, найти там богов; узришь ты фигуру Времени, опирающуюся на трон и в одеждах своего властелина, с окровавленными руками, придерживающими меч, по которому стекают алые капли. Ты увидишь кровавые следы на ониксовых сиденьях, но сами они будут пусты.

А на трон властелина, беспечно играя мечом или равнодушно отмахиваясь от молений людей, истекающих кровью у его ног, воссядет Время.

Какое-то время, о царь, пытались боги разрешить загадки Времени, и ненадолго удалось им приручить его, а Время улыбалось и повиновалось своим хозяевам, но лишь ненадолго, о царь, лишь ненадолго. Оно, не щадящее ничего, не пощадило богов; не пощадит и тебя.

Тогда царь окинул горестным взором Зал царей и молвил:

– Может ли стать, что я так и не встречу богов, неужто я так и не взгляну в Их лица и не узнаю, добры ли Они? Их, что послали меня в земное странствие, восхвалял бы я на пути назад, ежели не как царь, возвращающийся в свой город, то как тот, кто исполнил повеление

и тем заслужил милость властелинов своих. Я бы заглянул в Их лица, о пророк, и о многом спросил бы Их, и многое узнал бы. Надеюсь я, о пророк, что боги, улыбавшиеся мне в детстве, Те, чьи голоса звучали вечерами в садах в годы моей юности, не утратят Своей власти, когда я пушусь на Их поиски. О пророк, ежели этому не суждено сбыться, сотвори великий плач по богам моего детства, развесь серебряные колокольчики, и пусть они качаются среди деревьев, как в саду моего детства, начни песнь свою в сумерках и пой ее, покуда машет крылышками бабочка и покуда не вылетит из своего убежища летучая мышь; пой ее, покуда не поднимется с реки белесый туман, покуда еще не закрылись цветы и не охрипли голоса; пой ее, покуда все в природе еще прощается с уходящим днем, покуда не зажгутся небесные огни и благодатная ночь не сменит день. Ибо если умерли боги Древности, надобно нам оплакать Их, покуда не придет время нового знания, покуда еще мир содрогается от их утраты.

И что же останется нам, о пророк? Только почившие боги моего детства и воцарившееся Время, под властью которого стынет луна и бледнеют звезды, а пыль забвения, которая сеется из его рук, засыпает поля героических битв и повергнутые храмы старых богов.

Услышав эти горестные слова, сказанные царем, прочие пророки вскричали как один:

– Нет, все не так, как сказал Улф, а как сказал я – и я!

Тогда царь надолго задумался. А на городской улице среди домов стояли толпой те, что плясали перед царем, и те, что подавали ему вина в украшенных драгоценными камнями кубках. Они медлили покидать город в надежде, что царь раскается и вновь с улыбкой призовет их черпать вино, петь и плясать. Решено было лишь утром отправиться на поиски нового царства, но прежде захотелось им в последний раз взглянуть на дворец царя Эбалона. И тогда Трепещущий Лист, плясунья, зарыдала:

– Никогда, никогда больше не взойдем мы в резной зал, чтобы танцевать перед царем. Он, что внимает волшбе пророков, не станет больше следить за чудом танца, и, читая древние пергаменты, полные удивительной мудрости, позабудет наши одежды, струящиеся в Танце Мириада Шагов.

И вместе с ней Серебряный Ручей, Летняя Молния и Мечта Моря горевали, что не придется им больше радовать плясками взор царя.

А Истан, что полвека подносил царю кубок, украшенный четырьмя сапфирами, каждый величиной с глаз, простирая руки к дворцу, сказал с прощальным вздохом:

– Вся магия волхвов, и тех, что пророчествуют о грядущем, и тех, что проникают сквозь толщу настоящего, не сравнится с могуществом вина. Через маленькую дверь в Зале царей, спустившись по лестнице в сто ступеней, пройдя множество низких переходов, попадешь в прохладное подземелье, обширнее самого Зала царей. Там-то, оплетенные паучьей паутиной, покоятся бочата с вином для убажания сердец царей Зарканду. На далеких восточных островах вырос виноград, давным-давно давший жизнь этому вину; цепляясь корявыми ветками, лоза устремлялась вверх, чтобы видеть с высоты море, и древние корабли, и людей, которых теперь уже нет на свете, а потом спускалась к земле и заглушалась плевелами. В погребке хранятся три позеленевших от времени бочонка, которых осажженный город не отдавал, покамест не перебили всех его защитников и не сожгли все его дома; в душе вина с годами лишь сильнее разгорается жаркий пламень. Как же было не гордиться мне, открывая в стародавние времена царские пиры, наливая огненный напиток в наследственный сапфировый кубок и видя, как от мерцавшего в нем вина начинают блестеть очи царя, а спокойное лицо его уподобляется ликам его предков.

Но ныне царь ищет мудрости у своих пророков, а вся былая слава и нынешний пышный блеск отступают, забываются, превращаются в прах под его ногами.

Он кончил свою речь, а прочие виночерпии и женщины-плясуньи долго в молчании глядели на дворец, потом каждый поочередно сделал прощальный знак рукой, и они приготовились в путь, не видя торопившегося к ним гонца, незаметного в темноте.

Прервав долгое молчание, царь сказал:

– Пророки моего царства, вы пророчествовали всякий по-своему, и слова одного опровергали речи другого, а значит, нет мудрости между волхвами. Объявляю вам, и да никто в моем царстве не усомнится в том, что первые цари Зарканду, прежде чем воздвигнуть город и самый дворец, устроили винохранилище, и сейчас я повелю начать в этом зале пир, и увидите вы, что сила моего вина превышает ваших чар, а искусство плясуний – волшебней волшеббы.

Плясуний и виночерпиев вернули назад и в ту же ночь устроили пир, посадили за стол всех пророков – Самана, Ината, Монита, Инара, Туна, Пророка Странствий, Зорнаду, Ямена, Пагарна, Илана, Улфа и того, что не успел сказать своего слова и не открыл еще своего имени (а лицо его было закрыто плащом).

Пророки веселились, как им было сказано, и вели беседы, как прочие гости, лишь тот, чье лицо оставалось сокрытым, не вкушал пиршественных блюд и не проронил ни слова. Только протянул руку и коснулся цветка, лежавшего на столе в ворохе других, и лепестки цветка сразу облетели.

Трепещущий Лист плясала

А Трепещущий Лист все плясала и плясала, а царь улыбался, и Трепещущий Лист была счастлива, хотя и не владела мудростью волхвов. И Летняя Молния сновала между колоннами в прихотливом танце. И Серебряный Ручей кланялась царю и опять танцевала, и снова кланялась, и вновь танцевала, а старик Истан, сияя глазами, с трудом пробирался сквозь толпу плясунов в погреб и обратно, и когда царь вдоволь выпил вина старых царей, он подозвал Мечту

Моря и повелел ей петь. Мечта Моря, подойдя к царю, запела о волшебном жемчужном острове, что лежит далеко на юге в рубиновом море, окруженном острыми рифами, о которые разбиваются мирские беды, и нет им доступа на остров. Она пела о том, как закатные лучи окрашивают море и чудесный остров пурпуром и никогда не уступают мраку ночи, и о том, как чей-то голос оттуда непрерывно зовет душу царя, что, зачарованная, сможет, миновав опасные рифы, найти отдохновение на жемчужном острове, где нет никаких забот, где горести и печали разбиваются об острые скалы. Потом поднялась Душа Юга и спела песню о быющем из-под земли ключе, что мечтал достичь небес, но был обречен снова и снова падать на землю, пока наконец...

А когда рассвет погасил звезды, Эбалон, умягчившись то ли от искусства Трепещущего Листа, то ли от песни Мечты Моря, а может быть, от вина своих предков, отпустил пророков. Миновав освещенные факелами переходы дворца, царь вошел в опочивальню и, закрыв за собой дверь, увидел вдруг фигуру в платье пророка. Понял царь, что перед ним Тот, что прятал свое лицо и не открыл своего имени.

И спросил царь:

– Ты пророк?

А тот ответил:

– Я пророк.

Тогда царь молвил:

– А ведомо ли что тебе о странствиях царя?

А тот ответил:

– Ведомо, но я еще не сказал своего слова.

И царь спросил тогда:

– Кто же ты таков, что, имея знание, таишь его?

А тот ответил:

– Я есмь КОНЕЦ.

И, сказав это, закутанный в плащ незнакомец скорыми шагами покинул дворец, а царь, не замеченный стражниками, последовал за ним в странствие.

Конец

Меч Веллерана и другие истории

Посвящение

С глубокой благодарностью тем немногим, знакомым мне или незнакомым, кого заинтересовали мои предыдущие книги – «Боги Пеганы», «Время и боги».

Меч Веллерана

Там, где словно вторгающееся в устье реки море, начинают подниматься сжатые Сирезийскими горами великие равнины Тарпета, стоял когда-то – почти в тени могучих утесов – город Меримна. В целом мире я не видел города столь же прекрасного, какой была Меримна в ту пору, когда она впервые привиделась мне во сне. То было настоящее чудо с высокими шпилями, бронзовыми статуями, мраморными фонтанами и собраниями трофеев легендарных войн. Прямо через центр этого удивительного города, широкие улицы которого целиком были отданы Прекрасному, пролег проспект пятидесяти шагов в ширину, по обеим сторонам которого выстроились бронзовые статуи – точные подобию королей и властителей всех стран, которые некогда покорились солдатам Меримны. В конце этого проспекта воздвигнута была огромная колесница из бронзы, влекомая тремя бронзовыми конями; правила ими крылатая статуя Славы, а за ее спиной высилась стоящая в колеснице колоссальная фигура с поднятым мечом – то было изваяние Веллерана, древнего героя Меримны. И таким сосредоточенным казалось лицо Славы, такой напряженной ее спина, и такими летящими – кони, что чудилось, будто колесница только что была рядом с вами и поднятая ею пыль едва успела осесть на бронзовые лица королей. И еще был в городе огромный дворец, где хранились все сокровища, добытые героями Меримны во многих сражениях. Украшали его искусно высеченные статуи и легкий изящный купол, сложенный в незапамятные времена руками давно умерших каменщиков, а венчала купол скульптура Роллори, обращенная лицом к Сирезийским горам и к лежащим за ними землям, которые знали его меч. Рядом с Роллори сидела, словно старушка-кормилица, сама Победа, вплетающая в предназначенный для его головы золотой лавровый венок короны поверженных владык.

Вот какой была Меримна – город воплощенных в камне побед и бронзовых героев. Но в то время, о котором я пишу, искусство войны давно было позабыто в Меримне, и все ее жители будто спали на ходу. Они бесцельно бродили взад-вперед по широким улицам и глазели на богатства, добытые в чужих краях мечами тех, кто когда-то любил Меримну – любил больше всего на свете. И во сне они грезили о Веллеране, Суренаре, Моммолеке, Роллори, Аканаксе и юном Ираине. О землях, лежавших за окружившими Меримну со всех сторон горами, они не знали почти ничего, кроме разве того, что когда-то все они были ареной внушающих ужас дел, которые Веллеран вершил своим мечом. Много лет назад эти земли снова отошли к народам, некогда побежденным армиями Меримны, и жителям ее не осталось больше ничего, кроме их мирного города да воспоминаний о давно минувшей славе. Правда, по ночам в пустыню отправлялись часовые, но они всегда спали на своих постах и видели сны о Роллори, да еще трижды за ночь одетые в пурпурные плащи стражники с фонарями, громко певшие песни о Веллеране, обходили городские стены. Никогда не носили дозорные оружия, но стоило словам их песни разнестись над равниной и достичь неясных далеких гор, как разбойники в пустыне тут же прятались в свои норы, едва заслышав имя Веллерана. Часто бывало так, что рассвет, гасящий звезды и зажигающий волшебный огонь на шпилях Меримны, заставлял стражников все еще поющими о Веллеране, и тогда их плащи меняли свой цвет, а огонь в фонарях бледнел. И все же крепостной вал всегда оставался в неприкосновенности, и стража уходила, а потом и часовые с равнин один за другим пробуждались от грез о Роллори и, ежась от утренней прохлады, не торопясь возвращались в город. Чуть позже с ликов Сирезийских гор, которые окружали Меримну и с севера, и с запада, и с юга, исчезала грозная тень, и в прозрачном утреннем свете становились видны над мирным, безмятежным городом высокие колонны и статуи героев.

Вам, должно быть, любопытно, как могли невооруженная стража и часовые, которые все время спали, сберечь город, в котором было так много произведений искусства и драгоценных

изделий из бронзы и золота, – надменный город, который некогда царил над своими соседями, но ныне позабыл искусство войны? Да, была одна причина, по которой Меримна могла чувствовать себя в безопасности, хотя все завоеванные земли давным-давно были у нее отняты. Странная вера – или странный страх – жили среди свирепых племен, обитавших по ту сторону гор, а верили они в то, что крепостные валы Меримны все еще стерегут Веллеран, Суренар, Моммолек, Роллори, Аканакс и юный Ираин, хотя вот уже сто лет прошло с тех пор, как Ираин, самый молодой из героев Меримны, в последний раз вышел на битву против племен.

Разумеется, время от времени в племенах появлялись молодые, горячие воины, которые начинали сомневаться и говорили:

– Как может человек без конца избегать смерти?

Но другие сурово им отвечали:

– Выслушайте нас вы, чья мудрость столь велика, и объясните нам, как может избежать гибели человек, который в одиночку сражается с четырьмя дюжинами вооруженных мечами всадников, каждый из которых поклялся убить его и призвал тому в свидетели всех своих богов, – а Веллерану не раз приходилось выходить победителем в таких схватках. И растолкуйте нам, как могут два человека пробраться ночью в огороженный крепостной стеной город и похитить оттуда короля, как сделали это в свое время Суренар и Моммолек. Уж конечно, те, кто сумел избежать стольких мечей и кто стоял невредим под дождем смертоносных стрел, сумеют ускользнуть от Времени и от армии лет.

И тогда молодежь почтительно замолкала, но все же сомнения продолжали расти и крепнуть. И часто, когда солнце садилось за Сирезийскими горами, жители Меримны замечали на фоне заката черные силуэты свирепых воинов из этих племен, которые пристально глядели в сторону города.

Все жители Меримны знали, что фигуры, расставленные вдоль крепостного вала, были лишь каменными изваяниями, однако каждый питал надежду, что настанет день – и древние герои явятся снова, ибо никто и никогда не видел их мертвыми. А произошло это потому, что в свое время все шестеро великих воинов поступили одинаково: зная, что полученная ими рана смертельна, все они отправлялись к некоему укромному ущелью и бросались в него (я где-то читал, что, перед тем как умереть, подобным образом поступают великие слоны, прячущие свои огромные кости от мелких тварей), а было то ущелье узким и глубоким – мрачная пропасть, на дно которой не вела ни одна тропа и куда не мог спуститься ни один человек. К краю этого ущелья, задыхаясь и хрипя, подъехал однажды Веллеран; а некоторое время спустя у расщелины появились Суренар и смертельно раненный Моммолек, который должен был остаться здесь навсегда, и Суренар, который не пострадал в том бою, вернулся от ущелья один, оставив своего лучшего друга покоиться рядом с костями великого Веллерана. И в свой срок прискакал сюда и сам Суренар, прискакал вместе с Роллори и Аканаксом, и Роллори ехал посередине, а двое его друзей – по бокам. Этот долгий путь нелегко дался Суренару и Аканаксу, ибо оба они были смертельно ранены в последнем бою, и только для Роллори путешествие оказалось необременительным, ибо он был мертв. Вот как получилось, что кости пяти героев белели во вражьей земле; и хотя когда-то они заставляли трепетать города, прах их лежал бесстрашно, и никто не знал, где нашли они свой покой, – никто, кроме Ираина, юного капитана, которому едва исполнилось двадцать пять, когда Моммолек, Роллори и Аканакс отправились в свое последнее путешествие. И среди останков разбросаны были седла, уздечки и другая конская сбруя, дабы ни один человек не мог случайно наткнуться на них и потом похвастаться в каком-нибудь чужеземном городе: «Глядите! Вот добытые в бою седла и уздечки славных капитанов из Меримны!», и лишь своих верных коней герои отпустили на свободу.

И сорок лет спустя, в час великой победы, получил свою последнюю рану Ираин – то была глубокая, страшная рана, которая никогда не закрылась бы. Из всех капитанов-героев Ираин был последним, и в одиночку отправился он к известному ему ущелью. Долгой и тяже-

лой была дорога к этой мрачной расселине, и Ираин, боясь, что не сможет добраться до места своего последнего упокоения, все понукал и понукал своего коня, вцепившись обеими руками в седельную луку. По пути он часто впадал в забытие, и тогда являлись ему прошедшие дни – те, когда он в первый раз отправился на великую войну с армией Веллерана и когда Веллеран впервые заговорил с ним, – и лица товарищей Веллерана, которые мчались в бой впереди атакующей конницы. И всякий раз, когда Ираин приходил в себя, в душе его, которая вот-вот готова была расстаться с телом, рождалось огромное желание лежать там, где белеют кости древних героев. Когда же наконец Ираин увидел темное ущелье, словно незаживший шрам пересекавшее равнину, душа его тихонько выскользнула сквозь зияющую рану, выскользнула и расправила крылья, и в тот же миг боль покинула его бедное изрубленное тело, и Ираин умер, даже в смерти продолжая торопить своего коня. И старый верный конь все мчал легким галопом, и так бежал он до тех пор, пока не увидел перед собой черную трещину в земле, и тогда на всем скаку конь уперся передними ногами в край обрыва и встал как вкопанный. И мертвое тело Ираина покатило через правое плечо коня, и вот уже много лет пролетело с тех пор, как его кости смешались с останками героев Меримны и обрели наконец вечный покой.

А в Меримне жил один мальчик по имени Рольд. Я, сновидец, впервые увидел его, когда дремал у своего очага, – увидел как раз тогда, когда мать привела сына во дворец, где хранились добытые древними героями трофеи. Пятилетний Рольд остановился перед огромным стеклянным футляром, внутри которого был заключен меч Веллерана, и мать сказала ему:

– Вот меч Веллерана.

А Рольд спросил:

– Для чего он нужен?

И мать ответила:

– Для того чтобы смотреть на него и вспоминать Веллерана.

А потом они пошли дальше и остановились перед огромным алым плащом Веллерана, и мальчик снова спросил:

– Для чего Веллерану такой большой красный плащ?

Мать ответила:

– Ему так нравилось.

Потом Рольд немного подрос, и вот однажды в полночь, когда весь мир затих и Меримна погрузилась в свои грезы о Веллеране, Суренаре, Моммолеке, Роллори, Аканаксе и юном Ираине, он потихоньку выбрался из материнского дома. Он отправился прямо к крепостному валу, чтобы послушать, как будет петь о Веллеране пурпурная стража. И дозорные в своих темно-пурпурных плащах прошли мимо него, держа в руках фонари. Далеко разносилась в ночной тишине их песня, и темные тени в пустыне поспешно бежали при звуках ее. И тогда Рольд вернулся домой к матери, унося в груди своей странную печаль, разбуженную звуком имени Веллерана, – такую испытывают люди, тоскуя о чем-то возвышенном и святом.

Со временем Рольд выучил все дорожки, пролежавшие вокруг крепостного вала, где были расставлены конные статуи, все еще охранявшие Меримну. Эти удивительные изваяния вовсе не походили на обычные скульптуры; они были так искусно высечены из цветного камня, что ни один человек, если только он не подошел совсем близко, ни минуты не усомнился бы, что перед ним живые люди. Из глыбы пятнистого мрамора высекли умелые мастера коня Аканакса; чисто-белый конь Роллори был выточен из алебаstra, а его глядящий на север всадник был облачен в доспехи из сверкающего кварца и кавалерийский плащ из драгоценного голубого камня.

А мраморный конь Веллерана был черен как смоль, и сам Веллеран, восседавший на его спине, пристально смотрел на запад. Это его скакуна больше всего нравилось Рольду гладить по прохладной изогнутой шее, и именно Веллерана яснее ясного видели следившие за городом

наблюдатели в далеких горах. А Рольд никак не мог налюбоваться на огненные ноздри вороного коня да на яшмовый плащ всадника.

Между тем за Сирезийскими горами продолжало расти и крепнуть подозрение, что герои Меримны давно умерли, и тогда промеж племен родился план: найти человека, который не побоится подкрасться под покровом ночи к крепостному валу и посмотреть, действительно ли эти фигуры – живые Веллеран, Суренар, Моммолек, Роллори, Аканакс и юный Ираин. И все согласились с этим планом и принялись называть имена людей, которые могли бы отправиться в опасный путь. Замысел зрел на протяжении многих лет, и все это время наблюдатели частенько поднимались по вечерам в горы, но идти дальше никто осмеливался. В конце концов кто-то предложил план получше: было решено, что двое злодеев, которые как раз ожидали казни за какое-то преступление, будут прощены, если спустятся ночью в долину и узнают, живы ли еще герои Меримны. Поначалу двое узников никак не могли решиться на это, однако в конце концов один из них, которого звали Сиджар, крепко задумался и сказал своему товарищу Саджару-Хо:

– Верно ли говорят, что если королевский палач ударит человека топором по шее, то этот человек умрет?

И его товарищ подтвердил, что это так. Тогда молвил Сиджар:

– И если Веллеран ударит человека своим мечом, то ничего страшнее смерти с ним все равно не случится.

Тут Саджар-Хо немного подумал, а потом ответил:

– В момент удара королевский палач может промахнуться или топор его дрогнет, а Веллерана еще ни разу не подводили ни глаз, ни рука. Уж лучше мы попытаем свое счастье на плахе.

– Может статься, что Веллеран уже умер и его место на бастиионе занимает кто-то другой – или даже просто каменное изваяние, – возразил Сиджар, но сказал ему Саджар-Хо:

– Как может быть так, чтобы умер Веллеран – тот, кто избег клинков четырех дюжин воинов, каждый из которых клялся убить его и призывал в свидетели тому всех богов?

И Сиджар ответил ему на это:

– Я знаю одну историю о Веллеране: мне рассказал ее дед, а он слышал ее еще от своего отца. В день, когда наша армия проиграла великую битву на равнинах Курлистана, отец моего деда увидел у реки умирающую лошадь, которая жадно глядела на воду, но дотянуться до нее не могла. И еще отец моего деда увидел, как Веллеран подошел к реке и, зачерпнув воды, напоил несчастное животное из своих ладоней. Наше с тобой положение гораздо хуже, чем у той лошади, и, так же как она, близки мы к смерти; скорей уж Веллеран сжалится над нами, чем выполняющий приказ короля палач.

Тогда Саджар-Хо сказал так:

– Ты всегда был ловким спорщиком, Сиджар. Это из-за твоих хитрых проделок мы попали в беду, – так посмотрим, сумеешь ли ты теперь спасти нас. Давай сделаем, чего от нас требуют.

И вот королю стало известно, что двое осужденных на смерть согласились отправиться к стенам Меримны.

В тот же вечер наблюдатели отвели обоих на границу горной страны, и Сиджар и Саджар-Хо стали спускаться на равнину по дну глубокого ущелья, а наблюдатели смотрели им вслед.

Вскоре фигуры их вовсе растаяли в сумерках, и над равниной взошла ночь. Бескрайняя и торжественная, она появилась с востока – с той стороны, где раскинулись болотистые неудобья, влажные низины и море, – и ангелы, что присматривали за людьми при свете дня, сомкнули свои глаза и уснули, а ангелы, что следили за всеми людьми ночью, напротив, пробудились ото

сна, расправили темно-лазурные перья и взлетели на свои наблюдательные посты, и равнина внизу наполнилась таинственными звуками и ожившими страхами.

Тем временем два шпиона спустились с гор по дну ущелья и крадучись пошли через пустыню. Когда же они достигли цепочки спавших на песке часовых, один из них вдруг пошевелился во сне и призвал Роллори, и великий страх охватил разведчиков. «Роллори жив!» – шепнули они друг другу, но вспомнили королевского палача и пошли дальше.

Вскоре достигли они колоссальной бронзовой статуи Страх, давным-давно созданной древним ваятелем. Его огромная фигура как будто неслась по воздуху к горам, на лету окликающая своих сыновей. Сыновей же Страх скульптор изобразил в виде армий загорных племен, которые, обратившись спиной к Меримне, следовали за Страхом, словно цыплята за наседкой, и над их головами был занесен грозный меч Веллерана, который – как и всегда – восседал на своем скакуне на крепостном валу. Увидев героя, два шпиона опустили на песок и стали целовать огромную бронзовую ногу статуи, бормоча: «О Страх, Страх!..» И, все еще стоя на коленях, они увидели вдалеке между бастиянами яркие огни, которые приближались к ним, и слышали, как мужские голоса поют песнь о Веллеране. Но вот пурпурная стража подошла совсем близко, и пошла со своими фонарями дальше, и, продолжая петь о Веллеране, скрылась за изгибом крепостной стены, и все это время два лазутчика продолжали цепляться за огромную бронзовую ногу Страх, шепча: «О Страх, Страх!..» И лишь когда имя Веллерана больше не доносилось до них, они поднялись с песка, приблизились к крепостному валу и, перебравшись через него, оказались у самого подножья огромной фигуры Веллерана. И тогда они поклонились ему до земли, и Сиджар сказал:

– О, Веллеран, мы пришли посмотреть, верно ли, что ты все еще жив.

Долго ждали они ответа, не смея оторвать от земли взглядов. Наконец Сиджар поднял голову и посмотрел на ужасный меч Веллерана, но он был все так же простерт вперед и указывал острием на мраморные армии, которые следовали за Страхом. И Сиджар снова до земли поклонился герою, а сам коснулся рукою копыта могучего скакуна, и оно показалось ему холодным. Тогда он передвинул руку выше и коснулся бабки коня, но и она была холодна. Наконец Сиджар потрогал ногу Веллерана, и доспех на ней был неподвижным и твердым, но сам Веллеран не пошевелился и не заговорил, и тогда Сиджар вскарабкался на седло и коснулся руки – страшной руки Веллерана, – и она оказалась мраморной! Тут Сиджар громко рассмеялся, и они с Саджаром-Хо пошли по безлюдной дорожке и наткнулись на Роллори. И отважный Роллори тоже был мраморным. Тогда шпионы снова перебрались через вал и поспешили обратно через пустыню, с презрением обогнув изваяние Страх. Тут до них донеслись голоса пурпурных стражников, которые в третий раз обходили крепостной вал с песней о Веллеране, и Сиджар сказал:

– Можете петь о Веллеране сколько хотите, но Веллеран мертв, и гибель ждет ваш город.

И они заспешили дальше и снова наткнулись на спящего часового, который продолжал метаться во сне и все звал Роллори, и Саджар-Хо прошептал:

– Зови Роллори сколько угодно, но он мертв и не сумеет спасти твой город!

Так двое лазутчиков живыми и невредимыми вернулись к себе в горы, и только они достигли их, как первый алый луч солнца упал на равнину позади Меримны и зажег ее тонкие шпильки. Настал тот час, когда пурпурные стражники, видя, что их плащи становятся ярче и фонари бледнеют, возвращались обратно в город; тот самый час, когда ночные разбойники торопятся назад в горные пещеры, когда вылетают легкокрылые мотыльки, живущие лишь один день, и когда умирают приговоренные к смерти, – в этот-то рассветный час Меримне грозила новая, страшная опасность, а город о ней не ведал.

И Сиджар обернулся и сказал:

– Гляди, как красен рассвет и как красны шпильки Меримны. Должно быть, кто-то в Небесах разгневался на этот город и предвещает его судьбу.

Так двое шпионов благополучно вернулись к племени и рассказали своему королю обо всем, что видели. Несколько дней владыки загорных стран собирали вместе свои войска, и вот наконец армии четырех королей встали в верховьях глубокого ущелья, держась так, чтобы их не видно было за гребнем, дожидаясь захода солнца, и лица воинов были полны решимости и бесстрашия, но про себя каждый из них творил молитвы богам, всем по очереди.

Наконец солнце закатилось и пришел час, когда вылетают на охоту летучие мыши и выползают из своих нор темные твари; когда львы покидают свои логовища, а разбойники снова спускаются на равнину; когда летучие жаркие лихорадки поднимаются от влажных болот; когда троны владык начинают шататься и сменяются династии королей. И именно в этот час, размахивая фонарями, выходила из Меримны пурпурная стража и погружались в сон дозорные в пустыне.

Известно, что печаль и беда не в силах проникнуть в Рай; они могут лишь хлестать по его хрустальным стенам, подобно дождю, и все же души героев Меримны почувствовали какую-то смутную тревогу – точно так же, как спящий человек чувствует холод, но еще не осознает, что замерз и продрог он сам. И герои заволновались в своем звездном доме, и, невидимые, устремились к земле в лучах заходящего солнца души Веллерана, Суренара, Моммолека, Роллори, Аканакса и юного Ираина. Когда же они достигли крепостного вала Меримны, уже стемнело, и армии четырех королей, позвякивая броней, углубились в ущелье. А шестеро героев снова увидели свой город, почти не изменившийся за столько лет, и смотрели на него с томлением, в котором слез было больше, чем в любом другом чувстве, когда-либо посещавшем их души, и говорили так:

– О Меримна, наш город, наш возлюбленный град, окруженный стенами!

Как прекрасны твои тонкие шпили, Меримна! Ради тебя оставили мы землю со всеми ее королевствами и скромными полевыми цветами, и ради тебя мы ненадолго покинули Небеса.

Нелегко было оторвать взгляд от лица Бога, ибо оно – как теплый огонь в очаге, как сладкий сон и величественный гимн; оно всегда безмятежно, и спокойствие его полно света.

Для тебя мы на время покинули Рай, Меримна.

Многих женщин любили мы, но возлюбленный город был у нас только один.

Гляди, вот спят твои жители, наш любимый народ. Как прекрасны их сны! Во снах оживают даже мертвые, даже те, кто умер давным-давно и чьи уста сомкнулись навеки. Потускнели огни твои, потускнели и погасли совсем, и тихи лежат улицы. Тсс! Ты дремлешь, о Меримна, спишь, как юная дева, что, смежив ресницы, дышит чуть слышно, не зная ни тревог, ни забот.

Вот твои бастионы и старый крепостной вал, Меримна. Защищают ли их жители твои так, как мы когда-то? Но мы видим, что стены кое-где обрушились...

И, подлетев ближе, души воинов с беспокойством вгляделись.

– Но нет, не человеческие руки сделали это – безжалостные годы сточили камень, и неукротимое Время перстами коснулось стен. Твои бастионы, Меримна, как перевязь девы, как пояс, обвитый вокруг ее стана. Смотри, вот роса ложится на стены, как жемчуга, которыми расшит твой драгоценный пояс!

Тебе грозит опасность, Меримна, потому что ты так прекрасна. Неужто погибнешь ты, потому что не в наших силах защитить тебя сегодняшней ночью, неужто сгинешь, ибо мы кричим, но никто нас не слышит, как не слышит ни один человек голосов смятых лилий?

Так говорили могучие капитаны, привыкшие повелевать войсками в битве, но звук их голосов был не громче писка летучей мыши, что проносится над землей в вечерних сумерках. Когда появилась пурпурная стража, первым дозором обходившая крепостной вал, древние воины окликнули их: «Меримна в опасности! Враг уже крадется во тьме!», но их зов так и не был услышан, потому что все они были лишь странствующими духами, и стражники, так ничего и не заметив, зашагали дальше, продолжая распевать на ходу песнь о Веллеране.

Тогда молвил своим товарищам Веллеран:

– Наши руки не в силах больше удерживать меч, наши голоса не слышны, а тела лишились былой силы. Мы – всего лишь грезы, так давайте же отправимся в сны. Пусть каждый из вас – и ты тоже, юный Ираин, – войдет в сновидения спящих мужчин, пусть внушит им снять со стен прадедовские мечи и собраться у выхода из ущелья. Я же тем временем найду им вождя и вложу ему в руки свой меч.

И, решив так, воины преодолели крепостную стену и оказались на улицах любимого города, где туда и сюда летал беззаботный ветер, и вместе с ветром носилась туда и сюда душа Веллерана – того самого Веллерана, который когда-то противостоял неистовым ураганам атак. А души его товарищей – и душа юного Ираина тоже – проникали в грезы спящих мужчин и шептали:

– Как душно, как жарко нынче в городе! Ступай в пустыню, к горам, где веет прохладный ночной ветерок, да не забудь взять с собой меч, что висит на стене, потому что в пустыне рыщут разбойники!

«Мы – всего лишь грезы, так давайте же отправимся в сны»

И бог этого города в самом деле наслал на него жар, который навис над тонкими шпильями Меримны; на улицах стало невыносимо душно, и спящие очнулись от дремоты и подумали, как приятно и прохладно должно быть там, где прохладный ветерок скатывается по ущелью с гор. И в точности как во сне, сняли они со стен мечи, которыми владели их далекие предки, чтобы защищаться в пустыне от разбойников. А души товарищей Веллерана – в том числе и душа юного Ираина – всё кочевали из сновидения в сновидение, и страшно торопились при

этом, ибо ночь летела к концу; они вселяли тревогу в сны мужчин Меримны, так что в конце концов разбудили всех и заставили выйти из домов с оружием – всех, кроме одетых в пурпурное стражников, которые, не ведая об опасности, продолжали пением славить Веллерана, ибо бодрствующий человек не внимлет голосам умерших.

А Веллеран летел над городскими крышами, пока не наткнулся на крепко спящего Рольда. К этому времени Рольду уже исполнилось восемнадцать лет, и вырос он сильным, светловолосым и высоким, как Веллеран. И душа героя зависла над ним, и легко и бесшумно – точно бабочка, которая сквозь кружево шпалер влетает в цветущий сад, – вошла в его сны и сказала спящему Рольду так:

– Ты должен отправиться во дворец, чтобы еще раз полюбоваться мечом, огромным кривым мечом Веллерана. Ступай туда непременно нынешней ночью – и увидишь, как играет на клинке лунный свет.

И во сне своем Рольд ощутил такое сильное желание увидеть меч Веллерана, что, не просыпаясь, вышел из дома своей матери и отправился во дворец, где были сложены добытые героями трофеи. А душа Веллерана, направлявшая его сновидения, заставила Рольда задержаться перед огромным красным плащом Веллерана, и сказала юноше:

– Как ты замерз! Завернись-ка в этот плащ и защити себя от ночной прохлады.

И Рольд послушался и накинул на себя огромный красный плащ, а душа Веллерана уже подвела его к мечу и шепнула во сне:

– Тебе хочется дотронуться до меча Веллерана, протяни же руку и возьми его.

Но Рольд ответил:

– Да что я буду делать мечом Веллерана?!

И душа старого капитана ответила спящему:

– Этот меч очень приятно держать; возьми же в руки меч Веллерана.

Но Рольд, продолжая спать, громко возразил ему:

– Это запрещено законом; никому не дозволено касаться меча.

С этими словами Рольд повернулся, чтобы уйти, и в душе Веллерана родился горестный плач, который был тем более страшен, что не мог герой издать ни звука; это не нашедшее выхода рыдание все кружило и кружило в душе его, словно эхо, разбуженное в тиши какой-нибудь мрачной кельи какими-то черными делами, – эхо, которое веками мечется меж каменных стен, едва слышное и никем не слышимое.

И вскричала душа Веллерана, обращаясь ко снам Рольда:

– Ваши колени скованы! Вы увязли в болоте и не можете двинуться с места!

И сон воззвал к Рольду:

– Твои ноги связаны, ты попал в болото и увяз.

И Рольд встал перед мечом, не в силах сдвинуться с места, и пока он стоял, душа Веллерана зарыдала в его сновидениях:

– Как тоскует Веллеран по своему мечу, по своему чудесному изогнутому мечу! Несчастный Веллеран, который когда-то сражался за Меримну, оплакивает во тьме свой клинок. Не лишай же Веллерана его прекрасного оружия, ибо сам он мертв и не может прийти за ним, – бедный, бедный Веллеран, который когда-то сражался за Меримну!

И тогда Рольд разбил кулаком стеклянный футляр и взял в руки меч, огромный кривой меч Веллерана, а душа воина шепнула ему во сне:

– Веллеран ждет у входа в глубокое ущелье, что ведет в горы, – ждет и плачет, плачет о своем мече...

И Рольд пошел из города, перебрался через крепостной вал и направился через пустыню к горам, и хотя глаза его были широко открыты, он все еще спал, спал как прежде.

А к этому времени огромное число городских жителей уже собралось перед устьем ущелья, и все они были вооружены старинными мечами, и Рольд не просыпаясь шагал между ними с оружием в руках, и горожане, завидев его, удивленно восклицали:

– Глядите! Глядите! У Рольда меч Веллерана!

А Рольд дошел до самого ущелья, и тут голоса людей разбудили его. Юноша не помнил ничего из того, что делал во сне; он очень удивился, увидев в своих руках меч Веллерана, и спросил:

– Что ты такое, о прекрасная, прекрасная вещь? В тебе сверкают огни, и ты не знаешь покоя. Ты – меч Веллерана, его славный кривой клинок!

И Рольд поцеловал рукоять меча и ощутил на губах соленый вкус пота, пролитого Веллераном во многих битвах. А потом он сказал:

– Для чего он нужен людям?

И тут из глубины ущелья до слуха Рольда донеслось бряцанье доспехов, и все жители города, не знавшие, что такое война, услышали, как этот лязг приближается к ним в ночной темноте, ибо четыре армии шли и шли на Меримну, все еще не видя врага. Тогда Рольд крепче сжал рукоять огромного кривого меча, и его острие словно бы немного приподнялось. И в сердцах людей, которые стояли тут же с мечами пращуров, тоже появилось какое-то новое чувство. Все ближе и ближе подходили не ведающие об опасности беспечные армии четырех владык, и в головах жителей Меримны, которые собрались за спиной Рольда со старыми мечами в руках, стала пробуждаться память предков. Даже дозорные из пустыни проснулись и держали наготове свои копья, потому что Роллори, который когда-то водил в бой целые армии, а теперь сам стал сновидением, сражающимся с чужими снами, сумел разбудить воинственный дух и в их грезах.

А вражеское войско уже подошло совсем близко. Неожиданно Рольд прыгнул вперед и выкрикнул:

– Веллеран! Меч Веллерана!

И неистовый, хищный клинок, мучимый столетней жаждой, взлетел вверх в руке Рольда и вонзился меж ребер первого врага. И когда его лезвие окунулось в теплую кровь, то в искривленную душу этого меча вошла радость, что сродни радости пловца, который, прожив много лет в засушливых и безводных местах, выходит из теплого моря, роняя со своего тела капли воды. Когда же племена увидели алый плащ и знакомый им страшный меч, то по рядам их прокатился крик:

– Веллеран жив!

И, вторя ему, раздались ликующие победные вопли, и тяжелое дыхание бегущих, и меч Веллерана тихонько пел что-то, взлетая в воздух и роняя с лезвия тяжелые красные капли. И последним, что я разглядел в этой сече, удалявшейся вверх по ущелью, был огромный клинок, который то взлетал над головами людей, то опускался, то голубел в лунных лучах, то мерцал красным и так понемногу растворился в ночном мраке.

«Веллеран! Меч Веллерана!»

Но на рассвете мужчины Меримны вышли из ущелья, и солнце, которое взошло, чтобы дарить миру новую жизнь, осветило вместо этого вселяющие ужас дела, что совершил меч Веллерана. И тогда Рольд сказал:

– О меч, меч! Как ты страшен и как ужасны дела твои! Зачем достался ты людям? Сколько глаз по твоей вине не увидят больше прекрасных садов? Сколько зачахнет полей – тех полей, где стоят дивные белые домики, вокруг которых резвятся дети? Сколько опустеет долин, что могли бы вынырнуть в лоне своем уютные деревушки, – и все потому, что когда-то давно ты убил мужчин, которые могли бы выстроить их? Я слышу, о меч, как рыдает рассекаемый тобой ветер. Он летит из заброшенных долин и с несжатых полей. Он несет голоса детей, которые никогда не родятся. Смерть может положить конец несчастьям тех, кто когда-нибудь жил, но им, нерожденным, придется плакать вечно. Меч, о меч, зачем боги вручили тебя людям?

И из глаз Рольда покатались на гордый меч слезы, но и они не смогли отмыть его дочиста.

Когда же прошла горячка боя, то ли от усталости, то ли от утренней прохлады дух жителей Меримны смутился и остыл – как смутилось и сердце их вождя, – и они, поглядев на меч Веллерана, сказали:

– Никогда, никогда больше не вернется к нам Веллеран, потому что мы видим его меч в чужой руке. Теперь-то мы точно знаем, что он умер. О Веллеран, ты был нашим солнцем,

нашей луной и нашими звездами, но солнце зашло, луна разбилась, а звезды рассыпались, как бриллиантовое ожерелье, которое злая рука срывает с шеи убитого...

Так плакали жители Меримны в час своей славной победы, ибо поступки людей часто бывают необъяснимы, а за их спинами лежал древний мирный город, которому ничто больше не угрожало. И прочь от стен прекрасной Меримны – над горами, над землями, что они когда-то покорили, над всем миром – уходили обратно в Рай души Веллерана, Суренара, Моммолека, Роллори, Аканакса и юного Ираина.

Конец Баббулкунда

Я сказал себе: «Пора увидеть Баббулкунд, Город Чудес. Он ровесник Земли, и звезды ему сестры. Фараоны древних времен из Аравии, идучи покорять новые земли, первыми увидели монолит горы в пустыне и вырезали в горе башни и площади. Они разрушили одну из гор, сотворенных Богом, но создали Баббулкунд. Он высечен, не построен; его дворцы – одно целое с его террасами: ни скреп, ни зазоров.

Баббулкунд воплощает красоту юности мира. Он считает себя центром Земли, и четверо ворот его обращены к четырем сторонам света. Перед восточными воротами сидит огромный каменный бог. Его лицо вспыхивает, освещенное лучами рассвета, и когда солнце согревает его губы, они приоткрываются и произносят слова «Оун Оум» на давно забытом языке, – все, кто поклонялся этому богу, давно уже в могилах, и никто не знает, что означают слова, произносимые им на рассвете. Иные говорят, что он приветствует солнце – бог приветствует бога на языке богов, иные – что он возвещает новый день, иные – что он предостерегает. И так у каждого ворот – чудо, в которое невозможно поверить, пока не увидишь».

И собрал я трех друзей, сказав им: «Мы – это то, что мы видели и познали. Отправимся же в путь, чтобы увидеть Баббулкунд, ибо это украсит наш разум и возвысит наш дух».

И сели мы на корабль, и поплыли по бурному морю, и не вспоминали своих городов, но прятали мысли о них, как грязное белье, подальше, грезя о Баббулкунде.

И, приплыв к земле, неувядаемую славу которой составляет Баббулкунд, наняли мы караван верблюдов и арабов-проводников и после полудня двинулись к югу, чтобы через три дня пути по пустыне оказаться у белых стен Баббулкунда. И горячие лучи солнца лились на нас с раскаленного белесого неба, а жар пустыни жег снизу.

На закате мы остановились и стреножили лошадей, арабы отвязали тюки с провизией и разожгли костер из кустарника, ибо после заката зной покидает пустыню внезапно, как вспархивает птица. И увидели мы, что с юга приближается путник на верблюде, и когда он приблизился, сказали:

– Подходи и располагайся среди нас, ибо в пустыне все люди братья; мы дадим тебе мяса и вина, а если вера твоя не позволяет тебе пить вина, мы дадим тебе другого питья, не проклятого пророком.

Путник сел возле нас на песок, скрестив ноги, и отвечал так:

– Послушайте, я расскажу вам о Баббулкунде, Городе Чудес.

Баббулкунд стоит ниже слияния рек, там, где Унрана, Река Преданий, впадает в Воды Легенд, иначе называемые Старый Поток Плегатаниз. Радуюсь, вместе втекают они в северные ворота. С давних времен текли они во тьме сквозь гору, в которой Нехемос, первый из фараонов, вырезал этот Город Чудес. Бесплодные, долго текут они по пустыне, каждая в предназначенном ей русле, и нет жизни на их берегах. Но в Баббулкунде они питают священные пурпурные сады, воспетые всеми народами. По вечерам все пчелы мира устремляются туда тайными воздушными тропами. Некогда Луна, выглянув из царства сумерек, где правит наравне с Солнцем, увидела Баббулкунд в убранстве пурпурных садов и полюбила его; она искала ответной любви, но Баббулкунд отверг ее, ибо был он прекрасней сестер своих – звезд. И теперь по ночам лишь сестры-звезды приходят к нему. Даже боги порой восхищаются Баббулкундом в убранстве пурпурных садов. Слушайте, ибо я вижу по вашим глазам, что вы не были в Баббулкунде; в ваших глазах нетерпение и недоверие. Слушайте. В садах, о которых я говорю, есть озеро. Другого такого нет на свете; нет равного ему среди озер. Берега его из стекла, и такое же дно. По нему снует множество рыбок с алой и золотой чешуей и плавниками. Фараон Нехемос Восемьдесят Второй (который правит городом сейчас) имеет обыкновение вечерами в одиночестве приходить к озеру и сидеть на берегу, а в это время восьмьсот рабов медленно

спускаются по подземным ходам в пещеры под озером. Четыреста рабов идут друг за другом, неся пурпурные огни, с востока на запад; четыреста рабов, неся зеленые огни, идут друг за другом с запада на восток. Две цепочки огней сходятся и расходятся, рабы ходят и ходят, и рыбки в испуге выпрыгивают из воды.

И пока путник рассказывал, спустилась ночь, холодная и величественная, и мы, завернувшись в одеяла, улеглись на песок под звездами, небесными сестрами Баббулкунда. И всю ночь пустыня разговаривала, тихо, шепотом, но я не знаю о чем. Это понимали только песок и ветер. И пока ночь длилась, они нашли следы, которыми изрыли мы священную пустыню, поколдовали над ними и скрыли их; и тогда ветер улегся и песок успокоился. Снова поднимался ветер и колыхался песок, и это повторялось много раз.

Все время пустыня шептала о чем-то, чего я никогда не узнаю.

Я ненадолго заснул и проснулся от холода перед самым рассветом.

Солнце появилось внезапно; оно заиграло на наших лицах, и, откинув одеяла, мы встали, и устремились к югу, и, переждав полуденную жару, двинулись дальше. И все время пустыня оставалась одинаковой, как сон, который не кончается, не отпускает усталого спящего.

И часто нам навстречу по пустыне проходили путники – они шли из Города Чудес, и глаза их излучали свет и гордость – ведь они видели Баббулкунд.

В этот вечер на закате к нам приблизился другой путник, и мы приветствовали его словами:

– Не хочешь ли разделить трапезу с нами, ибо в пустыне все люди братья?

И он спустился с верблюда, и сел возле нас, и заговорил:

– Когда утро освещает колосса по имени Неб и Неб говорит, в Баббулкунде тотчас просыпаются музыканты фараона Нехемоса.

Поначалу пальцы их тихо, едва касаясь, блуждают по струнам золотых арф или скрипок. Потом голос каждого инструмента звучит все яснее, подобно тому, как жаворонок взмывает ввысь из росистой травы, пока вдруг все голоса не сливаются воедино, рождая новую мелодию. Так каждое утро в Городе Чудес музыканты Нехемоса создают новое чудо, ибо они не простые музыканты, а виртуозы, некогда захваченные в плен и привезенные на кораблях с Песенных островов. И под эту музыку Нехемос просыпается в восточных покоях своего дворца в северной части города, высеченного в форме полумесяца длиною в четыре мили. Из всех окон его восточных покоев видно, как солнце восходит, а из всех окон западных покоев – как оно садится.

Проснувшись, Нехемос зовет рабов, которые приносят паланкин с колокольчиками, и, накинув одежды, он садится в паланкин. И рабы бегом несут его в комнату омовений, вырезанную из оникса, и маленькие колокольчики звенят на бегу. И когда Нехемос выходит оттуда, омытый и умашенный, к нему подбегают рабы и в позванивающем паланкине несут его в Восточный трапезный зал, где совершает он первую трапезу нового дня. Оттуда по величественному белому коридору, все окна которого обращены к солнцу, Нехемос следует в своем паланкине в Зал для приема послов с Севера, что весь убран северными диковинами.

Стены этого зала изукрашены янтарными узорами, повсюду расставлены резные кубки из темно-коричневого северного хрусталя, а пол покрыт мехами с берегов Балтийского моря.

В соседних залах хранится лакомая для привычных к холоду северных людей еда и крепкое северное вино, бесцветное, но забористое.

Здесь правитель принимает вождей варваров заснеженных земель.

Далее рабы быстро несут его в Зал для приема послов с Востока – стены его из бирюзы, усыпаны цейлонскими рубинами, занавеси вытканы в сердце великолепного Инда или в Китае, и стоят в нем статуи восточных богов. Фараон издавна поддерживает отношения с Моголами и Мандаринами, ибо учтивы их речи, ибо именно с Востока пошли все искусства и знания о мире. Так проходит Нехемос и по другим залам, принимая то арабских шейхов, что пришли

через пустыню с запада, то пугливых обитателей из джунглей юга, посланных своим народом оказать ему почтение. И все время рабы с паланкином, на котором звенят колокольчики, бегут на запад, вслед за солнцем, и неизменно солнце светит прямо в тот зал, где сидит Нехемос, и всегда ему слышна музыка то одного, то другого, то нескольких музыкантов. А когда время близится к полудню, рабы, чтобы скрыться от солнца, бегут в прохладные рощи, что раскинулись вдоль веранд северной стороны дворца. Жара словно побеждает музыку – один за другим музыканты роняют руки со струн, последняя мелодия тает, в этот миг Нехемос засыпает, и рабы, опустив паланкин, ложатся подле. В этот час весь город замирает; дворец Нехемоса и гробницы прежних фараонов в молчании обращаются к солнцу. Даже ювелиры, торгующие самоцветами на базарной площади, сворачивают торговлю, и песни их затихают – ибо в Баббулкунде продавец рубинов поет песнь рубина, продавец сапфиров поет песнь сапфира, и у каждого камня собственная песнь, и торговцы славят свой товар, распевая песни.

Но в полдневный час все звуки затихают, продавцы драгоценностей на базарной площади ложатся в тень, какую им посчастливится найти, покупатели возвращаются в прохладу своих дворцов, и глубокая тишина повисает над Баббулкундом в сверкающем воздухе. А с дуновением вечерней прохлады кто-нибудь из музыкантов правителя, стряхнув дремоту, пробежит пальцами по струнам арфы, и этот аккорд вдруг напомним ему шум ветра в горных долинах Острова Песен. Движимый воспоминаниями, музыкант исторгнет из глубин души своей арфы великий плач, и его друзья проснутся и заиграют песню о доме, в которой сплетаются предания портовых городов, куда приплывают корабли, с деревенскими сказками о людях прежних времен. Один за другим, все музыканты подхватят эту песню, и Баббулкунд, Город Чудес, встрепенется от нового чуда. И вот Нехемос просыпается, рабы поднимаются на ноги и несут паланкин на юго-запад, к внутренней стороне огромного дворца-полумесяца, чтобы царь снова мог созерцать солнце. Паланкин, звеня колокольчиками, снова движется, на базарной площади снова раздаются голоса продавцов драгоценностей: песнь изумруда, песнь сапфира; на крышах разговаривают люди, на улицах причитают нищие, музыканты исполняют свою работу; и все эти звуки сливаются в единый шум – вечерний голос Баббулкунда. Все ниже и ниже клонится солнце, и, следуя за ним, запыхавшиеся рабы приносят Нехемоса в прекрасные пурпурные сады, песни о которых, без сомнения, поют и в вашей стране, откуда бы вы ни пришли.

Там Нехемос покидает паланкин и восходит на трон слоновой кости, установленный посередине сада, и долго сидит один, обратясь лицом к западу, и наблюдает закат, пока солнце не скроется совсем. В этот час лицо Нехемоса тревожно. Люди слышали, как на закате он бормочет: «И даже я, и даже я!» Так говорит фараон Нехемос, когда солнце заканчивает свой сияющий путь над Баббулкундом.

А чуть позже, когда звезды высыплют на небо, смотрят на Баббулкунд и завидуют красоте Города Чудес, фараон идет в другую часть сада и в полном одиночестве сидит в опаловой беседке на берегу священного озера. Озеро с берегами и дном из стекла, подсвеченное снизу блуждающими пурпурными и зелеными огнями, – одно из семи чудес Баббулкунда. Три его чуда – в пределах города: это озеро, о котором я вам рассказываю, пурпурные сады, о которых я уже говорил, – им дивятся даже звезды, и Онг Зварба, о котором вы услышите позже. Четыре же чуда Баббулкунда в его четырех воротах.

«И даже я, и даже я!»

В восточных воротах каменный колосс Неб. В северных воротах чудо реки и арок, ибо Река Преданий, которая сливается с Водами Легенд в пустыне за стенами города, втекает под ворота чистого золота и течет под множеством причудливо изогнутых арок, соединяющих берега. Чудо западных ворот – это бог Аннолит и собака Вос. Аннолит сидит за западными воротами, обратясь лицом к городу. Он выше всех башен и дворцов, потому что голова его

изваяна в самой вершине старой горы. Глаза его – два сапфира; они сияют в тех же впадинах, что и в момент Сотворения мира; древний ваятель лишь сколол покрывавший их мрамор, открыв их дневному свету и полным зависти взглядам звезд. Рядом с ним, размером больше льва, собака Вос с обнаженными клыками и воинственно вздыбленным загривком; выточен каждый волосок шкуры на загривке Воса. Все Нехемосы поклонялись Аннолиту, но все их подданные молились собаке Вос, ибо закон Баббулкунда таков, что никто, кроме Нехемоса, не может поклоняться Аннолиту. Чудо южных ворот – это джунгли, ибо джунгли, море диких джунглей, куда не ступала нога человека, со своею тьмой, деревьями, тиграми, с тянущимися к солнцу орхидеями, вошли через мраморные ворота в стены города и заняли многомильное пространство внутри него. Эти джунгли еще древнее, чем Город Чудес, ибо с давних времен они покрывали одну из долин горы, которую Нехемос, первый из фараонов, превратил в Баббулкунд.

У края джунглей стоит опаловая беседка, мерцающая в огнях озера; сюда Нехемос приходит по вечерам; и вся беседка увита пышно цветущими орхидеями джунглей. А рядом с беседкой – его гаремы.

Четыре гарема у Нехемоса: в одном – крепкие женщины с северных гор, в другом – темнокожие хитрые женщины джунглей, в третьем – женщины пустыни с блуждающей душой, что чахнут в Баббулкунде, и в четвертом – принцессы его племени со смуглыми щеками; в них течет кровь древних фараонов, и красотой своей они соперничают с Баббулкундом. Они ничего не знают ни о пустыне, ни о джунглях, ни о суровых северных горах. Женщины племени Нехемоса одеваются в простые платья и не носят украшений, ибо знают они, что фараон устает от пышности. Одна лишь Линдерис, в жилах которой течет царственная кровь, носит украшения – это Онг Зварба и еще три драгоценных камня поменьше, добытых со дна морского. И камня, подобного Онг Зварба, нет ни в тюрбане Нехемоса, ни в самых заповедных уголках моря. Тот же бог, что создал Линдерис, давным-давно создал Онг Зварба; она и Онг Зварба сияют одним светом, а рядом с этим чудесным камнем блещут три меньших морских камня.

Все затихает, когда царь сидит в опаловой беседке у священного озера, окруженный цветущими орхидеями. Звук шагов усталых рабов, что ходят с разноцветными огнями, не доходит до поверхности.

Давно уснули музыканты, и смолкли голоса горожан. Лишь донесется порой, почти как песня, вздох какой-нибудь из женщин пустыни, или жаркой летней ночью кто-нибудь из женщин гор запоеет песнь о снеге, да ночь напролет в пурпурных садах заливаается соловей; остальное все безмолвно; любясь Баббулкундом, восходят и заходят звезды, холодная несчастная луна одиноко плывет между ними, Город чудес окутывает ночь, и наконец Нехемос, восемьдесят второй в своем роду, поднимается и тихо уходит.

Путник замолчал. Долго ясные звезды, сестры Баббулкунда, слушали его, ветер пустыни поднимался и шептался с песком, и долго песок незаметно колыбался; никто из нас не двигался, и никто не спал, даже не от восхищения его рассказом, но от мысли, что через два дня мы собственными глазами увидим этот удивительный город. Потом мы завернулись в одеяла, улеглись ногами к тлеющим углям костра и тотчас заснули, и сны наши множили славу Города Чудес.

Взошло солнце, и заиграло на наших лицах, и осветило лучами своими пустыню. И встали мы, приготовили утреннюю трапезу, и, поев, путник простился с нами. А мы вознесли хвалу его душе перед богом земли, откуда он пришел, его родной земли на севере, и он вознес хвалу нашим душам перед богом людей той земли, откуда пришли мы.

Еще один, пеший путник нагнал нас; его одежды превратились в лохмотья; казалось, он шел всю ночь и смертельно устал; мы дали ему пищи и питья, и он принял с благодарностью. Мы спросили, куда он идет, и он ответил: «В Баббулкунд». Тогда мы предложили ему верблюда, сказав: «Мы тоже идем в Баббулкунд». Но он ответил непонятно:

– Нет, спешите вперед, ибо печальная участь – не увидеть Баббулкунда, пока он еще стоит. Спешите вперед, и взгляните на него, и тотчас бегите прочь, на север.

Она и Онг Зварба сияют одним светом

И хотя мы не поняли его, мы тронулись в путь, ибо он был настойчив, и продолжали идти на юг по пустыне. Еще до полудня мы достигли оазиса с источником, окруженным паль-

мами. Напоили надменных, выносливых верблюдов, наполнили свои фляги; утешили глаза своим созерцанием зелени и много часов пребывали в тени. Иные заснули, но каждый из тех, кто не спал, тихо напевал песни своей страны о Баббулкунде. Почти вечером мы снова двинулись к югу и шли по прохладе, пока солнце не закатилось. А когда мы разбили лагерь и устроились у костра, нас опять нагнал человек в лохмотьях, который весь день шел пешком, и мы опять дали ему пищи и питья, и он заговорил, и говорил так:

– Я слуга Бога моего народа, и я иду в Баббулкунд, чтобы исполнить то, что повелел он мне. Баббулкунд – самый красивый город в мире, никакой другой не сравнится с ним; даже звезды завидуют его красоте. Он весь белый, а розовые прожилки во мраморе улиц и домов – словно пламя в белой душе скульптора, словно страсть в раю. Давным-давно город был высечен в священной горе, и вырезали его не рабы, но художники, которые любили свое дело. Они не брали за образец дома людей, но каждый ваял то, что стояло перед его внутренним взором, воплощая в мраморе видения своей мечты. Крышу одного дворца венчают крылатые львы, расправившие крылья, подобно летучим мышам; и каждый размером со льва, сотворенного Господом, а крылья их больше любых крыл в мире; один над другим стоят они, числом больше, чем под силу счесть человеку, и все выточены из одного куска мрамора, и из него же под ними высечен зал дворца, что высится на высеченных из того же куска мрамора ветвях дерева-папоротника, созданного руками каменотеса из джунглей, любившего высокие папоротники. Над Рекой Преданий, слившейся с Водами Легенд, мосты – как сплетенные ветви глицинии, увитые ниспадающими лианами с названием «золотой дождь». О! Прекрасен белоснежный Баббулкунд, прекрасен, но горд; но Бог моего народа, наблюдая великолепие города, увидел, что Нехемосы поклоняются идолу Аннолиту, а весь народ – собаке Вос. Прекрасен Баббулкунд; увы, я не могу его благословить. Я мог бы жить на одной из его улиц, любясь на таинственные джунгли, где цветы орхидей тянутся к солнцу, выбираясь из тьмы. Я мог бы любить Баббулкунд великой любовью, но я слуга Бога моего народа, а властитель Баббулкунда согрешил тем, что поклоняется идолу Аннолиту, а народ его – собаке Вос. Увы тебе, Баббулкунд, увы, я уже не могу повернуть назад – завтра я должен проклясть тебя и напрогнозировать тебе гибель, Баббулкунд. Но вы, путешественники, что были так гостеприимны, садитесь на верблюдов и поспешите, ибо я иду исполнить повеление Бога моего народа и не могу больше медлить. Спешите увидеть красоту Баббулкунда, пока я не проклял его, и тотчас бегите на север.

Тлеющие угли нашего костра вспыхнули, и странно блеснули глаза человека в лохмотьях. Вдруг он встал, и его изорванные одежды взметнулись, как от сильного порыва ветра; не сказав ни слова, он быстро повернулся к югу и устремился во тьму. Тишина упала на наш лагерь, повеяло запахом табака, что выращивают в этих землях.

Когда костер догорел, я уснул, но отдых мой тревожили сны о роковом конце.

Наступило утро, и проводники сказали, что мы доберемся до города засветло. Снова двинулись мы по однообразной пустыне, и навстречу нам из Баббулкунда шли путешественники, и в глазах их отражалась красота его чудес.

В полдень, устроившись на отдых, мы увидели множество людей, бегущих с юга. Когда они приблизились, мы приветствовали их словами: «Как там в Баббулкунде?»

Они отвечали:

– Мы не принадлежим к народу Баббулкунда, в юности нас взяли в плен и привезли с гор, на севере. Сейчас нам всем явился Бог нашего народа и позвал в родные горы, вот почему мы бежим на север. А в Баббулкунде Нехемоса тревожили сны о роковом конце, и никто не мог истолковать эти сны. Вот сон, что приснился фараону Нехемосу в первую ночь. Снилось ему, что в тишине летит птица, вся черная, и при каждом взмахе ее крыльев Баббулкунд тускнеет и темнеет; вслед за ней летит птица, вся белая, и при каждом взмахе ее крыльев Баббулкунд сияет и сверкает; и так пролетели еще четыре птицы, поочередно черные и белые. Когда летела черная птица, Баббулкунд темнел, а когда летела белая, дома и улицы сияли. Но после шестой

птицы Баббулкунд исчез, и там, где он стоял, осталась лишь пустыня, по которой печально текли Унрана и Плегатаниз. На следующее утро все прорицатели царя кинулись к своим божкам, вопрошая их о смысле этого сна, но идолы молчали. Когда вторая ночь, украшенная множеством звезд, спустилась из Божьих чертогов, фараон Нехемос снова видел сон; во сне явились ему четыре птицы, поочередно черные и белые, как и раньше. И как раньше, Баббулкунд темнел, когда пролетали черные, и сиял, когда пролетали белые; и после четвертой птицы Баббулкунд исчез с лица земли, и осталась лишь пустыня забвения и мертвые реки.

И по-прежнему идолы молчали, и никто не мог истолковать этот сон.

И когда третья ночь опустилась на землю из Божьих чертогов, украшенная звездами, опять Нехемосу был сон. Снова снилось ему, что пролетает черная птица – и Баббулкунд темнеет, а за ней белая – и Баббулкунд сияет, но больше птиц не пролетало, и Баббулкунд исчез. И настал золотой день, и рассеялся сон, и по-прежнему оракулы молчали, и прорицатели Нехемоса не могли истолковать пророческий сон. Лишь один осмелился заговорить перед фараоном и сказал: «Черные птицы, о повелитель, это ночи, а белые птицы – это дни...», но Нехемос разгневался, встал и сразил пророка своим мечом, и душа его отлетела, и больше он не говорил о днях и ночах.

Такой сон был фараону этой ночью, а наутро мы бежали из Баббулкунда. Великий зной окутал его, и орхидеи джунглей склонили головы. Всю ночь в гареме женщины с севера громко плакали по своим горам. Город томили страх и тяжкие предчувствия. Дважды принимался Нехемос молиться Аннолиту, а народ простирался ниц перед собакой Вос. Трижды астрологи смотрели в магический кристалл, где отражалось все, что должно произойти, и трижды кристалл был чист. И когда они пришли посмотреть в четвертый раз, в нем ничего не появилось; и смолкли человеческие голоса в Баббулкунде.

Скоро путники поднялись и вновь устремились на север, оставив нас в удивлении. Зной не давал нам отдохнуть: воздух был неподвижен и душен, верблюды упрямылись. Арабы сказали, что все это – предвестия песчаной бури, что скоро поднимется сильный ветер и понесет по пустыне тучи песка. Но все же после полудня мы поднялись и прошли немного, надеясь найти укрытие, а воздух, застывший в неподвижности между голой пустыней и раскаленным небом, обжигал нас.

Внезапно с юга, от Баббулкунда, налетел ветер, и песок со свистом поднялся и стал ходить огромными волнами. С яростным воем ветер закручивал в смерчи сотни песчаных барханов; высокие, словно башни, они стремились вверх и затем рушились, и слышались звуки гибели. Скоро ветер вдруг стих, вой его смолк, ужас покинул зыбкие пески, и воздух стал прохладнее; ужасная духота и мрачные предчувствия рассеялись, и верблюдам полегчало. И арабы сказали, что буря произошла, как то положено Богом с давних времен.

Солнце село, наступали сумерки, мы приближались к слиянию Унраны и Плегатаниз, но в темноте не могли различить Баббулкунда. Мы поспешили вперед, стремясь попасть в город до ночи, и подошли к самому слиянию Реки Преданий с Водами Легенд, но все же не увидели Баббулкунда. Вокруг были только песок и скалы однообразной пустыни, лишь на юге стеной стояли джунгли с тянущимися к небу орхидеями. И мы поняли, что пришли слишком поздно – злой рок восторжествовал. А над рекой на песке бесплодной пустыни сидел человек в лохмотьях и горько рыдал, закрыв лицо руками.

* * *

Так, на две тысячи тридцать втором году своего существования, на шесть тысяч пятнадцатом от Сотворения мира, пал Баббулкунд, Город Чудес, который ненавидевшие его называли городом Пса; пал за несправедное поклонение идолам, пал, и не осталось от него ни камня; но ежечасно те, кто видел его красоту, оплакивают его – и в Аравии, и в Инде, и в джунглях,

и в пустыне; и, несмотря на Божий гнев, вспоминают его с неизменной любовью, и воспевают и посейчас.

Родня эльфийского народа

Глава 1

Дул Северный Ветер; алые и золотые, последние дни осени трепетали в воздухе, улетаая прочь. Над болотами, холодный и торжественный, вставал вечер. Все стихло.

Последний голубь возвратился к гнезду в кронах деревьев, что росли в отдалении на сухой земле; их призрачные силуэты в неясной дымке уже исполнились некоей тайны.

И вновь все стихло.

Свет угасал, сгущались сумерки, тайна неслышно подкрадывалась со всех сторон.

Тогда, пронзительно крича, прилетели и снизились зеленые ржанки. И снова все стихло – только одна ржанка вспорхнула и пролетела еще немного, оглашая пустоши жалобным кличем. Все замерло, все смолкло в ожидании первой звезды. И вот пролетели утки и свиязи, стая за стаей, и свет дня погас в небе – осталась только алая полоса. На ее фоне показался косяк гусей – огромным темным пятном; крылья птиц поднимали над болотами ветер. Гуси тоже опустились в камыши.

Тогда появились звезды и засияли в тишине, и безмолвие воцарилось в необозримых пространствах ночи.

Вдруг зазвонили, призывая к вечерне, колокола собора, что стоял у болот.

Восемь веков назад у самого края болот люди возвели огромный собор – впрочем, может быть, с тех пор прошло только семь веков или все девять – Диким Тварям не было до того дела.

Люди собрались на вечернюю молитву, зажглись свечи, алые и зеленые отблески света за окнами отразились в воде, и над болотами медленно поплыл рокочущий звук органа. Тогда из глубин гибельных топей, окаймленных яркими мхами, запрыгали Дикие Твари и закружились в танце, ступая на отражения звезд, а над головами танцующих вспыхивали и гасли болотные огни.

Дикие Твари обличем схожи с людьми, но кожа их бурого цвета, и ростом они не больше двух футов. Уши у них заостренные, словно у белок, только гораздо длиннее, и подпрыгивают они весьма высоко. Днем Дикие Твари таятся в глубоких омуты в самой непроходимой части болот, а ночами поднимаются на поверхность и затевают танцы. Над головою каждой Дикой Твари горит болотный огонек и движется вместе с нею; души у них нет, и смерти они не знают; они – родня эльфийского народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.